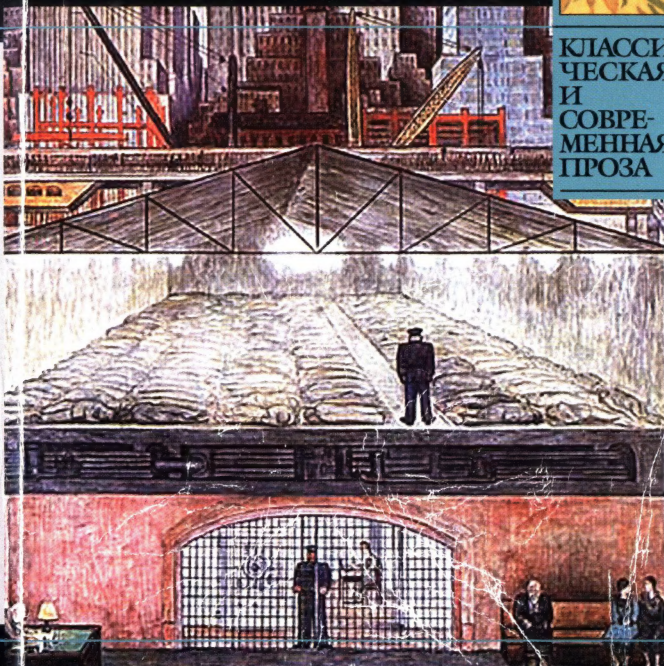

КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПРОЗА

Курт

ВОННЕГУТ

Галапагосы

роман

Галапагосы

**КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПРОЗА**

1000

BOHLEN

1000

Курт

ВОННЕГУТ

Галапагосы

роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
В73

Серия «Классическая и современная проза»
основана в 2000 году

Kurt Vonnegut
GALAPAGOS

*Перевод с английского П. Зафирова
при участии Ю. Здорова*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Ю. Герцевой

Печатается с разрешения The Bantam Dell Publishing
Group, a division of Random House, Inc. и литературного
агентства Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 01.12.09. Формат 70х90 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 10,44. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 9549

Воннегут, К.

В73 Галапагосы : роман: [пер. с англ.] / Курт Воннегут. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 285, [3] с. — (Классическая и современная проза).

ISBN 978-5-17-019882-5 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-02965-0 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

«Галапагосы» — роман в некотором роде уникальный для «позднего» Курта Воннегута, поскольку именно в нем писатель, в совершенстве овладевший даром очаровывать и завораживать читателя тонкой и сверкающей иронией повествования, продолжает истории многих героев и «антигероев» своей «ранней» прозы — и делает это со зрелой мудростью настоящего мастера...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Kurt Vonnegut Jr., 1985

© Перевод. Ю. Здоровов, 2003

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

ГАЛАПАГОСЫ

Посвящается памяти Хиллиса Л. Хоуи (1903—1982), натуралиста-любителя — хорошего человека, который вывез меня, моего лучшего друга Бена Хитца и еще нескольких ребят на американский Дикий Запад из Индианаполиса, штат Индиана, летом 1938 года.

Мистер Хоуи познакомил нас с настоящими индейцами, заставлял нас каждую ночь спать под открытым небом и зарывать в землю свой навоз, и учил нас ездить на лошадях, и поведал нам названия множества растений и животных, и рассказал о том, что им приходится делать для сохранения жизни и размножения.

Как-то ночью мистер Хоуи напугал нас до полусмерти — намеренно, воя, как дикий кот, близ нашего лагеря.

И настоящий дикий кот откликался ему.

Несмотря ни на что, я все-таки верю, что люди в глубине души действительно добры.

Анна Франк (1929—1944)

КНИГА ПЕРВАЯ ТАК БЫЛО

1

Было так:

Миллион лет тому назад, в 1986 году нашей эры, Гуаякиль являлся главным морским портом небольшой южноамериканской республики Эквадор, столица которой, Кито, располагалась высоко в Андах. Гуаякиль лежал на два градуса южнее экватора — воображаемого пояса планеты, давшего название самой стране. Царила там неизменная жара, да и влажность, так как город построен был в безветренной экваториальной зоне, на пружинящем болоте, которое образовывали, сливаясь, несколько сбегавших с гор рек.

Открытое море начиналось в нескольких километрах от этого морского порта. Неред-

ко месиво водорослей заполняло воды дельты, делая их студенистыми, облепляя сваи причалов и якорные цепи.

В те времена мозг у людей был значительно больших размеров, чем сегодня, и потому его могли занимать разного рода загадки. В 1986 году они, например, не могли разгадать, как множество тварей, не способных вплавь покрывать большие расстояния, сумело достичь Галапагосских островов — архипелага вулканических скал к западу от Гуаякиля, который был отделен от материка тысячекилометровой полосой глубокой, холоднейшей воды, прямиком из Антарктики. К моменту открытия этих островов людьми там уже обитали гекко и игуаны, рисовые крысы и лавовые ящерицы, пауки и муравьи, жуки и кузнечики, клещи и иные паразиты, не говоря уже о гигантских сухопутных черепахах.

Каким образом все они туда добрались?

Чересчур крупный мозг многих людей той поры довольствовался следующим ответом: на природных «плотах».

Другие возражали, говоря, что подобные «плоты» быстро пропитываются водой и распадаются на части — и никому еще не доводилось встречать их вне видимости берега; к тому же течение, господствующее между островами и материком, отнесло бы такое утлое суденышко на север, а не в западном направлении.

Либо утверждали, будто все эти сухопутные обитатели перешли, не замочив ног, по некоему естественному мосту или перебрались вплавь короткими бросками от одного выступающего над водой утеса до другого, после чего некоторые из этих пере-

валочных пунктов успели исчезнуть под водой. Однако ученые при помощи своих крупных мозгов и хитроумных инструментов составили к 1986 году карты океанского дна. Там, как они заявили, не было обнаружено ни малейшего следа сильно возвышающихся частей ландшафта.

Третьи в ту эпоху непомерно больших мозгов и прихотливого мышления настаивали, что некогда острова являлись частью материка и откололись от него вследствие какой-то крупной природной катастрофы.

Но, судя по виду самих островов, не похоже было, чтобы они откололись от чего бы то ни было. Это явно были еще молодые вулканы, исторгнутые из недр земли в том самом месте, где они теперь находились. Многие из них, еще совершенно новорожденные, могли в любой момент снова начать извергаться. Тогда, в 1986 году, они еще не слишком обросли кораллами и потому не могли похвастать голубыми лагунами и белоснежными песчаными пляжами (каковые в глазах многих являли собой прообраз идеальной загробной жизни).

Ныне, миллион лет спустя, острова обзавелись уже и белоснежными пляжами, и голубыми лагунами. Однако к началу этой истории они еще представляли собой безобразное нагромождение складок, куполов, конусов и пиков, образованных лавой — хрупкой и шероховатой, чьи трещины, выемки, шурфы и провалы были богаты запасами не плодородной почвы или питьевой воды, а тончайшего, высушенного до предела вулканического пепла.

Еще одна бытовавшая в те времена теория гласила, что Всемогущий Господь сотворил всю эту живность именно там, где ее и обнаружили ис-

следователи, так что ей не было вообще никакой необходимости добираться до островов.

Наконец, согласно последней теории, все эти твари сошли на берег парочками с трапа Ноева ковчега.

Если Ноев ковчег существовал в действительности — что вполне возможно, — то повествование свое я мог бы озаглавить «Второй Ноев ковчег».

2

Не составляло, напротив, никакой загадки миллион лет назад то, каким образом намеревался попасть с южноамериканского континента на Галапагосские острова тридцатипятилетний американец по имени Джеймс Уэйт, который абсолютно не умел плавать. Само собой разумеется, он не собирался оседлывать созданный природой плавучий островок из растений, в надежде на счастливый исход. Только что он приобрел в своем отеле, располагавшемся в центре Гуаякиля, билет на новый, с иголки пассажирский корабль «Bahia de Darwin» (что в переводе с испанского означает «Бухта Дарвина»), который должен был отправиться в свое первое плавание — двухнедельный круиз на Галапагосы. Премьеру, предстоявшую судну, на чьей мачте развевался эквадорский флаг, еще за год до отплытия анонсировали и разрекламировали как «Естествоиспытательский круиз века».

Уэйт путешествовал один. Это был преждевременно облысевший пухлый коротышка с лицом цвета не-
пропеченного пирога из дешевого кафетерия
и в очках — так что на вид, будь ему в том

выгода, он вполне мог выдавать себя за пятидесятилетнего. Главным его стремлением было выглядеть безобидным и робким.

В данный момент он был единственным посетителем коктейль-бара в отеле «Эльдорадо», расположенном на широкой улице Дьес де Агосто, где он снимал номер. Бармен, двадцатилетний потомок гордых инкских аристократов, имя которого было Хесус Ортис, не мог отделаться от ощущения, что дух этого бесцветного и недружелюбного человечка, назвавшегося канадцем, сломлен некой ужасной несправедливостью или трагедией. Уэйт хотел, чтобы любой, кто его увидит, чувствовал то же самое.

Хесус Ортис, один из приятнейших персонажей моего повествования, испытывал в отношении этого одинокого туриста скорее жалость, чем презрение. Ему было грустно — как на то и рассчитывал Уэйт — от мысли, что постоялец только что израсходовал кучу денег в магазинчике при отеле на соломенную шляпу, веревочные сандалии, желтые шорты и сине-белую хлопчатобумажную рубашку, в которые тот сейчас и был выряжен. Ортис припомнил, что, прибыв из аэропорта в деловом костюме, Уэйт выглядел весьма достойно. А теперь, ценою больших затрат, приобрел вид клоуна, карикатуры на американского туриста в тропиках.

К новой, хрустящей рубашке Уэйта еще был приторочен ценник, и Ортис вежливо и на хорошем английском сказал ему об этом.

«Разве?..» — проронил Уэйт. Он знал, что ценник болтается на нем, и хотел, чтобы тот продолжал болтаться. Однако разыграл небольшой спектакль, изобразив замешательство и даже словно бы намереваясь оторвать злосчастный клочок картона.

Но затем, словно переполненный вновь некой печалью, от которой он старался бежать, как бы забыл о своем намерении.

Уэйт был рыбаком, а ценник на рубашке — его наживкой, способом подтолкнуть незнакомых людей к тому, чтобы те заговорили с ним и в той или иной форме сказали ему то, что произнес Ортис: «Извините меня, сеньор, но не мог не заметить...»

В отеле Уэйт был зарегистрирован под именем, которое значилось в его фальшивом канадском паспорте: Уиллард Флемминг. Он был чрезвычайно удачливым мошенником.

Самому Ортису ничто не угрожало, однако для женщины без спутника — зажиточной наружности, незамужней и уже рожавшей — Уэйт представлял бы определенную опасность. До сего момента он успел обольстить и заставить выйти за себя замуж семнадцать подобных жертв, после чего, очистив их шкатулки с драгоценностями, сейфы и банковские счета, исчезал.

Везение его было столь велико, что ему удалось стать миллионером и открыть под разными вымышленными именами процентные счета в банках по всей территории Северной Америки, ни разу при этом ни на чем не поправшись. Насколько ему было известно, никто даже и не помышлял о том, чтобы поймать его. Что касается полиции, то для нее, рассуждал наш герой, он был лишь одним из семнадцати сбежавших от жены мужей, которые носили соответственно семнадцать разных имен, а не одним и тем же преступником по имени Джеймс Уэйт.

Ныне трудно поверить, что люди когда-то могли являть столь блестящий образец двуличия, как Джеймс Уэйт, — если только не помнить, что

в те давние времена почти у всякого индивида мозг весил порядка трех килограммов! Не было предела злым козням, которые столь непомерно разросшийся мыслительный аппарат мог задумать и осуществить.

И потому я задаю вопрос (хотя поблизости нет никого, кто бы на него ответил): можно ли сомневаться, что трехкилограммовый мозг некогда представлял собой почти роковой дефект с точки зрения эволюции человеческого рода?

И еще: какой, помимо нашей переусложненной нервной системы, источник злодеяний, творившихся практически повсеместно, существовал в ту эпоху?

Мой ответ: никакого. Если бы не эти невероятно гипертрофированные мозги, Земля была бы совершенно невинной планетой.

3

Отель «Эльдорадо» представлял собой только что отстроенное пятиэтажное пристанище для туристов — сооружение из простых, без затей цементных блоков. Пропорциями он напоминал застекленную книжную полку, высокую, широкую и не слишком вместительную. Сквозь стекло, заменявшее во всех спальнях гостиницы западную стену, от пола до потолка, открывался вид на причал для океанских кораблей, который был расположен в углубленной части дельты, на удалении трех километров от города.

В прошлом причал этот бурлил коммерцией. Суда со всех концов земли доставляли сюда мясо и зерно, овощи и фрукты, машины и одежду, оборудование и бытовую технику и еще многое и многое — и увозили взамен в своих трюмах эквадорские

кофе и какао, сахар и нефть, золото и предметы индейского искусства, и поделки, включая панамы, которые испокон века изготавливались в Эквадоре, а не в Панаме.

Однако в тот день, когда Джеймс Уэйт, глядя на рейд, потягивал в баре отеля ром с кока-колой, против причала стояла на приколе лишь пара кораблей. Пьянчутый на самом деле он не был, так как зарабатывал на жизнь изобретательностью ума и не мог позволить, чтобы тонкие соединения помещавшегося в его черепе компьютера были выведены из строя алкогольным замыканием. Стоявшая перед ним выпивка служила театральным реквизитом — как и несрезанный ценник, болтавшийся на его шутовской рубаше.

Он не имел возможности судить, было ли нынешнее состояние дел на причале нормальным или нет. Еще пару дней назад он слыхом не слыхивал о Гуаякиле и сейчас впервые за всю свою жизнь находился южнее экватора. Что касается отеля, то «Эльдорадо», на взгляд нашего героя, ничем не отличался от массы других безликих гостиниц, под крышей которых ему доводилось находить приют во время своих прошлых эскапад — в Мус-Джо, штат Саскачеван, в мексиканском городке Сан-Игнасио, в Уотервайте, штат Нью-Йорк, и так далее.

Название города, где он сейчас пребывал, Уэйт выбрал на табло прилетов и отлетов в нью-йоркском Международном аэропорту имени Кеннеди. Накануне он обобрал до нитки и бросил свою семнадцатую жену — семидесятилетнюю вдову из города Скокки, что под Чикаго. И Гуаякиль показался ему местом, в котором та менее всего догадается разыскивать его.

Женщина эта была столь уродлива и глупа, что лучше бы ей вовсе не родиться на

свет Божий. Тем не менее Уэйт стал вторым, кто взял ее себе в жены.

Но и в «Эльдорадо» он слишком долго задерживаться не собирался, поскольку приобрел у агента бюро путешествий, чья конторка располагалась в вестибюле отеля, билет на «Естествоиспытательский круиз века». В этот послеобеденный час город был раскаленное адской печи. Снаружи не веяло ни ветерка, но нашего героя это заботило мало, ибо он находился внутри, в кондиционированном баре отеля, и все равно вскоре собирался в путь. Его корабль, «Bahia de Darwin»¹, должен был отплыть ровно в полдень завтра, в пятницу, 28 ноября 1986 года — миллион лет тому назад.

Бухта, в честь которой названо было пассажирское судно Уэйта, вдавалась с юга в остров Хеновеса, относящийся к Галапагосскому архипелагу. Уэиту никогда прежде не доводилось слышать о Галапагосах. Он полагал, что они должны походить на Гавайи, где он однажды проводил медовый месяц, или Гуам, куда его раз занесло во время очередных бегов, — с бесконечными белоснежными пляжами, голубыми лагунами, раскачивающимися на ветру пальмами и смуглокожими девушками-туземками.

Агент бюро путешествий вручил ему проспект, в котором рассказывалось о предстоящем круизе, однако Уэйт до сих пор не удосужился в него заглянуть. В данную минуту тот лежал перед ним на стойке бара. Проспект правдиво описывал негостеприимность островов и предупреждал желающих принять участие в круизе — чего не сделал агент бюро путешествий, — что те должны находиться в хорошей физической

¹ «Бухта Дарвина» (исп.).

форме и иметь при себе прочные ботинки и походную одежду, так как им придется часто высаживаться на берег, карабкаясь по его скалистым склонам, как морская пехота.

Бухта Дарвина была названа так в честь великого английского ученого Чарльза Дарвина, который посетил Хеновесу и ряд соседних островов и провел там пять недель в 1835 году, когда он был еще двадцатилетним молодым человеком, на девять лет моложе Уэйта. Дарвин в качестве внештатного натуралиста находился на борту корабля Ее Величества «Бигль», участвуя в картографической экспедиции, которая позволила ему совершить полное кругосветное путешествие и длилась пять лет.

В проспекте, предназначенном скорее для любителей природы, нежели искателей удовольствий, приводилось сделанное Дарвином описание типичного ландшафта Галапагосов из его первой книги «Путешествие на "Бигле"»:

«На первый взгляд трудно представить себе что-либо более непривлекательное. Изломанное поле черной базальтовой лавы, брошенное посреди бушующих волн и изборозженное глубокими расщелинами, сплошь покрыто чахлой, выжженной солнцем порослью, почти не подает признаков какой-либо жизни. Сухая и раскаленная каменная поверхность, разогреваемая полуденным солнцем, придавала воздуху ощущение спертости и духоты, точно из печи; нам чудилось даже, будто от кустов исходил неприятный запах».

Далее Дарвин продолжал: «Вся поверхность... казалось, пропускала, словно сито, подземные испарения: то здесь, то там лава, будучи еще мягкой, образовала огромные пузыри; в других местах

своды сформировавшихся подобным образом пещер обрушились, оставив вместо себя круглые кратеры с отвесными стенами». Это зрелище, писал он, живо напомнило ему «...те места Стаффордшира, где больше всего расположено литейных печей».

В баре «Эльдорадо», в обрамлении полок и бутылок, висел напротив стойки портрет Дарвина — увеличенная репродукция стальной гравюры, где он был изображен не молодым человеком во время экспедиции на острова, а дородным отцом семейства, уже по возвращении в Англию, с бородою, пышной, словно рождественская елка. Тот же самый портрет красовался на футболках, выставленных на продажу в гостиничном магазинчике, и Уэйт купил себе пару. Так выглядел Дарвин в то время, когда друзья и родственники наконец уговорили его изложить на бумаге свои познания о том, как различные формы жизни повсюду, включая его самого, его друзей и родственников и даже его королеву, приобрели вид, какой они имели в девятнадцатом веке. В результате тот настроил самый широкий по общественному воздействию — за всю эпоху великих больших мозгов — научный труд. Трактат этот, более чем любой другой, способствовал стабилизации изменчивых человеческих представлений о том, как можно определить успех или неудачу. Только вообразите! И заглавие книги отражало ее безжалостное содержание: «О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за выживание».

Уэйт сроду не читал этой книги, и имя Дарвина было для него пустым звуком — несмотря на то, что время от времени он удачно сходил за образованного человека. Вот и сейчас он подумывал

о том, чтобы назваться, на время «Естествоиспытательского круиза века», инженером-механиком из Мус-Джо, штат Саскачеван, недавно овдовевшим, после того как жену его унес рак.

В действительности его официальное образование прервалось после двух лет обучения на автомеханика в ремесленном училище его родного города Мидлэнд-Сити, в штате Огайо. В то время он жил в уже пятой по счету приемной семье, будучи от рождения сиротой — плодом кровосмесительной связи между отцом и дочерью, которые вместе навсегда бежали из города вскоре после его рождения.

Когда он сам достаточно повзрослел, чтобы сбежать, Уэйт автостопом добрался до острова Манхэттен, в Нью-Йорке. Там он познакомился с сутенером, который научил его успешно зарабатывать проституцией среди гомосексуалистов, оставлять несрезанными ценники на одежде, срывать любовные удовольствия где только возможно и так далее. Некогда Уэйт был вполне хорош собою.

Когда юношеская красота его поувяла, он стал преподавать в студии бальных танцев. Уэйт был танцором от природы, и еще в детские годы в Мидлэнд-Сити слышал, что и родители его отлично умели танцевать. Чувство ритма он, вероятно, унаследовал от них. Именно в танцклассе он встретил и принялся обхаживать первую из семнадцати его будущих жен.

На протяжении всего его детства приемные родители сурово наказывали Уэйта за любой пустяк, без разбора. Они полагали, что по причине дурной наследственности из него должен получиться моральный урод.

И вот этот самый урод восседал теперь в отеле «Эльдорадо» — довольный, богатый, благополучный (насколько он мог сам судить) и с готовностью ожидающий нового испытания на выживание.

Как и Джеймс Уэйт, я, кстати, подростком тоже сбежал из дома.

4

Англосакс Чарльз Дарвин, тихоголосый и благовоспитанный, безликий и бесполой, безучастно наблюдательный в своих сочинениях, почитался героем в буйном, страстном, многоязыком Гуаякиле в силу того, что имя его служило возбудителем туристского бума. Если бы не Дарвин, не было бы никакого отеля «Эльдорадо» или корабля «Bahia de Darwin», готовых приютить Джеймса Уэйта. Ни, наконец, магазинчика, где последний бы смог столь комично вырядиться.

Не объяви Чарльз Дарвин Галапагосские острова крайне поучительным местом, Гуаякилю суждено было бы остаться просто одним из множества раскаленных и грязных морских портов, а острова представляли бы для Эквадора не большую ценность, чем шлаковые отвалы где-нибудь в Стаффордшире.

Благодаря Дарвину острова эти преобразились не сами по себе, но в глазах людей. Вот какое значение имели мнения в эпоху великолепных больших мозгов.

Более того, какие-то мнения могли руководить поступками людей не меньше, чем реальные факты, — будучи при этом подвержены таким

внезапным изменениям, которых факты претерпевать не в состоянии. Так, Галапагосские острова могли быть объявлены адом, а всего мгновение спустя — раем, а Юлий Цезарь почитаться то государственным деятелем, то, чуть погодя, мясником, равно как эквадорскими бумажными деньгами, лишь миг тому назад шедшими в уплату за пищу, кров и одежду, вдруг начинали выстилать птичьи клетки, а мироздание, еще вчера считавшееся творением Господа Бога, внезапно признавалось продуктом огромного космического взрыва — и так далее, и так далее.

Ныне, благодаря пониженным умственным способностям, чертенята мнений больше не отвлекают людей от главного дела их жизни.

Белый человек открыл Галапагосские острова в 1535 году, когда на них наткнулся испанский корабль, сбившись с курса во время шторма. Острова оказались необитаемы, и никаких признаков человеческого поселения там обнаружить не удалось.

Несчастное судно должно было всего лишь, не теряя из виду южноамериканского побережья, доставить в Перу панамского епископа. Однако разразившийся шторм бесцеремонно отнес его далеко на запад, где, согласно общепринятому мнению, не могло находиться ничего, кроме океана и еще раз океана.

Но когда шторм утих, испанцы обнаружили, что доставили своего епископа в кошмарный сон любого моряка — к клочкам суши, являвшим собой дьявольскую издевку: ни надежного места для стоянки, где можно было бы бросить якорь, ни тени, ни пресной воды, ни плодоносящих растений и ни единого человеческого существа. Там они застряли в мертвом штиле, приканчивая остатки воды и продовольствия. Поверхность океана была глаже зеркала.

ла. Они спустили на воду шлюп и кое-как, налегая на весла, отбуксировали беспомощный корабль и своего духовного пастыря прочь из гиблого места.

Испания сочла за благо не заявлять прав на владение островами, как не стала бы претендовать на обладание преисподней. И целых три столетия — куда изменившееся общественное мнение не позволило архипелагу появиться на географических картах — ни одна страна не изъявляла желания присвоить его себе. Наконец в 1832 году одно из самых маленьких и бедных государств планеты, каковым являлся Эквадор, обратилось к народам мира, прося их согласиться с тем, чтобы острова считались частью эквадорской территории.

Никто не возражал. В то время это казалось безобидным и даже комичным. Как если бы Эквадор в приступе империалистического помешательства решил присоединить к своей территории пролетающее мимо Земли астероидное облако.

Но затем, всего через три года, молодой Чарльз Дарвин принялся всех уверять, что те зачастую причудливые растения и животные, которые ухитрились каким-то образом выжить на пустынных островах, придают последним чрезвычайную ценность — если только взглянуть на них как он, с научной точки зрения.

Лишь одним словом можно верно охарактеризовать мгновенно пережитое островами превращение из ничего не стоящих в бесценные: *волшебство*.

Да, и к моменту появления в Гуаякиле Джеймса Уэйта там уже успело побывать, по пути к островам, такое множество интересующихся естественной историей, желающих увидеть то, что видел Дарвин, и ощутить то, что чувствовал он, что к

порту было приписано целых три прогулочных судна, самым новым из которых была «Bahia de Darwin». В городе имелось несколько современных туристских отелей, новейшим среди которых был «Эльдорадо», а также сувенирные магазины, модные лавки и рестораны для туристов, усеивавшие от начала до конца улицу Дьес де Агосто.

Однако вот такая штука: к приезду туда Джеймса Уэйта мировой финансовый кризис, внезапный пересмотр людских представлений о ценности денег, фондов, акций, залладных векселей и тому подобных бумажек подорвал туристический бизнес не только в Эквадоре, но и практически повсеместно. Так что «Эльдорадо» оставался единственным еще открытым отелем на весь Гуаякиль, а «Bahia de Darwin» — единственным прогулочным судном, которое было на плаву.

«Эльдорадо» был открыт лишь как место сбора для купивших билеты на «Естествоиспытательский круиз века», поскольку владельцем его была та же эквадорская фирма, которой принадлежал и корабль. Но в данный момент, менее чем за сутки до отплытия, на весь двухсотместный отель насчитывалось всего шесть постояльцев, включая Джеймса Уэйта. Вот кто были остальные пятеро:

*Зенджи Хирогуши, двадцати девяти лет, японский компьютерный гений;

Хисако Хирогуши, двадцати шести лет, его глубоко беременная жена, преподаватель икебаны — японского искусства составлять букеты;

*Эндрю Макинтош, пятидесяти пяти лет, американский финансист и искатель приключений, обладатель огромного унаследованного им состояния, вдовец;

Селена Макинтош, восемнадцати лет, его слепая от рождения дочь;

И, наконец, Мэри Хепберн, пятидесяти одного года, вдовая американка из Илиума, штат Нью-Йорк, которую в отеле еще никто практически не видел, так как, прибыв накануне вечером без сопровождения, она не выходила из своего номера на пятом этаже, куда ей доставляли еду.

Те двое, чьи имена отмечены звездочкой, еще до захода солнца окажутся мертвы. Это условное обозначение в дальнейшем будет не раз повторяться на протяжении моего рассказа, давая читателю понять, что тому или иному персонажу вскорости предстоит решающее дарвиновское испытание на силу и живучесть.

Я тоже там присутствовал — но совершенно незримо.

5

«Bahia de Darwin» был тоже обречен, но еще не настолько, чтобы против его названия можно было ставить звездочку. Лишь через пять суток его машинам предстояло смолкнуть навеки, и должно было минуть еще десять лет, прежде чем он окажется на океанском дне. Это было не только самое новое, большое и быстроходное прогулочное судно, приписанное к порту Гуаякиль. Корабль специально предназначался для туристических круизов на Галапагосы, и, с того самого момента, как был заложен его киль, предполагалось, что он будет постоянно курсировать взад-вперед между портом и островами.

Судно было построено в Мальмё, в Швеции, при моем собственноручном участии. Смешанная команда из шведов и эквадорцев, доставившая его из Мальмё в Гуаякиль, полагала, что шторм, который им довелось перенести по пути в Северной Атлантике, был первым и последним испытанием бурными водами и ледяным ветром, выпавшим на долю этого корабля.

Это был одновременно и плавающий ресторан, и лекторий, и ночной клуб, и отель на сотню посадочных мест. Судно оснащено было радаром и сонаром, а также электронным навигатором, который непрерывно фиксировал место его нахождения на поверхности земного шара с точностью до ста метров. Оно было настолько автоматизировано, что один человек, стоя на мостике, без чьей-либо помощи в машинном отделении или на палубе был в состоянии запустить машины, поднять якорь, лечь на курс и управлять кораблем, словно легковым автомобилем. Прибавьте к этому восемьдесят пять сточных туалетов, двенадцать биде и телефоны в каютах и на мостике, по которым через спутник можно было связаться с любой точкой мира.

И еще телевизионную связь, так что пассажиры могли быть в курсе текущих событий.

Владельцы судна, двое престарелых братьев-немцев, живущих в Кито, с гордостью заявляли, что ему ни на мгновение не грозит оказаться отрезанным от остального мира. Не много же они знали.

Длина корабля была семьдесят метров.

Тогда как «Бигль», на котором в качестве внештатного натуралиста путешествовал Чарльз Дарвин, считывал всего двадцать восемь.

При спуске «Bahia de Darwin» со стапелей в Мальмё тысяче ста метрическим тон-

нам морской воды пришлось потесниться, уступив место корпусу судна. Меня к тому времени уже не было в живых.

«Бигль», спущенный в свое время на воду в Фэлмете, в Англии, вытеснил лишь двести пятнадцать метрических тонн.

«Bahia de Darwin» был теплоходом с металлическим корпусом.

«Бигль» же — парусником, построенным из дерева и оснащенным десятью пушками для защиты от пиратов и дикарей.

Два более старых прогулочных судна, с которыми должно было конкурировать «Bahia de Darwin», вышли из игры еще до начала соревнования. Места на обоих были забронированы под завязку на много месяцев вперед, но затем, из-за разразившегося финансового кризиса, посыпался поток отказов. И вот теперь они стояли на приколе в одной из заводей дельты, вне видимости со стороны города, вдали от дорог и человеческого жилья. Владельцы — в предвосхищении их долгого бездействия — счистили с них всю электронику и прочую ценную оснастку.

В конечном счете Эквадор, как и Галапагосские острова, сложен был главным образом из лавы и пепла и не мог самостоятельно прокормить девять миллионов своего населения. Обанкротившись, он больше не имел возможности закупать продовольствие у стран, в изобилии наделенных почвой, поэтому порт Гуаякиль стоял в запустении и люди начали умирать там голодной смертью.

Ничего не поделаешь — бизнес есть бизнес.

Соседние Перу и Колумбия также были банкроты. Помимо «Bahia de Darwin» на рейде Гуаякиля находился только ржавый колумбийский

сухогруз «San Mateo», застрявший там из-за отсутствия средств на покупку провианта и топлива. Он стоял на удалении от берега и уже очень долгое время, так что на его якорной цепи успел нарасти изрядный островок водорослей. Такой величины, что слоненок вполне мог бы добраться на нем до Галапагосских островов.

Мексика, Чили, Бразилия и Аргентина тоже были объявлены банкротами — равно как Индонезия, Филиппины, Пакистан, Индия, Таиланд, Италия, Ирландия, Бельгия, Турция. Целые нации оказались внезапно в том же положении, что и «San Mateo», — не в состоянии приобрести на свои бумажные или металлические деньги ни под долговые обязательства, даже предметы первой необходимости. Те, кто обладал какими-либо необходимыми для жизнеподдержания товарами, отказывались уступать их за деньги — все равно, соотечественникам или иностранцам. Они вдруг получили возможность сказать людям, чье состояние имело лишь бумажное выражение: «Эй, вы, идиоты, очнитесь. С чего вы решили, что бумага может иметь какую-то ценность?»

На земном шаре оставалось еще достаточно пищи, горючего и прочих запасов для всех его обитателей, сколь многочисленны они ни были, однако все новые и новые миллионы их начинали приближаться к голодной смерти. Даже самые здоровые из них могли обходиться без еды не более сорока дней, после чего им наступал конец.

И голод этот был столь же очевидно продуктом переразвитости человеческого мозга, как и Девятая симфония Бетховена.

Все дело заключалось в головах людей. Они просто изменили свой взгляд на бумажное

богатство, но по практическим своим последствиям перемена эта могла сравниться с прямым попаданием в Землю метеорита размером с Люксембург, от которого планета сошла бы с орбиты.

6

Этот финансовый кризис, какой ни за что не может разразиться в наши дни, был последней в ряду гибельных катастроф двадцатого века, зародившихся исключительно в человеческом мозгу. При виде того насилия, которое люди творили над собою самими, друг над другом и над всем живым вообще, пришелец с другой планеты имел бы основание предположить, что в самой окружающей среде что-то пошло наперекосяк и человечество обезумело перед лицом Природы, которая собирается истребить его.

Однако в действительности Земля тогда, миллион лет назад, была столь же богата влагой и плодородна, как и сегодня, и в этом отношении ей не было равных на всем протяжении Млечного Пути. Изменилось лишь представление людей о ней.

К чести человечества, каким оно было в ту пору, следует сказать: все большее число людей признавало свои мозги безответственным, ненадежным, страшно опасным и совершенно непрактичным инструментом — словом, никуда не годными.

В микрокосме отеля «Эльдорадо», к примеру, вдова Хепберн, завтракавшая, обедавшая и ужинавшая в своем номере, в тот день вполголоса проклинала собственный мозг за совет, который тот ей подбрасывал: совершить самоубийство.

«Ты мой враг, — шептала она. — С какой стати я должна носить в себе такого страшного недруга?» Она четверть века преподавала биологию в государственной средней школе города Илиум, штат Нью-Йорк (ныне не существующий), и потому ей была известна странная легенда об эволюции вымершего к тому времени существа, которое люди называли «ирландским лосем». «Будь у меня возможность выбирать между таким мозгом, как ты, и рогами ирландского лося, — обратилась она к своей центральной нервной системе, — я бы предпочла рога».

Рога же этих животных зачастую бывали размером с люстру в банкетном зале. Они были потрясающим примером того — любила она повторять своим ученикам, — как терпима может быть природа по отношению к очевидно нелепым ошибкам эволюции. Ирландский лось просуществовал два с половиной миллиона лет, несмотря на то, что рога его были чересчур неуклюжи для орудия самообороны и мешали их владельцам искать корм в гуще леса и зарослях кустарника.

Мэри также учила школьников, что человеческий мозг — самое восхитительное устройство для выживания, созданное эволюцией. И вот теперь ее собственный большой мозг внушал ей снять полиэтиленовый чехол с красного вечернего платья, висящего в шкафу ее гостиничного номера в Гуаякиле, и плотно обмотать его себе вокруг головы, дабы перекрыть поступление кислорода в клетки.

Накануне, в аэропорту, ее замечательный мозг надоумил ее препоручить чемодан со всеми туалетными принадлежностями и одеждой, кото-

носильщику, оказавшемуся на поверку вором. То была ее ручная кладь, прибывшая вместе с нею рейсом Кито — Гуаякиль. К счастью, в ее распоряжении оставалось содержимое второго чемодана, который она предпочла не брать с собою, а сдать в багаж, — в том числе вечернее платье, висевшее теперь в шкафу и предназначавшееся для выходов в свет во время плавания на «Bahia de Darwin». Кроме него, в чемодане находились водолазный костюм, ласты и маска для подводного плавания, два купальника, пара грубых туристских ботинок и комплект полевой формы морских пехотинцев США — из числа оставшихся с войны излишков — для вылазок на берег, который в данный момент и был на ней. Что до брючного костюма, бывшего на ней по прилете из Кито, то она, под влиянием опять-таки своего увесистого мозга, отдала его в чистку, доверившись печальноокому управляющему отеля, который пообещал, что костюм будет возвращен ей чистым наутро, к завтраку. Однако, к вящему замешательству управляющего, костюм также исчез.

Но самый большой подвох, устроенный ей ее мозгом — не считая совета покончить самоубийством, — заключался в том, что ему удалось убедить ее приехать в Гуаякиль вопреки всем известиям о разразившемся мировом финансовом кризисе и почти полной уверенности, что «Естествоиспытательский круиз века», билеты на который всего лишь месяц назад были полностью раскуплены, будет отменен за отсутствием пассажиров.

Ее колоссальный мыслительный аппарат способен был проявлять и мелочность. В данный момент он не разрешал ей спуститься вниз в десантной форме на том основании, что все — хотя

отель был практически безлюден — станут потешаться, увидя ее в таком одеянии. Рассудок твердил ей: «Они будут покатываться со смеху за твоей спиной и считать тебя сумасшедшей и жалкой. Жизнь твоя все равно кончена. Ты потеряла мужа и свою преподавательскую работу, и у тебя нет ни детей, ни кого бы то ни было еще, ради кого стоило бы жить. Так что давай-ка избавься от своего унижительного положения с помощью чехла от платья. Что может быть легче? Что может быть безболезненнее? Что может быть разумнее?»

Отдадим должное ее мозгу: не его вина, что 1986 год обернулся для нее так отвратительно. А начинался год так многообещающе, муж Мэри, Рой, казалось, находился в добром здравии и прочно занимал свою должность техника-смотрителя на «ДЖЕФФКо», главной фабрике Илиума; директор устроил в ее честь банкет и вручил медаль «За выдающийся 25-летний вклад в преподавание», а школьники в двенадцатый раз подряд избрали ее самым популярным учителем года.

Помнится, встречая Новый год, она произнесла: «Ах, Рой! Нам есть за что быть благодарными судьбе: мы так счастливы по сравнению с большинством других людей. Я готова заплакать от счастья!»

А он, сжав ее в объятиях, ответил: «Что ж, давай поплачь...» Ей был пятьдесят один год, а ему — пятьдесят девять. Оба были большими любителями отдыха на свежем воздухе: туризма, лыжного спорта, альпинизма, гребли на каноэ, бега, велосипедных прогулок, плавания, поэтому фигуры их были юношески стройными. Ни та, ни другой не курили и не пили; питались преимуществен-

но свежими фруктами и овощами, разнообразя время от времени свое меню рыбой.

С деньгами они обращались умело, обеспечивая своим сбережениям такое же — в финансовом смысле — здоровое питание и упражнения, как и себе самим.

Рассказ Мэри о ее и Роя мудрости в денежных делах, безусловно, глубоко взволновал бы Джеймса Уэйта.

И действительно, Уэйт, сей обиратель вдов, сидя в баре «Эльдорадо», размышлял о Мэри Хепберн, хотя еще ни разу не успел с ней встретиться и выяснить наверняка, насколько та обеспечена. Ее имя он увидел в журнале регистрации и не преминул расспросить о ней молодого управляющего отелем.

То немногое, что управляющий сумел ему поведать, пришлось Уэйту по душе. Этой не спускавшейся со своего этажа учительнице, робкой и одинокой — хотя она и была моложе всех тех, кого он окручивал и пускал по миру до сих пор, — похоже, самой природой назначено было пасть его жертвой. Он застигнет ее врасплох во время «Естествоиспытательского круиза века».

Здесь я позволю себе вставить личное наблюдение: еще будучи в живых, я сам часто получал от своего увесистого мозга советы, которые, с точки зрения моего благополучия — да если уж на то пошло, и благополучия всего рода человеческого, — можно было охарактеризовать как, мягко выражаясь, сомнительные. Вот вам пример: он толкнул меня пойти служить в морскую пехоту и отправиться воевать во Вьетнам.

Спасибо ему за это большое.

Национальные валюты всех шести постояльцев «Эльдорадо» — четверых американцев, одного якобы канадца и двоих японцев — пока еще ценились по всему миру наравне с золотом. Но, повторяю, ценность их денег была воображаемой. Как и сама природа мироздания, желанность их долларов и иен существовала исключительно в головах людей.

И если бы Уэйт, который понятия не имел о разразившемся финансовом кризисе, был в своем маскараде до конца последователен и привез с собою в Эквадор канадские доллары, его бы не приняли там со столь распростертыми объятиями. Ибо, хотя Канада еще не обанкротилась, воображение жителей все большего числа стран, включая самих канадцев, вынуждало их все менее охотно продавать что-либо действительно полезное за канадские доллары.

Аналогичное падение своей воображаемой ценности переживали английский фунт стерлингов, французский и швейцарский франки и немецкая марка. А эквадорский сукре, обязанный своим названием национальному герою Антонио Хосе де Сукре (1795—1830), стал цениться не более шкурки от банана.

Наверху, в своем номере, Мэри Хелпберн мучилась вопросом, нет ли у нее мозговой опухоли и не потому ли мозг ее неизменно дает ей один совет хуже другого. Подозрения ее были вполне естественны, учитывая, что именно от опухоли в мозгу скончался всего три месяца назад ее муж Рой. Причем опухоли этой недостаточно оказалось просто лишить его жизни: прежде она исказила его память и помutila рассудок.

Мэри даже подумалось — когда это с ним началось, — уж не действие ли той же опухоли заставило его забронировать билеты на «Естествоиспытательский круиз века» в том многообещающем январе этого, оказавшегося впоследствии столь ужасным года.

Вот как ей довелось узнать о том, что он забронировал места для участия в круизе. Как-то днем она пришла домой с работы, полагая, что Рой еще у себя в «ДЖЕФФКо». Он заканчивал на час позже ее. Однако Рой, на удивление, был уже дома: оказалось, он в тот день уволился по собственному желанию. И это сделал он — человек, обожавший свою возню с техникой и не поступившийся за двадцать девять лет службы ни часом рабочего времени, даже по болезни (поскольку он никогда не болел) или какой-либо иной уважительной причине.

Она спросила, уж не заболел ли он, — и услышала в ответ, что никогда в жизни он не чувствовал себя лучше. Он, показалось ей, был горд своим поступком — подобно юнцу, уставшему ходить все время в пай-мальчиках, Рой был человеком немногословным и не привыкшим зря бросаться словами, не позволявшим себе ни малейшего проявления легкомыслия и незрелости. Но на сей раз он, что было невероятно, произнес с неподражаемо глупым выражением, словно она была его рассерженной матерью: «Я прогулял».

Должно быть, это сказал не он, а его опухоль — думалось Мэри теперь, в Гуаякиле. Худший день для манкирования службой трудно было выбрать: накануне ночью шел град, а в тот день с самого утра зарядил дождь со снегом, усугублявшийся порывистым ветром. А Рой фланировал взад-вперед по Клинтон-стрит, центральной улице Илиума, заходя

в каждый встречавшийся ему на пути магазин и рассказывая продавцам о том, что он прогуливает.

Мэри попыталась изобразить полное понимание и, стараясь, чтобы это звучало искренне, посоветовала ему и впрямь расслабиться и развлечься — хотя они и без того замечательно отдыхали в выходные и во время отпуска, да и на работе, коль уж на то пошло, заняты были приятным делом. Тем не менее от всей этой неожиданной эскапады исходил некий душок. Рой и сам за ранним ужином в тот день, казалось, был озадачен происшедшим. Но не более того. Он не думал, что подобное может повториться, так что они могли забыть этот инцидент — разве что время от времени посмеяться, вспомнив о случившемся.

Но чуть позже, когда они, перед тем как отойти ко сну, глядели на мерцавшие угли камина, который Рой сам соорудил своими мозолистыми руками, он вдруг произнес:

— Это не все...

— Что не все? — спросила Мэри.

— Насчет сегодняшнего, — отозвался он. — Среди прочих мест я зашел и в бюро путешествий.

(В Илиуме было всего одно подобное заведение, отнюдь не процветавшее.)

— И что? — снова спросила она.

— Я заказал билеты... — продолжал он, точно вспоминая посетивший его сон. — За все уплачено. Все оформлено. Дело сделано: в ноябре мы с тобой летим в Эквадор и примем участие в «Естествоиспытательском круизе века».

Рой и Мэри Хепберн были первыми, кто откликнулся на рекламно-пропагандистскую кампанию, призванную собрать пассажиров для первого плавания «Bahia de Darwin», в то время как судно

еще представляло собой едва заложенный киль и стопку чертежей где-то в шведском городе Мальмё. Агент бюро путешествий в Илиуме, когда Рой Хепберн вошел в его офис, как раз прикреплял скотчем к стене только что полученный плакат с рекламой круиза.

Да позволено мне будет вставить замечание личного порядка: я сам с год проработал сварщиком на верфи в Мальмё, однако к тому времени «Bahia de Darwin» еще не материализовалось настолько, чтобы ему потребовались мои услуги. И лишь когда наступила весна, я буквально потерял голову при виде этой стальной красотки. Вопрос: кому не приходилось терять голову по весне?

Однако продолжим.

На рекламном плакате, вывешенном в бюро путешествий в Илиуме, изображена была весьма странная птица, которая, сидя на прибрежном утесе вулканического острова, наблюдала за великолепным белым теплоходом, рассекающим волны. Птица была черной и, судя по всему, размером должна была быть с крупную утку, однако шея ее была длинной и гибкой, как змея. Но самым странным было то, что крыльев у нее, похоже, не было (что почти отражало истинное положение вещей). Эта порода птиц представляла собой эндемик Галапагосских островов — то есть водилась только там и больше нигде на земном шаре. Крылья у нее имелись, но крохотные и плотно прижатые к телу — чтобы она могла плавать быстро и глубоко, как рыба. Это позволяло ей заниматься рыболовством гораздо успешнее многих других птиц, вынужденных дожидаться, покуда рыба всплывет на поверхность, чтобы затем поразить добычу клювом. Эта уникальная порода названа была людьми «нелета-

ющим бакланом». Птицы эти могли сами выследить добычу, а не дожидаться, пока рыба совершит роковую оплошность.

Должно быть, на каком-то этапе эволюции предки этой птицы усомнились в ценности своих крыльев — подобно тому, как люди в 1986 году начали всерьез сомневаться в пользе своих огромных мозгов.

Если Дарвин был прав в отношении закона естественного отбора — тогда, стало быть, короткокрылые бакланы, которых хватало лишь на то, чтобы отправляться на ловлю вплавь с берега, словно рыбацкие лодки, должны были добывать рыбы больше, чем лучшие из их соплеменников, охотившихся с воздуха. Затем они скрещивались с себе подобными — и самые короткокрылые из их потомства становились лучшими рыбаками, и так далее.

То же самое происходило и с людьми, но, разумеется, не в смысле крыльев — поскольку таковых у них никогда не имелось, — а в отношении их рук и мозгов. И теперь им не приходится больше ждать, пока рыба заглотит крючок с наживкой или заплывет в раскинутые ими сети. Тот, кто желает рыбы, ныне просто отправляется за ней напрямиком в синие морские глубины, подобно акуле.

Теперь это стало так легко.

8

Даже тогда, в январе, уже имелось бесчисленное количество причин, по которым Рою Хепберну не стоило бы бронировать билеты на этот круиз. В то время еще не было столь очевидно, что

приближается мировой экономический кризис и к назначенному дню отплытия на Эквадор обрушится голод. Но существовала, к примеру, проблема с работой Мэри. Она еще не предполагала, что ее сократят, заставив досрочно уйти на пенсию, и потому не видела для себя никакой возможности выкроить три недели в конце ноября — начале декабря, в разгар учебного года.

Кроме того, хоть она там и ни разу не была, ей до смерти успели наскучить Галапагосские острова. Она пересмотрела такое несметное множество фильмов, слайдов, книг и статей об архипелаге, вновь и вновь используя их в читавшемся ею курсе, что ей трудно было представить, чтобы там ее могло ждать что-то новое. И совершенно зря.

За все годы совместной жизни они с Роем никогда не выезжали за пределы Соединенных Штатов. Коль уж, тряхнув стариной, совершать действительно сногшибательное путешествие, думалось ей, то она гораздо охотнее побывала бы в Африке, где дикая природа намного богаче, а выживание обусловлено столькими опасностями. Ведь по большому счету живность, населяющая Галапагосы, представлялась бледной и бедной в сравнении с африканскими носорогами, львами, слонами, жирафами и тому подобным.

Перспектива отправиться в подобный вояж даже заставила ее признаться своей близкой подруге: «Меня вдруг охватило чувство, что я не желаю больше в жизни видеть синелапую олушу!»

Не много же ей было известно...

В разговоре Мэри заглушала дурные предчувствия, которые порождала в ней эта поездка, — в уверенности, что муж сам осознает случившееся с ним помрачение рассудка. Но к марту Рой все так же был без работы, а она уже знала, что ее уволят в июне.

Как бы там ни было, возможность поездки в

назначенный срок стала вполне реальной. И круиз этот приобретал в больном воображении Роя все большую значимость, как «единственно приятное, о чем стоит мечтать».

А с работой их произошло следующее: руководство «ДЖЕФФКо» распустило почти всех своих служащих, как рабочих, так и инженерный состав, чтобы модернизировать производство в Илиуме. Сделать это подрядилась японская компания «Матсумото». Та самая, что оснащала автоматикой «Bahia de Darwin». В ней же служил *Зенджи Хирогуши, молодой компьютерный гений, остановившийся со своей женой в отеле «Эльдорадо» в то самое время, когда там жила Мэри.

После завершения установки компьютеров и роботов всем производством, по замыслу «Матсумото корпорейшн», смогли бы управлять всего двенадцать человек. Поэтому те, кто был помоложе, не обремененный детьми или по крайней мере не питавший честолюбивых надежд на будущее в этом царстве автоматике, толпами покидали город. Как скажет позже Мэри Хепберн в свой восемьдесят первый день рождения — за две недели до того, как ее съест громадная белая акула: «Точно Крысолов со своей дудкой прошел по городу». Внезапно вокруг не осталось детей, которых можно было бы учить, и городская казна лопнула за неимением налогоплательщиков. Так что в июне того года илиумская средняя школа в последний раз прощалась с выпускниками.

В апреле Рою поставили диагноз: безнадежный случай мозговой опухоли. С этого момента «Естественно-испытательский круиз века» стал единственным, ради чего он еще хотел жить.

— Столько-то я еще протяну, Мэри. Ноябрь — это ведь скоро, да? — говорил он.

- Да, — отвечала она.
- Столько я смогу протянуть...
- Ты протянешь еще не один год, Рой, — ободряла она его.
- Мне бы только дожить до круиза. Лишь бы увидеть пингвинов там, на экваторе, — говорил он. — С меня и того будет довольно.

Хотя Рой все больше путался в разных вещах, в отношении пингвинов на Галапагосах он был прав. То были костлявые существа, маскировавшие худобу под своими метрботелевскими одеяниями. Они просто вынуждены были иметь такую конституцию. Будь они столь же заплывшими жиром, как их родственники, живущие в антарктических льдах далеко на юге, за полсвета от экватора, — они бы изжарились до смерти, выходя на лавовый берег откладывать яйца и выхаживать птенцов.

Их предки, как и предки бескрылых бакланов, в свое время также отказались от волшебства полета, предпочтя вместо этого умение ловить больше рыбы.

Относительно таинственного энтузиазма, с которым люди миллион лет назад стремились препоручить технике как можно больше областей человеческой деятельности: что это, как не еще одно признание того, что мозги их в те времена не годились ни к черту?

9

Пока длилось умирание Роя Хепберна — а заодно с ним и всего Илиума, — пока и он, и город погибали под воздействием процессов, губительных для здоровья и счастья людей, крупный мозг Роя

внушил ему, будто он служил в американском флоте на атолле Бикини (расположенном, как и Гуаякиль, на экваторе) во время испытаний атомной бомбы в 1946 году. Он заявил, что собирается предъявить собственному правительству иск на миллионы долларов, поскольку якобы полученная им там доза радиации сначала не позволила им с Мэри иметь детей, а теперь вот вызвала у него рак мозга.

Рой действительно прослужил некоторое время на флоте — в остальном же его претензии к правительству Соединенных Штатов Америки были безосновательны, ибо он родился в 1932 году, и американским юристам не составило бы труда это доказать. А значит, к моменту произошедшего с ним, как он утверждал, облучения ему должно было исполниться всего четырнадцать лет.

Это явное несовпадение во времени тем не менее не помешало ему живейшим образом помнить те ужасные вещи, которые правительство заставляло его делать в отношении так называемых «низших животных». По его рассказам, он, действуя практически в одиночку, развозил и устанавливал по всему атоллу столбы, а затем привязывал к ним различную живность.

— Думаю, выбор пал на меня потому, — говорил он, — что звери мне всегда доверяли.

Что касается последнего, то это была истинная правда: животные неизменно относились к Рою с доверием. Несмотря на то что Рой по окончании средней школы не получил никакого специального образования — не считая программы профессионального обучения в «ДЖЕФФКо», — он гораздо

лучше находил общий язык с животными, чем Мэри, получившая степень магистра зооло-

гии в Индианском университете. Он умел, например, разговаривать с птицами на их наречии — чего не дано было ей, чьи предки по обеим линиям были абсолютно лишены слуха. Не было такого домашнего животного, включая сторожевых собак в «ДЖЕФФКо» и опоросившихся свиноматок, которое, сколь бы злобно оно ни было, через каких-нибудь пять минут общения с Роем не превратилось бы в его лучшего друга.

Поэтому можно понять слезы Роя во время рассказа о том, как ему приходилось привязывать зверей к этим проклятым столбам. Эти жестокие эксперименты и впрямь проводились на животных — овцах и свиньях, коровах и лошадях, обезьянах и утках, курах и гусях, — но отнюдь не на том зоопарке, что представал в описаниях Роя. Если верить последнему, он привязывал к столбам павлинов, снежных леопардов, горилл, крокодилов, альбатросов. В его разросшемся мозгу атолл Бикини превратился в прямую противоположность Ноева ковчега: всякой твари по паре было привезено туда, чтобы сбросить на них атомную бомбу.

Самой дикой несообразностью в рассказе Роя (который сам не видел в этом ничего дикого) была, конечно, следующая:

— Дональд тоже был среди них...

Дональдом звали кобеля, золотистого ретривера четырех лет от роду, обитавшего в окрестностях Илиума и, может статься, как раз в эту минуту пробежавшего мимо их дома.

— Мне и без того было так тяжело... — вновь и вновь рассказывал Рой. — Но тяжелее всего оказалось привязывать Дональда. Я все оття-

гивал этот момент до тех пор, пока оттягивать больше уже было нельзя. Непривязанным оставался один Дональд. Он безропотно позволил привязать себя, а когда я покончил с этим, лизнул мою руку и помахал хвостом. Не стыжусь признаться, что я расплакался и произнес сквозь слезы: «Прощай, старина. Тебе предстоит отправиться в иной мир. И наверняка в лучший, потому что никакой другой мир не может быть хуже, чем этот».

В то время, как Рой начал устраивать подобные спектакли, Мэри еще продолжала ежедневно преподавать, по-прежнему убеждая горстку учеников, которые у нее остались, что те должны благодарить Бога, наделившего их столь великолепными большими мозгами. «Неужели вы предпочли бы иметь вместо этого шею, как у жирафа, или способность менять окраску, как у хамелеона, или шкуру, как у носорога, или рога, как у ирландского лося?» — спрашивала она их, продолжая нести все ту же околесицу.

А затем она отправлялась домой — к Рою, ставшему наглядной демонстрацией того, как ненадежен человеческий мозг. Рой согласился лечь в больницу лишь ненадолго, для обследования. Но в остальном вел себя послушно. Водить машину ему было противопоказано, и он, сознавая это, не протестовал, когда Мэри припрятала подальше ключи от его джипа с автоприцепом. И даже сам предложил продать его, сказав, что вряд ли им еще когда доведется заниматься автотуризмом. Так что Мэри не надо было нанимать сиделку для присмотра за Роем, пока она на работе. Соседи-пенсионеры рады были заработать лишних несколько долларов, составляя ему компанию и следя, чтобы он как-нибудь не нанес себе увечья.

Он был для них совершенно безопасен. Подолгу смотрел телевизор и мог часами с удовольствием играть, не выходя со двора, с Дональдом — тем самым золотистым ретривером, погибшим якобы на атолле Бикини.

В ходе своего последнего урока, посвященного Галапагосским островам, Мэри то и дело останавливалась на полуслове и умолкала на несколько секунд под воздействием охватывавшего ее сомнения, которое можно было бы сформулировать примерно следующим образом: «А вдруг я просто сумасшедшая, явившаяся с улицы в этот класс и принявшаяся объяснять этим подросткам тайны жизни? И они поверили мне, хотя все мои рассуждения в корне ошибочны».

И невольно ей приходили на ум все педагоги прошлого, почитавшиеся великими несмотря на то, что, будучи наделены даже здоровым мозгом, они, как выяснилось впоследствии, не меньше Роя заблуждались относительно истинной сути происходящего.

10

Сколько островов насчитывалось в Галапагосском архипелаге миллион лет тому назад? Тринадцать больших, семнадцать поменьше и триста восемнадцать совсем крошечных, представлявших собою не более чем отдельно стоящие скалы, возвышающиеся над водой на пару метров.

Ныне там четырнадцать крупных, семь мелких и триста двадцать шесть мизерных. Вулканическая активность в значительной мере еще сохраняется. Вот вам шутка: боги все еще гnevаются.

И по-прежнему севернее всех, одиноко, на отшибе от других островов лежит Санта-Росалия.

Да, так, стало быть, миллион лет назад, 3 августа 1986 года, человек по имени *Рой Хепберн лежал на смертном одре в своем уютном славном домишке в Илиуме, что в штате Нью-Йорк. О чем он больше всего сожалел перед самым концом — так это о том, что у них с его женой Мэри не было детей. А настаивать, чтобы та после его кончины родила от кого-нибудь еще, он не мог, так как организм ее к тому времени потерял способность оплодотворяться.

— Теперь мы, Хепберны, исчезнем с лица земли, как дронты, — произносил он и продолжал сыпать названиями существ, оказавшихся бесплодными, сухими ответвлениями на древе эволюции. — Как ирландский лось... как бивнеклювый дятел... как *tyrannosaurus rex*¹...

И он продолжал перечислять до бесконечности. Однако вплоть до последней минуты свойственное ему сухое чувство юмора не покидало его, и он делал к этому списку два шуточных добавления. В обоих случаях действительно вымершие не оставили по себе потомства:

— Как оспа... — говорил он, — как Джордж Вашингтон.

До последнего вздоха он всем сердцем верил, что его подвергло облучению собственное правительство. Мэри, врачу и сиделке, неотлучно находившимся при нем, поскольку смерть теперь могла наступить в любой момент, он посетовал:

— Пусть бы это еще была кара Божья!

Мэри эта фраза показалась финальной репликой пьесы. Вымолвив ее, он и впрямь стал подобен мертвецу.

Однако десять секунд спустя его посиневшие губы зашевелились вновь. Мэри приникла ухом, пытаясь разобрать слетавшие с них слова. И до конца своей жизни затем благодарила себя, что не упустила их.

— Знаешь, Мэри, что такое человеческая душа? — прошептал он с закрытыми глазами. — У животных нет души. Она — та часть человека, которой становится известно, когда с мозгом его что-то неладно. Лично я всегда это чувствовал, Мэри. Ничего не мог поделать, но чувствовал.

А затем, испугав Мэри и всех присутствующих до потери сознания, сел на кровати — прямой, с широко раскрытыми горящими глазами — и громовым голосом, разнесшимся по всему дому, приказал:

— Библию!

Это было первое за все время его болезни упоминание о чем-то связанном с официальной религией. Они с Мэри были не любители ходить в церковь или молиться — даже в самые тяжелые времена, — но Библия у них где-то имелаась. Только Мэри плохо представляла где.

— Библию! — снова прогремел умирающий. — Женщина, найди Библию!

Никогда прежде он не называл ее «женщиной».

Мэри отправилась за Библией. И сумела отыскать ее в запасной спальне, между «Плаванием на "Бигле"» Дарвина и «Повестью о двух городах» Чарльза Диккенса.

*Рой, все так же сидя в постели, обратился к Мэри, опять назвав ее «женщиной»:

— Женщина, — велел он ей, — положи руку на Библию и повторяй за мной: «Я, Мэри Хепберн, даю у смертного одра моего возлюбленного мужа два торжественных обета».

Она повторила, ожидая — даже в глубине души надеясь, — что обеты эти окажутся столь фантастическими (например, возбудить иск против правительства), что выполнить их ей не представится ни малейшей возможности. Но подобной удачи ей не выпало.

Первый обет заключался в том, что она должна была, не тратя времени на пустое уныние и жалость к себе самой, вторично выйти замуж.

Второй обязывал ее отправиться в ноябре одной, за них двоих, в Гуаякиль и принять участие в «Естествоиспытательском круизе века».

— Дух мой будет сопровождать тебя на всем протяжении этого пути, — проговорил он. И умер.

И вот теперь она сидела в Гуаякиле, подозревая, что у нее самой рак мозга. В данную минуту, подавшись уговорам своего мозга, она копалась в гардеробе, снимая чехол со своего красного вечернего платья, которое называла «платьем для Джекки». Прозвище это было дано ему потому, что одной из ее предполагаемых спутниц в том круизе должна была стать Жаклин Кеннеди-Онассис, и Мэри хотела лучше одеться для такого случая.

Но теперь Мэри уже сознавала, что вдова Онассиса не настолько сумасшедшая, чтобы приехать в Гуаякиль, улицы и крыши которого охранялись солдатами, а в парках рылись окопы и пулеметные гнезда.

Стягивая чехол с платья, она нечаянно сорвала его с вешалки, и оно упало на пол, образовав алую лужу.

Она не стала его подбирать, ибо полагала, что все эти земные вещи ей больше не пригодятся. Но время ставить перед ее именем звездочку еще не пришло. Больше того: ей предстояло еще прожить

тридцать лет. И даже найти некоторым жизненно важным материалам, существующим на планете, такое применение, благодаря которому она в итоге, неоспоримо, стала самым выдающимся экспериментатором в истории рода человеческого.

11

Будь Мэри Хепберн в настроении, более склонном к любопытству, чем к самоубийству, она могла бы, прикинув ухом к задней стенке встроенного шкафа, расслышать шумы, доносившиеся из соседнего номера. Она не имела ни малейшего представления, кто ее соседи, так как накануне, к моменту ее прибытия, других постояльцев в отеле не было, а с тех пор она не покидала своего номера.

Источником же шумов за стеной были *Зенджи Хирогуши, компьютерный гений, и его беременная жена Хисако, преподававшая икебану, японское национальное искусство составления букетов.

Соседями Мэри по другую сторону были Селена Макинтош, слепая дочь-подросток *Эндрю Макинтоша, и Казах, ее зрячая собака, тоже самка. Лая Мэри до сих пор слышать не приходилось в силу того, что Казах никогда не лаяла.

Казах вообще не лаяла, не играла с другими собаками, не занималась вынюхиванием любопытных запахов и не гонялась за живностью, бывшей естественной добычей ее предков, ибо, когда она была еще щенком, большемозглые люди срывали на ней злость и лишали пищи всякий раз, как она позволяла себе одно из этих занятий. С самого начала они дали ей понять, в каком мире она живет: в том, где

все виды нормальной собачьей жизнедеятельности объявлены вне закона.

Ей удалили половые органы, чтобы она никогда не смогла поддаться зову природы. Я было собирался сказать, что числу действующих лиц моего рассказа предстоит вскоре свестись к одному-единственному самцу и массе особей женского пола, включая самку собаки. Однако Казах благодаря вмешательству хирургии к особям женского пола уже отнести было нельзя. Подобно Мэри Хепберн, она оказалась исключенной из игры эволюции. Ей не суждено было никому передать свои гены.

За комнатой Селены и Казаха, соединенная с предыдущей незапирающейся дверью, располагалась комната здоровяка отца Селены — финансиста и искателя приключений *Эндрю Макинтоша. Последний был вдовцом. Он мог бы замечательно сойтись с также овдовевшей Мэри Хепберн, так как оба были рьяными поклонниками отдыха на свежем воздухе. Но им не суждено было встретиться. Как уже говорилось ранее, *Эндрю Макинтошу и *Зенджи Хирогуши назначено было умереть до захода солнца.

Что касается Джеймса Уэйта, то ему был выделен номер на совершенно незаселенном третьем этаже, подальше от остальных постояльцев. Его могучий мозг тешил Уэйта лестью, как удачно тому удастся прикидываться безобидным простаком. Но он заблуждался. Управляющий отелем сразу распознал в этом субъекте мошенника.

Управляющий этот, по имени *Зигфрид фон Кляйст, был мрачным мужчиной средних лет и принадлежал к преуспевающей немецкой общине, обосновавшейся в Эквадоре. Двое его дядь-

ев по отцовской линии, жившие в Кито и владевшие как отелем, так и судном «Bahia de Darwin», поручили ему руководство отелем всего на две недели, которые уже подходили к концу, — для приема участников «Естествоиспытательского круиза века». Получив значительное наследство, он вел по преимуществу праздный образ жизни, однако, застыженный дядьями, вынужден был «вложить силы» в это семейное предприятие.

Он был не женат и не имел потомства, так что с эволюционной точки зрения не представлял никакого интереса. Он тоже мог бы быть кандидатом в мужа Мэри Хепберн. Но и он был обречен. *Зигфрид фон Кляйст должен был пережить заход солнца, однако тремя часами позже ему предстояло утонуть в волнах прибоя.

Было четыре часа дня. Вид у этого эквадорского гунна, с водянисто-голубыми глазами и длинными свисающими усами, был и впрямь такой, будто он ожидал в тот вечер своей кончины — хотя он мог предсказать будущее не лучше, чем я. Оба мы чувствовали в тот день, как планета вибрирует на своей оси, и ощущали, что в следующий момент может произойти все что угодно.

В частности, *Зенджи Хирогуши и *Эндрю Макинтошу предстояло умереть от огнестрельных ран.

*Зигфрид фон Кляйст не играет существенной роли в моем рассказе — в отличие от его единственного брата, Адольфа, который был на три года младше первого и также не женат. Более того: Адольфу фон Кляйсту, капитану «Bahia de Darwin», суждено было стать прародителем всего рода человеческого, обитающего ныне на поверхности Земли.

При содействии Мэри Хепберн ему, так сказать, назначено было стать Адамом нового времени. Сама же преподавательница биологии из Илиума, ввиду того, что она утратила дар зачатия, не должна, не могла стать его Евой. Вместо этого ей предстояло выступить скорее в роли Господа Бога.

Этот-то в высшей степени значительный брат ничего не значащего управляющего отелем прибывал в Гуаякильский международный аэропорт рейсом из Нью-Йорка, где он занимался рекламой «Естествоиспытательского круиза века».

Если бы Мэри прислушалась к разговору супругов Хирогуши, доносившемуся из-за перегородки встроенного шкафа, то она не поняла бы ни слова из того, что их волновало, поскольку те беседовали по-японски. Это был единственный язык, на котором они оба умели бегло разговаривать. *Зенджи знал немного английский и русский, а Хисако — китайский. Ни тот, ни другая не владели испанским, кечуа, немецким или португальским — языками, наиболее распространенными в Эквадоре.

Между тем эти двое тоже, оказывается, раскаивались в шутке, которую сыграли с ними их якобы замечательные мозги. В особенности сожалели они, что свалили дурака, позволив заманить себя в этот кошмар, — ибо *Зенджи считался одним из самых сообразительных людей в мире. И именно по его, а не по ее вине они оказались пленниками энергичного *Эндрю Макинтоша.

Случилось это так: *Макинтош со своей слепой дочерью и ее собакой посетил годом раньше Японию, где познакомился с *Зенджи и чудесными плодами его работы в качестве служащего «Матсумото». В технологическом смысле *Зенд-

жи, будучи всего двадцати девяти лет от роду, ухитрился стать дедушкой. Несколько раньше он произвел на свет карманный компьютер, способный мгновенно осуществлять устный перевод со многих языков и названный им «Гокуби». Затем, уже во время визита Макинтоша в Японию, *Зенджи разработал опытную модель нового поколения синхронных речевых компьютеров-переводчиков, которому дал имя «Мандаракс».

Тогда-то *Эндрю Макинтош, чья инвестиционная банковская фирма добывала средства на развитие различных производств и собственное существование посредством продажи фондов и акций, отвел молодого *Зенджи в сторонку и сказал, что для такого специалиста работать за жалованье просто идиотизм и что он немедленно принесет тому миллиардное состояние в долларах — или триллионное в иенах.

*Зенджи отвечал, что должен подумать.

Разговор этот проходил в токийском ресторане, где подавали суши — рулеты из сырой рыбы, начиненные холодным рисом, — популярное блюдо миллион лет тому назад. В то время никто еще и представить себе не мог, что очень скоро все население Земли будет питаться практически одной сырой рыбой.

Цветущий, шумный американский предприниматель и сдержанный, почти кукольный японский изобретатель общались через «Гокуби», так как ни тот, ни другой не могли связать двух слов на языке собеседника. К тому времени в мире насчитывались уже тысячи и тысячи подобных «Гокуби». «Мандараксом» же они воспользоваться не могли, ибо единственный действующий образец новой модели находился под усиленной охраной в кабинете *Зенджи

в «Матсумото». И переразвитый мозг изобретателя начал рисовать перспективы его превращения в самого богатого человека страны — столь же богатого, как сам японский император.

Несколько месяцев спустя, в январе — том самом январе, когда Мэри и Рой Хепберн размышляли, сколь они должны быть благодарны судьбе, — *Зенджи получил от *Макинтоша письмо, где тот заранее, за целых десять месяцев, приглашал его погостить в своем имении под Меридой, на полуострове Юкатан, в Мексике, а затем совершить с ним вояж на отправляющемся в первое плавание эквадорском суперлайнере «Bahia de Darwin», к финансированию которого *Макинтош приложил руку.

В своем послании, написанном по-английски и требовавшем перевода для *Зенджи, *Макинтош писал: «Давайте используем эту возможность, чтобы по-настоящему узнать друг друга».

Чего тот действительно рассчитывал добиться — не в Юкатане, так во время «Естествоиспытательского круиза века» — это подписи *Зенджи на договоре о назначении японца главой новой корпорации, фондами которой *Макинтош намеревался торговать.

Подобно Джеймсу Уэйту, *Макинтош был в своем роде рыбак. Он думал ловить инвесторов, используя в качестве наживки, в отличие от первого, не ценник на рубашке, а гениального японского компьютерщика.

И здесь мне представляется, что начало моего повествования, действие которого охватывает миллион лет, не слишком отличается от его финала. В начале, как и в конце, я обнаруживаю, что говорю о людях — независимо от размеров их головного мозга — как о рыболовах.

Итак, на дворе стоял ноябрь, и Хирогуши находились в Гуаякиле. По совету *Макинтоша *Зенджи скрыл от своих сослуживцев правду о том, куда он направляется. Он убедил их, что совершенно истощен работой над «Мандараксом» и поэтому они с Хисако хотят провести пару месяцев вдвоем, подальше от всего, что напоминало бы им о работе, полностью отрезав себя от внешнего мира. В их увесистые мозги он вложил следующую дезинформацию: он якобы нанял шхуну с командой, чье название он открывать не хочет, которая выходит из одного мексиканского порта — чьего названия он также разглашать не хочет, — чтобы совершить круиз по островам Карибского моря.

И хотя списки участников «Естествоиспытательского круиза века» получили широкую огласку, сослуживцы *Зенджи так и не узнали, что их самый перспективный сотрудник и его жена также должны находиться на борту «Bahia de Darwin». Ибо, как и Джеймс Уэйт, супруги путешествовали с фальшивыми документами.

И, опять же подобно Уэйту, им удалось замести следы!

Любой, кто вздумал бы разыскивать их, был обречен на неудачу. Следуя логике больших мозгов, невозможно было бы даже правильно избрать часть света для начала поисков.

12

Сейчас в отеле, в номере, смежном с комнатой Мэри Хепберн, супруги Хирогуши приглушенно говорили друг другу, что *Эндрю Макинтош — настоящий маньяк. Это было преувеличение.

*Макинтош, несомненно, был натурой необузданной, алчной и неделикатной, однако сумасшедшим его назвать было нельзя. То, что его крупный мозг полагал происходящим во внешнем мире, по большей части действительно происходило. Вылетая из Мериды на своем личном «Лиэрджете», собственноручно им управляемом, с Селеной, Казахом и супругами Хирогуши на борту, он уже знал, что по прибытии они обнаружат Гуаякиль на военном положении или в ситуации, близкой к тому; что по городу будут слоняться растущие толпы голодных; что «Bahia de Darwin», вероятно, не отправится в плавание в назначенный срок и так далее.

Благодаря средствам связи, которыми было оборудовано его юкатанское имение, он находился полностью в курсе всех последних событий в Эквадоре или любом другом месте, представлявшем для него интерес. В то же время он, так сказать, наводил туману, держа японскую чету — но не свою слепую дочь — в неведении относительно того, что их, по всей видимости, ожидает.

Истинной целью его путешествия в Гуаякиль — что он опять же открыл своей дочери, но не супругам Хирогуши, — было скупить на корню по бросовым ценам как можно больше идущего с молотка имущества в Эквадоре. Включая, возможно, «Эльдorado» и «Bahia de Darwin», а также золотые прииски, нефтяные месторождения и так далее, и тому подобное. Более того: он собирался навеки привязать к себе *Зенджи Хирогуши, поделившись с ним этими прибыльными перспективами и ссудив ему денег, чтобы тот, в свою очередь, тоже мог стать одним из крупнейших собственников в этой стране.

*Макинтош велел чете Хирогуши оставаться в их номере в «Эльдорадо», обещая вскоре сообщить им некую радостную весть. Целый день он висел на телефоне, обзванивая эквадорских финансистов и банкиров, и сообщение, которым он хотел потрясти японскую пару, касалось всего того имущества, которое через день-другой могло перейти в его и их собственность.

И тогда он думал с легким сердцем произнести: «Ну его к черту, этот «Естествоиспытательский круиз века!»»

Супруги же Хирогуши уже не верили, чтобы от *Эндрю Макинтоша можно было ждать хороших известий. Они искренне считали его помешанным — ошибочное мнение, внушенное им, по иронии судьбы, собственным детищем *Зенджи, «Мандараксом». К этому моменту в мире уже насчитывалось десять таких аппаратов, девять из которых находились в Токио, а десятый *Зенджи прихватил с собой, отправляясь в путешествие. «Мандаракс» в отличие от «Гокуби» выполнял не только переводческие функции, но и был способен в придачу с достаточной точностью ставить диагноз, распознавая тысячу заболеваний, которыми наиболее часто страдает Homo sapiens, включая двенадцать разновидностей неврозов.

То, что «Мандаракс» умел делать в области медицины, было, по сути, симплицизмом. Компьютер был запрограммирован выполнять то, что обычно делают доктора, а именно задавать ряд вопросов, каждый из которых логически ведет к последующему, например: «Хороший ли у вас аппетит?», затем:

«Пищеварительный тракт работает нормально?», вслед за чем, возможно: «Как выглядит ваш стул?» и так далее.

И вот, гостя на Юкатане, супруги Хирогуши при помощи такой изящной цепочки вопросов и ответов описали «Мандараксу» поведение *Эндрю Макинтоша. После некоторого раздумья компьютер высветил на своем экранчике размером с игральную карту японские иероглифы, означавшие: «Патологическая личность».

К несчастью для супругов — но не для самого «Мандаракса», которому чужды были какие бы то ни было чувства или переживания, — программа компьютера не позволяла ему объяснить, что недуг этот легко сравнительно с большинством других и что страдающих им редко госпитализируют, а, наоборот, они являются одними из счастливейших людей на планете, поскольку поведение их причиняет страдания окружающим, почти никогда не затрагивая их самих. Настоящий врач, возможно, добавил бы, что миллионы людей, с которыми нам приходится сталкиваться ежедневно на улице, относятся к спорному разряду, о котором сложно сказать с какой-либо степенью определенности, являются ли они личностями патологическими.

Однако Хирогуши не разбирались в медицине и отнесли к поставленному диагнозу так, словно речь шла о случае клиническом. Так что теперь они желали любым способом отделаться от *Эндрю Макинтоша и ехать, не останавливаясь, прочь, до самого Токио. Но они по-прежнему зависели от него, как бы им ни хотелось обратного. От мрачного управляющего отелем, с которым они общались че-

рез «Мандаракс», супруги узнали, что все коммерческие авиарейсы из Гуаякиля отменены, а фирмы, у которых можно было бы зафрахтовать самолет, на звонки не отвечают.

Это известие поставило окаменевших Хирогуши перед двумя остающимися возможностями бегства из Гуаякиля: на «Лиэрджете» *Макинтоша либо на борту «Bahia de Darwin» — если корабль, во что верилось все труднее, и впрямь собирался отплыть на следующий день.

13

*Зенджи Хирогуши породил «Гокуби» миллион и пять лет тому назад, после чего, ровно миллион лет назад, тот же молодой гений породил «Мандаракс». Да, а к моменту явления на свет «Мандаракса» жена *Зенджи должна была вскоре родить ему первое его человеческое дитя.

Существовало опасение, как бы гены матери, Хисако, не были унаследованы плодом, поскольку ее собственная мать подверглась облучению, когда Соединенные Штаты Америки сбросили атомную бомбу на японский город Хиросиму. И потому проба околоплодной жидкости, взятая у Хисако, была, еще до отъезда из Токио, отправлена на анализ — на предмет обнаружения предпосылок возможной ненормальности ребенка. Жидкость эта, кстати сказать, по содержанию соли была идентична океанским водам, в пучину которых предстояло кануть «Bahia de Darwin».

Анализы показали, что плод развивается нормально.

Они же открыли пол будущего ребенка. Ему предстояло войти в мир крохотной девочкой — еще один женский персонаж в этом рассказе.

При всем том анализы были не в состоянии выявить мелкие отклонения в развитии плода. К примеру, что ребенок может родиться без музыкального слуха, подобно Мэри Хепберн (что в действительности было вовсе не так). Или что тельце его вместо кожи может оказаться покрытым чудесной шелковистой шерсткой, как у морского котика, — что в результате и произошло.

Этой милой, хотя и пушистой крошке суждено было стать единственным человеческим детищем *Зенджи Хирогуши, которого тому не суждено было увидеть воочию.

Девочке предстояло родиться на острове Санта-Росалия, самой северной оконечности Галапагосского архипелага. Ее должны были назвать Акико.

По достижении зрелости на Санта-Росалии Акико предстояло изнутри стать точной копией своей матери, отличаясь от последней кожным покровом. Эволюционная же цепочка от «Гокуби» до «Мандаракса», напротив, являла собой коренное изменение внутреннего устройства при почти неощутимых изменениях в оболочке. Акико выросла защищенной от солнечных ожогов, холода во время плавания в воде и шероховатости лавы, когда она решала посидеть или полежать, — тогда как голая кожа ее матери была совершенно беззащитна перед лицом этих обычных неудобств островного существования. А «Гокуби» и «Мандаракс», несмотря на внутреннее различие, были заключены в почти одинаковые ра-

ковины из высокопрочного черного пластика двенадцати сантиметров в высоту, восьми в ширину и двух в толщину.

Любой дурак сразу видел разницу между Акико и Хисако, но только специалист сумел бы отличить «Гокуби» от «Мандаракса».

Как у «Гокуби», так и у «Мандаракса» на задней стенке находилось множество кнопок, при помощи которых человек мог общаться с тем, что было заключено внутри того и другого. На передней панели обоих располагался один и тот же экран, на котором появлялось изображение и который выполнял помимо этого функцию солнечной батареи, заряжая крошечные аккумуляторы — опять же одинаковые для обоих.

В верхнем правом углу экрана и у того, и у другого имелся микрофон размером с булавочную головку. Благодаря ему «Гокуби» и «Мандаракс» улавливали устную речь и затем, в соответствии с командами, поступающими от кнопок, переводили услышанное в слова, появлявшиеся на экране.

Оператору, работающему на обоих устройствах, приходилось проявлять быстроту и ловкость рук фокусника, если он желал, чтобы беседа на двух разных языках протекала сколько-нибудь естественно. Случись мне, к примеру, разговаривать по-английски с португальцем — я должен был бы держать микрофон поближе ко рту собеседника, но в то же время так, чтобы экран находился перед моими глазами и позволял читать перевод его высказываний на английский язык. После чего мне приходилось бы поспешно развернуть аппарат на 180 градусов, чтобы микрофон уловил мои слова и в то же время португальцу был виден появляющийся на экране перевод.

Ни один из ныне живущих людей не обладает столь умными руками и столь крупным мозгом, чтобы пользоваться «Гокуби» или «Мандараксом». Равно как никому из них не дано вдевать нитку в иглу, а также играть на пианино или хотя бы просто ухватить себя за нос.

«Гокуби» мог переводить всего на десяток разных языков. «Мандаракс» — на тысячу. «Гокуби» требовалось сказать, на каком языке к нему обращаются. «Мандаракс» же по нескольким словам мог распознавать каждый из тысячи известных ему языков и принимался переводить на язык оператора без всякой команды со стороны последнего.

Оба устройства были очень точными часами и календарями. Так, погрешность часов более совершенного детища *Зенджи Хирогуши, «Мандаракса», составила всего восемьдесят две секунды за период в тридцать один год — с их прибытия в отель «Эльдорадо» и до того момента, когда аппарат вместе с Мэри Хепберн был проглочен гигантской белой акулой.

«Гокуби» отмерял время с той же точностью, однако в остальном «Мандаракс» оставлял своего предшественника далеко позади. Он не только изъяснялся на в сто раз большем, чем его предтеча, числе языков и умел ставить правильный диагноз в отношении большего числа болезней, чем большинство врачей того времени, — но и мог по требованию перечислить все важные события, случившиеся в том или ином году. Скажем, стоило вам набрать на его задней панели «1802», год рождения Чарльза Дарвина, — и «Мандаракс» сообщал, что в том же году родились Александр Дюма и Виктор Гюго; Бетховен завершил свою

Вторую симфонию; Франция подавила негритянское восстание в Санто-Доминго; Готт-

фрид Треверанус ввел в употребление термин «биология»; в Англии был принят Закон о защите здоровья и морали учеников и так далее, и тому подобное. Наконец, в том же году Наполеон стал президентом Итальянской Республики.

«Мандаракс» знал также правила двухсот различных игр и мог процитировать изложенные мастерами основные принципы пятидесяти видов искусства и ремесел. Сверх того он был способен по команде выдать любую из заложенных в него двадцати тысяч популярных литературных цитат. Так что, стоило набрать с помощью клавиш слово «Закат», как на его экране тут же появилось бы прочувствованное четверостишие:

Закат, вечерняя звезда
И внятный зов сквозь шум!
И если б не стенала мель, когда
Я в море выхожу.

Алфред, лорд Теннисон (1809—1892)

Гениальному изобретению *Зенджи Хирогуши, «Мандараксу», предстояло провести тридцать один год на Санта-Росалии, вместе с беременной женой его изобретателя, а также Мэри Хепберн, слепой Селеной Макинтош, капитаном Адольфом фон Кляйстом и еще шестью людьми, особями женского пола. Но в тех конкретных обстоятельствах реального проку от «Мандаракса» было немного.

Бесполезность заложенных в компьютер знаний впоследствии так разъярила капитана, что тот угрожал бросить его в океан. И в последний день своей жизни, когда ему шел восемьдесят седьмой, а Мэри восемьдесят первый год, капитан и впрямь исполнил свою угрозу. Можно сказать, что его финальным актом в качестве нового Адама стал бросок Яблока познания в синие морские глубины.

В тех специфических условиях, которые существовали на Санта-Росалии, медицинские рекомендации «Мандаракса» неизбежно звучали как издевка. Когда Хисако Хирогуши впала в глубокую депрессию, продолвшуюся до самой ее смерти, то есть около двадцати лет, «Мандаракс» советовал ей завести новые хобби и знакомства, сменить обстановку и по возможности профессию и принимать литиум. Когда у Селены Макинтош в возрасте всего тридцати восьми лет начали отказывать почки, он настоятельно рекомендовал как можно скорее подыскать подходящего донора для пересадки одной из них. Пушистая дочка Хисако, Акико, в шесть лет слегла с воспалением легких, подхваченным, по всей видимости, от морского котика, бывшего ее лучшим другом, — на что компьютер прописал ей антибиотики... В те времена Хисако и слепая Селена жили вместе, растя Акико, почти как муж и жена.

В ответ на просьбу привести цитату из мировой литературы, которую можно было бы использовать во время празднования какого-либо торжественного события на этой груде шлака, Санта-Росалии, «Мандаракс» почти неизменно выдавал всякую ерунду. Вот, к примеру, что пришло ему на ум после того, как Акико в двадцать четыре года родила дочь, столь же пушистую, как она сама, — первую представительницу второго поколения человеческих существ, которым суждено было родиться на острове:

Будь я распят на высоком холме —
Мати моя! О мати моя!
Знаю, чье сердце пробьется ко мне, —
Мати моя! О мати моя!

и еще:

С утробы темной, где возник,
Всю жизнь я — матери должник.
Те месяцы, что носят плод,
Она мою питала плоть.
И каждый взгляд и вздох мой пьет
Жизнь матери...

Джон Мейсфилд (1878—1967)

и еще:

Господь, ссудивший людям груз
Трудов и радостных забот!
Благодарим за прочность уз,
Что связывают мать и плод.

Уильям Каллен Брайант (1794—1878)

и еще:

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы
продлились дни твои на земле, которую
Господь, Бог твой, даст тебе.

Библия

Отцом дочери Акико был старший сын капитана, Камикадзе. Стал он им всего тринадцати лет от роду.

14

За первые сорок один год существования на Санта-Росалии колонии, давшей начало всему нынешнему человечеству, ей предстояло отпраздновать много рождений — без единого официального бракосочетания. Образование пар происходило с самого начала. Хисако и Селена сошлись и прожили вдвоем до конца жизни. Капитан прожил в паре с Мэри Хепберн десять лет — покуда та не совершила не-

что, по его убеждению, совершенно непростительное, а именно использовала его сперму без его на то одобрения. Шесть остальных женщин, живя одной семьей, также образовали пары внутри этого и без того весьма тесного сообщества.

К моменту заключения в 2027 году первого на Санта-Росалии брака между Камикадзе и Акико первому поколению колонистов суждено уже было в полном составе исчезнуть в волнуемом голубом туннеле, ведущем в загробную жизнь, а «Мандараксу» — покоем, облепленному ракушками, на дне Тихого океана. Если бы компьютер еще находился с ними, он бы наверняка припомнил к случаю пару пренеприятнейших высказываний о браке, скажем:

Брак — общность, состоящая из рабовладельца, рабовладелицы и пары рабов; и все это в двух лицах.

Амброз Бирс (1842—?)

и

Брак из любви, как уксус из вина —
Тоскливый, кислый, трезвый, — цедит время,
Небесный низводя букет злорадно
До кухонной приправы заурядной.

Лорд Байрон (1788—1824)

и так далее.

Последний в истории Галапагосов, а стало быть, и всей Земли, брак был заключен на острове Фернандина в 23011 году. Сегодня никто не имеет ни малейшего представления, что такое брак. Должен сказать, что цинизм «Мандаракса» в отношении этого института, когда тот еще переживал пору расцвета, был по большей части оправдан. Мои собственные родители сделали друг друга несчастными, же-

нившись. Да и Мэри Хепберн, будучи уже в преклонном возрасте, на Санта-Росалии, как-то раз призналась пушистой Акико, что они с Роем были, вероятно, единственной счастливой супружеской парой на весь Илиум.

Мучительность брака в те времена объяснялась той же причиной, что и множество других несчастий разного рода: переразвитым мозгом. Этот громоздкий компьютер носил в себе столько противоречивых мнений о множестве разных предметов одновременно и так быстро переключался с одного мнения или предмета на другие, что спор между мужем и женой, находящимися в состоянии стресса, часто выливался в подобие потасовки на роликовых коньках с завязанными глазами.

Например, супруги Хирогуши, чьи голоса доносились до Мэри сквозь перегородку стенного шкафа в отеле, в продолжение беседы изменяли свое мнение о себе самих, любви, сексе, работе и мире в целом с быстротой молнии.

В какую-то секунду Хисако приходило на ум, что ее муж безнадежно туп и ей самой придется позаботиться о спасении своей жизни и еще не родившейся дочери. Но в следующий миг она вновь верила, что он гениален, как о том говорили все окружающие, что ей не о чем беспокоиться и что он с легкостью и очень скоро сумеет вызволить их из этой передраги.

*Зенджи же то проклинал про себя жену за ее беспомощность, за то, что она просто мертвый груз у него на шее, — то спустя мгновение давал себе зарок погибнуть за эту богиню и ее не родившуюся пока дочь.

Какой прок был в этой эмоциональной шаткости — не сказать сумасшествию — животным,

которые предположительно должны были прожить вместе хотя бы настолько долго, чтобы вырастить детеныша, — что занимает у людей порядка четырнадцати лет?

Посреди наступившей тишины *Зенджи вдруг услышал собственный голос:

— Тебя беспокоит что-то другое, — он имел в виду, что вот уже довольно долгое время ее терзает нечто большее, чем просто переплет, в который они попали.

— Нет, — ответила она. Это было еще одно свойство крупных мозгов: они с легкостью делали то, чего ни при каких обстоятельствах не умел «Мандаракс» — а именно вновь и вновь прибегали ко лжи.

— Нет, все-таки тебя уже неделю как что-то тревожит, — настаивал он. — Отчего ты не хочешь высказать свои страхи? Скажи мне, в чем дело?

— Ни в чем, — упорствовала та. (Ну кто, скажите, согласился бы провести четырнадцать лет в общении с подобным компьютером в неведении, говорит ли тот правду или нет?)

Они вели беседу по-японски, а не на том идиоматическом американском варианте английского языка, которым пользуюсь я на протяжении всего своего повествования. При этом *Зенджи нервно перекладывал «Мандаракс» из одной руки в другую и случайно настроил его таким образом, что тот принялся переводить все, сказанное каждым из них, на язык навахо.

— Что ж, если тебе так нужно знать... — проговорила наконец Хисако. — Еще на Юкатане я как-то играла с «Мандараксом» на борту «Ому». (Так звалась яхта *Макинтоша, в сто метров

длиною.) Ты нырял за затонувшими сокровищами. (Действительно, *Макинтош, хотя *Зенджи едва умел плавать, подбил того нырять в акваланге и доставать с затонувшего на глубине сорока метров испанского галеона разбитую посуду и пушечные ядра. Его дочь Селена также была вынуждена нырять, привязанная трехметровым нейлоновым шнуром за правое запястье к правой щиколотке отца...) А я тем временем открыла, что «Мандаракс» умеет кое-что такое, о чем ты забыл мне рассказать. Не хочешь угадать, что именно?

— Не знаю, — отвечал ей супруг. На сей раз настала его очередь лгать.

— Оказывается, «Мандаракс» прекрасно умеет обучать искусству составления букетов, — продолжила она. Это было именно то, чем она, разумеется, очень гордилась. Однако ее чувство собственного достоинства сильно пошатнулось в результате открытия, что какая-то ничтожная черная коробка не только может учить тому, чему учит она, но и делает это на тысяче разных языков.

— Я думал тебе об этом сказать. Как раз собирался... — произнес он. Это была еще одна ложь, поскольку вероятность того, что жена сумеет прознать о знакомстве «Мандаракса» с икебаной, всегда казалась ему столь же немыслимой, как и ее способность отгадать шифр банковского сейфа. Она весьма неохотно обучалась работе с «Мандараксом» — и сохранит это отношение к нему до самой смерти.

Но будь я проклят, если она и впрямь, перебирая клавиши компьютера на борту «Ому», не нажала их случайным образом так, что «Мандаракс» вдруг сообщил ей, что самые красивые композиции с цветами включают один, два, самое большее — три

элемента. В тех, что состоят из трех элементов, продолжал компьютер, все три или два из них могут быть одинаковы, но все три быть разными не могут ни в коем случае. Далее «Мандаракс» сообщил ей идеальные соотношения между высотой элементов в композициях, включающих более одного компонента, а также между элементами композиции и диаметром и высотой ваз или кувшинов, а иногда и корзин.

Икебана оказалось столь же легко переводима на машинный язык, как и современная медицинская практика.

*Зенджи Хирогуши не сам обучил «Мандаракс» икебанае и всему, что тот знал. Он препоручил это младшему техническому персоналу. Сотрудник, которому было поручено познакомить компьютер с икебаной, не долго думая записал знаменитые уроки Хисако на магнитофон и затем в сжатом виде вложил их в мозг машины.

*Зенджи заявил Хисако, что обучил «Мандаракс» икебанае, чтобы сделать приятный сюрприз госпоже Онассис, которой он намеревался подарить свое изобретение в последний день «Естествоиспытательского круиза века».

— Я сделал это специально для нее, — объяснил он, — потому что она считается ценительницей всего прекрасного.

На сей раз это была правда, однако Хисако ему не поверила. Вот до какой степени ужасно все было в 1986 году. Никто никому уже не верил — столько лжи стало вокруг.

— Да, конечно, — отозвалась Хисако. — Я уверена, что ты сделал это ради госпожи Онас-

сис. А также чтобы почтить свою жену. Ты поместил меня среди бессмертных. (Она имела в виду корифеев мысли, которых цитировал «Мандаракс».)

Она уже всерьез озлобилась и теперь стремилась принизить его достижения, так как он, по ее убеждению, опошил ее дарование.

— Я, видимо, ужасно тупая, — вновь заговорила она, и «Мандаракс» слово в слово перевел это заявление на письменный навахо. — Я непростительно долго не могла осознать, сколько злого умысла и сколько презрения содержится во всем, что ты делаешь... Вы, доктор Хирогуши, — продолжала она, — полагаете, что все остальные попусту занимают место на этой планете, создают слишком много шума, расходуют ценные природные ресурсы, оставляют после себя слишком много детей и мусора. Поэтому Земля стала бы гораздо более приятным местом, если бы те немногие простые услуги, которые мы все оказываем вам подобным, взяли бы на себя машины. Ваш расчудесный «Мандаракс», которым вы сейчас чешете свое ухо, — что это, как не способ для злобного маньяка-эгоиста не платить и даже не говорить спасибо людям, знающим языки, математику, историю, медицину, литературу, икебану или еще что бы то ни было?

Я уже излагал свое мнение о причинах существовавшей в то время мании перелгать на плечи машин все — буквально *все*, — что умели делать люди. Хочу лишь добавить, что мой отец, писатель-фантаст, однажды написал роман о человеке, над которым все потешались, поскольку тот изобретал спортивных роботов. Скажем, робота для гольфа, одним ударом посылавшего шар в лунку, или робота-

баскетболиста, после каждого броска которого мяч оказывался в корзине, или робота-теннисиста, выигрывавшего любую подачу, и так далее.

Поначалу никто не видел смысла в подобных роботах. Жена изобретателя бросила его — как, кстати сказать, ушла от отца его половина, — а дети пытались засадить отца в дурдом. Но затем тот подкинул рекламодателям мысль, что его роботы могут рекламировать автомобили, пиво, бритвы, наручные часы, духи — все, что угодно. И, как описывал мой отец, сколотил состояние, так как многие поклонники спорта захотели быть в точности такими, как эти роботы.

Не спрашивайте меня почему.

15

*Эндрю Макинтош между тем находился в комнате своей слепой дочери в ожидании телефонного звонка — того самого, что должен был принести ему добрую весть, которой он рассчитывал потом поделиться с четою Хирогуши. Он умел бегло говорить по-испански и весь день просидел на телефоне, ведя переговоры со своей фирмой в Манхэттене и с перепуганными эквадорскими финансистами и официальными деятелями. Все эти дела он обделывал в комнате дочери, поскольку хотел, чтобы та слышала, чем он занят. Отец и дочь были очень близки. Матери своей Селена не знала, так как та умерла при родах.

Сейчас Селена, с ее бессмысленными зелеными глазами, представляется мне экспе-

риментом природы — ибо слепота ее была наследственной, и она, в свою очередь, тоже могла передать ее своим детям. Тогда, в Гуаякиле, ей было восемнадцать лет. Лучшие годы, с точки зрения воспроизводства, были у нее впереди. Ей будет всего двадцать восемь, когда Мэри Хепберн, уже на Санта-Росалии, спросит, не согласится ли она участвовать в незаконных экспериментах со спермой капитана. Селена откажется. Но сумеет ли она найти в своей слепоте некие преимущества, она вполне могла бы передать их дальше по наследству.

Там, в Гуаякиле, слушая, как ее патологически общительный отец устраивает дела по телефону, юная Селена и вообразить не могла, что судьбою ей предначертано спариться с Хисако Хирогуши, находящейся в двух комнатах от нее, и растить вместе с японкой пушистое чадо.

Тогда, в отеле, она жила вдвоем с отцом, владевшим, казалось, всем миром, который мог делать все, что ему было угодно, когда угодно и где угодно. Большой мозг ее внушал ей, что она проживет свою жизнь приятно и без забот внутри некоего электромагнитного поля, создаваемого вокруг нее неукротимой индивидуальностью ее отца. Поле это будет защищать ее и после его смерти — даже когда настанет его черед ступить в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь.

Покуда я не забыл: на Санта-Росалии слепота Селены обернулась для нее одним преимуществом над остальными. Преимуществом, которое доставляло ей самой огромную радость, однако вряд ли заслуживало того, чтобы быть переданным по наследству.

Как никто на острове, Селена наслаждалась осязанием пушистой шкурки маленькой Акико.

*Эндрю Макинтош заявил финансовой верхушке Эквадора, что готов немедленно перевести на имя любого доверенного лица пятьдесят миллионов американских долларов, все еще ценившихся на вес золота. Большая часть богатств, которыми предположительно обладали американские банки, к тому моменту стали настолько воображаемыми, невесомыми и неосвязаемыми, что любую сумму можно было мгновенно перевести в Эквадор или любое другое место, где способны были принять письменный перевод по кабельной или волновой связи.

И вот теперь *Макинтош ожидал из Кито сообщения о том, какую недвижимость эквадорцы, также немедленно, готовы перевести на имя его самого, его дочери и супругов Хирогуши в обмен на названную сумму.

Это были даже не его собственные деньги. Он попросил заем — в чем бы тот ни выражался — в Чейз-Манхэттен Бэнке. Там это нечто — в чем бы оно ни выражалось — сумели найти и ссудить ему.

И, осуществившись эта сделка, Эквадор получил бы возможность разослать кусочки этого миража по кабелю или по телекоммуникациям в более плодородные страны и получить взамен настоящее продовольствие. После чего эквадорцы съели бы его подчистую — поглотили, пожрали с чавканьем, — и от него не осталось бы ничего, кроме экскрементов и воспоминаний. И что ожидало бы маленький Эквадор затем?

Позвонить *Макинтошу должны были ровно в половине шестого. Ждать оставалось еще полчасика, и он заказал в номер две порции пригото-

ленного редкостным образом филе с разнообразным гарниром. В «Эльдорадо» еще имелась масса чудесной еды, запасенной для участников «Естествоиспытательского круиза века», в особенности для госпожи Онассис. В это самое время солдаты протягивали колючую проволоку на расстоянии квартала от отеля, обнося его ею по всему периметру — для защиты продовольственных запасов.

То же самое происходило на причале. Колючей проволокой ограждалось место прикола «Bahia de Darwin», на борту которого, как было известно всем в Гуаякиле, находилось достаточно провизии, чтобы в течение двух недель готовить изысканные завтраки, обеды и ужины — ни разу при этом не повторяясь — для сотни пассажиров. Любому, кто произвел бы простейший арифметический подсчет, могла при виде этого корабля прийти в голову мысль: «Я сам, мои жена и дети, мой отец с матерью так голодаем, а там, на борту, четыре тысячи двести порций, да таких, что пальчики оближешь».

Коридорный, принесший в номер Селены и ее отца две порции филе, уже произвел в своем уме подобные подсчеты, а также составил опись всей вкусной снеди, хранящейся в кладовой отеля. Самого его голод пока не мучил, так как персонал отеля кормили по-прежнему. Семейство его, небольшое по эквадорским меркам, состоявшее из его беременной жены, ее матери, его отца и племянника-сироты, которого они растили, покуда тоже не голодало. Как и все остальные служащие, он крал для своих близких еду из отеля.

Коридорным этим был Хесус Ортис, молодой бармен, потомок инков, который незадолго до этого обслуживал Джеймса Уэйта в баре. Он вы-

нужден был перейти на службу коридорным под давлением *Зигфрида фон Кляйста, управляющего, который, в свою очередь, занял его место за стойкой. Штат отеля внезапно оказался недоукомплектованным. Двое обычных коридорных словно испарились. Это, быть может, было и неплохо, поскольку особенно напряженной работы по доставке заказов в номера ожидать не приходилось. Возможно, эти двое просто тихо спали где-нибудь.

Итак, эти две порции бифштекса дали прекрасную пищу для большого мозга Ортиса, покуда тот забирал их на кухне, поднимался на лифте и шел по коридору к номеру Селены и ее отца. До сих пор служащие отеля не позволяли себе есть и воровать столь вкусную пищу. И гордились этим. Самое лучшее они хранили для «сеньоры Кеннеди» — то есть госпожи Онассис, — как они обобщенно именовали всю знаменитую, богатую и влиятельную публику, прибытие которой еще ожидалось для участия в круизе.

Мозг Ортиса был столь разросшимся, что в голове его прокручивались целые киноленты, в которых он и его близкие играли роли миллионеров. И этот человек, почти юноша, был так простодушен, что верил, будто мечта его может сбыться, — ибо он не имел дурных привычек и был готов трудиться не покладая рук, получи он хоть какой-то намек на возможный жизненный успех от тех, кто уже стал миллионером.

Он попытался, правда, без особого результата, вытянуть полезный совет из Джеймса Уэйта, который, несмотря на маловпечатляющий вид, являлся, как с уважением заметил в баре Ортис, обладателем бумажника, набитого кредитными карточками и двадцатидолларовыми банкнотами.

Подобные же мысли роились у него в голове в связи с двумя бифштексами, когда он стучался в дверь номера Селены и ее отца: люди, находившиеся там, внутри, заслуживали этих деликатесов — и он тоже будет заслуживать, став миллионером. А был он молодым человеком, смышленным и предприимчивым. Работая в разных отелях Гуаякиля с десятилетнего возраста, он научился бегло изъясняться на шести языках — что превышало половину языков, известных «Гокуби», было вшестеро больше, чем знали Джеймс Уэйт и Мэри Хепберн, втрое больше, чем знали супруги Хирогуши, и вдвое — чем Селена и ее отец. Он умел также хорошо готовить и печь и окончил курс бухгалтерского учета и делового законодательства в вечерней школе.

Так что, когда Селена открыла ему, он был склонен восхищаться всем, что увидит и услышит внутри. Ортису было уже известно, что зеленые глаза Селены слепы, а то нетрудно было бы обмануться. Ничто ни в ее поведении, ни во взгляде не выдавало слепоты. Она была так прекрасна, что под влиянием своего разросшегося мозга Ортис влюбился в нее.

*Эндрю Макинтош стоял перед просторным, во всю стену номера, окном, глядя поверх хлябей и трущоб на «Bahia de Darwin» — судно, которое, по его ожиданиям, еще до захода солнца должно было перейти в собственность к нему, Селене или, возможно, супругам Хирогуши. Человеком, который должен был позвонить ему в полшестого, был Готтфрид фон Кляйст, президент правления крупнейшего эквадорского банка, дядя управляющего «Эльдорадо» и капитана «Bahia de Darwin», совладелец — на паях со своим братом Вильгельмом — и корабля, и отеля.

Когда Ортис вошел с двумя порциями филе, *Макинтош обернулся, продолжая репетировать в уме фразу, которую он первым делом собирался сказать по-испански Готтфриду фон Кляйсту: «Дорогой коллега, прежде чем вы сообщите мне остальные приятные известия, дайте ваше честное слово, что сейчас я люблюсь моим собственным кораблем с верхнего этажа своего собственного отеля».

*Макинтош был разут, и на нем не было ничего, кроме шортов цвета хаки, ширина которых была растягнута и под которыми больше ничего не было — так что член его являл собою не большую тайну, чем маятник на дедушкиных часах.

Да, здесь я позволю себе прерваться, чтобы подивиться тому, как мало был этот человек заинтересован в продолжении рода — будучи при этом великолепным образцом в биологическом отношении, — несмотря на свою эксгибиционистскую сексуальность и маниакальное стремление овладеть как можно большим количеством систем жизнеобеспечения на планете. Самые знаменитые накопители средств выживания в те времена, что характерно, имели весьма немногочисленное потомство. Разумеется, были и исключения. Те же, кто имел много отпрысков и кто, как можно было бы ожидать, стремился накопить побольше собственности для их благополучия, обыкновенно выращивали детей психическими уродами. Наследники их по большей части оказывались некими зомби, которых с легкостью обирали другие мужчины и женщины, столь же алчные, как родитель первых, оставивший своим чадам слишком много всего, в чем только может когда-нибудь нуждаться человеческая особь.

*Эндрю Макинтошу безразлична была даже его собственная жизнь — свидетельством чему является его увлечение парашютным спортом, гонками на скоростных автомобилях и тому подобным.

То есть я хочу сказать, что человеческий мозг стал в ту эпоху фонтанирующим и безответственным генератором предположений относительно того, что можно сделать с собственной жизнью. В итоге забота о благе будущих поколений стала восприниматься как одна из множества произвольных игр для больших энтузиастов — вроде покера, поло, игр на рынке ценных бумаг или писания научно-фантастических романов.

Все большее число людей в ту пору — не только *Эндрю Макинтош — стали находить заботу о выживании человеческого рода смертельной тоской.

Гораздо увлекательнее было, так сказать, лупить и лупить по теннисному мячу.

Зрячая собака Селены, Казах, сидела возле тумбочки в ногах просторной кровати своей хозяйки. Это была немецкая овчарка. Она была настроена благодушно и могла чувствовать себя самой собою, поскольку ее не стесняли ошейник, поводок или намордник. Ее маленький мозг, следуя за запахом мяса, заставил ее взглянуть с надеждой коричневыми глазами на Ортиса и завилять хвостом.

В те времена собаки намного превосходили людей умением различать запахи. Благодаря открытому Дарвином закону естественного отбора ныне обоняние людей столь же остро, как было у Казаха. А в одном отношении оно даже превосходит собачье: люди чувствуют под водой.

Собаки же не умеют даже плавать под водой, хотя могли бы научиться этому за истек-

ший миллион лет. Они умеют лишь по-прежнему валять дурака. Не научились даже ловить рыбу. И, вынужден признать, остальные представители животного мира также крайне незначительно продвинулись за все это время в смысле совершенствования тактики выживания — за исключением человека.

16

То, что *Эндрю Макинтош произнес при появлении Хесуса Ортиса, было столь оскорбительным и, на фоне распространяющихся по всему Эквадору голодных спазмов, столь опасным, что большой мозг американца и впрямь, очевидно, поражен был каким-то серьезным недугом — если только вообще наплевательское отношение к тому, что может произойти в следующий миг, можно считать признаком душевного здоровья. Тем показательнее, что жестокое оскорбление, адресованное им этому дружелюбному и добросердечному служащему отеля, не было преднамеренным.

*Макинтош был квадратным, среднего роста мужчиной. Голова его — коробка меньших размеров — покоилась на более крупногабаритной, а руки и ноги впечатляли своей толщиной. Он был таким же здоровяком, способным подолгу находиться вне дома, как и покойный муж Мэри Хепберн, однако в отличие от Роя был еще и большим охотником испытывать судьбу. Зубы у него были столь крупными и идеально белыми и он взглянул на вошедшего с такой улыбкой, что Ортису на ум тут же пришли белые клавиши рояля.

И с тою же белозубой улыбкой *Макинтош по-испански обратился к Ортису: «Снимите с тарелок крышки, поставьте бифштексы на пол для собаки и убирайтесь».

Кстати, о зубах: ни на Санта-Росалии, ни в других человеческих колониях на Галапагосах сроду не водилось дантистов. Миллион лет назад обычного поселенца ожидала перспектива обеззубеть годам к тридцати, перенеся на этом пути не один головодробительный приступ зубной боли. А это, разумеется, ударило не только по его (или ее) самолюбию — ибо с некоторых пор зубы, сидящие в челюстях, стали единственным орудием, оставшимся в распоряжении человека.

В самом деле. Ныне люди не располагают никакими иными орудиями, кроме собственных зубов.

У Мэри Хепберн и капитана, когда они очутились на Санта-Росалии, зубы, несмотря на то что обоем давно перевалило за тридцать, были в хорошем состоянии — благодаря регулярным визитам к стоматологу, который высверливал гниль, вычищал абсцессы и тому подобное. Однако умирали они уже беззубыми. Селена Макинтош, когда она, по соглашению с Хисако Хирогуши, покончила с собой, была еще так молода, что у нее сохранялось много зубов — хотя далеко не все. Хисако же к тому времени потеряла все свои зубы.

И если бы мне довелось дать критический отзыв о человеческом организме, каким он был миллион лет назад — в том числе и у меня, — словно речь идет о машинах, которые некто вознамерился выпустить на рынок, то у меня было бы два основных замечания. Одно из них я, несомненно, уже не

раз делал на протяжении своего рассказа: «Мозг чересчур велик, чтобы быть практичным в использовании». Второе же я бы сформулировал следующим образом: «Вечно что-то не ладится с нашими зубами. Обычно их не хватает на срок, сопоставимый с продолжительностью жизни. Каким событиям в ходе эволюции должны мы быть благодарны за то, что вынуждены ходить с полным ртом крошащихся черепков?»

Было бы чудесно, если бы я мог сказать, что закон естественного отбора, оказавший человечеству столько услуг за весьма короткое время, позаботился о решении и этой проблемы. В некотором смысле так оно и произошло, однако решение это оказалось драконовским. Человеческие зубы не стали более долговечными. Просто средняя продолжительность жизни людей сократилась до тридцати лет.

А теперь вернемся в Гуаякиль, к тому мгновению, когда *Эндрю Макинтош велел Хесусу Ортису поставить на пол тарелки с мясом.

— Простите, что вы сказали, сэр? — переспросил Ортис по-английски.

— Поставьте их перед собакой, — повторил *Макинтош.

Тот повиновался — при этом большой мозг его пребывал в полном смятении, в корне пересматривая мнение Ортиса о себе самом, человечестве, прошлом и будущем, да и самой природе мироздания.

И не успел Ортис, обслужив собаку, распрямиться, как *Макинтош скомандовал снова:

— Теперь убирайтесь.

Даже сейчас, миллион лет спустя, мне больно писать о столь жестоких человеке-

ских поступках. Миллион лет спустя мне все еще хочется извиниться за все человечество. Это все, что я могу сказать.

Если Селена была для Природы экспериментом в области слепоты, то ее отец являлся подобным же экспериментом в области бессердечия. Равно как Хесус Ортис — экспериментом в области преклонения перед богачами, я — экспериментом в области неутомимого соглядатайства, мой отец — экспериментом в области цинизма, моя мать — экспериментом в области оптимизма, капитан «Bahia de Darwin» — экспериментом в области безосновательной самоуверенности, Джеймс Уэйт — экспериментом в области бесцельной алчности, Хисако Хирогуши — экспериментом в области депрессии, Акико — экспериментом в области шерстистости и так далее.

Это напоминает мне один из романов моего отца, «Эра многообещающих монстров». В нем повествовалось о планете, населенной гуманоидами, которые до самого последнего мгновения игнорировали порожденные ими же самими угрозы их существованию. Так продолжалось до тех пор, пока — после уничтожения всех лесов, отравления водоемов кислотными дождями, а грунтовых вод промышленными отходами — у гуманоидов не начали рождаться дети с крыльями, рогами, плавниками, сотней глаз, вообще без глаз, с гипертрофированным головным мозгом, без мозга и так далее. То были эксперименты Природы по созданию существ, которые, при должном везении, могли бы оказаться лучшими хозяевами планеты, чем гуманоиды. Большинство этих существ погибли, были застрелены или еще что-нибудь

в этом роде, однако некоторые оказались поистине многообещающими, спарились между собою и дали подобное же потомство.

Я, в свою очередь, назвал бы «эрой многообещающих монстров» ту эпоху, в которую мне довелось жить миллион лет тому назад — со всеми чудовищными атрибутами этого романа, переведенными из плоскости телесной в моральную. В настоящее время подобных экспериментов — будь то с телами или душами — больше не ведется.

Переразвитый мозг людей той эпохи был способен не только на жестокость во имя жестокости. Благодаря ему они также могли ощущать любого рода боль, к которой низшие животные были абсолютно нечувствительны. Представитель никакой другой породы животных не мог чувствовать себя — как то чувствовал, спускаясь на лифте в вестибюль отеля, Хесус Ортис — покалеченным словами, которые произнес *Эндрю Макинтош. Ортис с трудом даже отдавал себе отчет, достаточно ли того, что от него осталось, для осмысленности его дальнейшего существования.

При этом мозг его был устроен так сложно, что внутри его черепа, перед мысленным взором вставляли всевозможные картины, каких не дано было видеть низшим животным, — столь же чистые плоды человеческого воображения, как и те пятьдесят миллионов долларов, которые *Эндрю Макинтош готов был мгновенно перевести из манхэттенского банка в Эквадор, как только нужные ему слова прозвучат в телефонной трубке. Фантазия рисовала ему портрет сеньоры Кеннеди — Жаклин Кеннеди Онассис, — неотличимый от виденных им не раз

изображений Девы Марии. Ортис был католиком. В Эквадоре все были католики. Католиками поголовно были фон Кляйсты. Даже каннибалы, жившие в экваториальных влажных лесах, неуловимые канка-боно, и те были католики.

Сеньора Кеннеди представлялась ему прекрасной, печальной, чистой, доброй и всемогущей. В воображении Ортиса, однако, она возглавляла сонм более мелких божеств, которые также должны были принять участие в «Естествоиспытательском круизе века», включая шестерых постояльцев, уже проживавших в гостинице. От любого из них Ортис ожидал только блага и предвкушал — как и большинство его соотечественников, покуда в стране не воцарился голод, — что приезд подобных гостей станет славной страницей в истории Эквадора. И потому их следует окружить всяческой роскошью, какая только вообразима.

И вот вдруг истинный облик одного из этих предположительно чудесных визитеров, *Эндрю Макинтоша, осквернил сложившийся в голове Ортиса мысленный портрет не только других младших божеств, но и самой сеньоры Кеннеди.

Теперь у этого поясного портрета выросли клыки, как у вампира, кожа слезла с лица, хотя волосы и сохранились, — и вместо Пресвятой Девы ему предстал ухмыляющийся череп, жаждущий чумы и гибели для маленького Эквадора.

Ортис никак не мог прогнать прочь эту леденящую кровь картину. Решив, что, быть может, ему удастся стряхнуть с себя жуткое видение выйдя на улицу, в ее палящий зной, он направился через вестибюль к выходу, не слыша обращенных к нему окриков *Зигфрида фон Кляйста, который на-

ходил в бар. Тот спрашивал подчиненного, что произошло, куда он идет и так далее. Ортис был лучшим служащим отеля, самым верным, находчивым и неизменно жизнерадостным, и *фон Кляйст им очень дорожил.

Детей у управляющего, кстати сказать, не было, хотя он и не был гомосексуалистом, сперма его выглядела под микроскопом замечательно и так далее. И вот почему: на пятьдесят процентов существовала вероятность, что он является носителем наследственной неизлечимой болезни головного мозга, неизвестной в наши дни и называвшейся хореей Хантингтона. Это был один из тысячи наиболее распространенных в те времена недугов, которые умел распознавать «Мандаракс».

Чистой воды везение картежника, что сегодня среди людей не осталось ни одного больного хореей Хантингтона. Подобной же случайности обязан был *Зигфрид фон Кляйст тем, что стал в свое время ее потенциальным носителем. Отец его узнал, что болен, лишь к середине своей жизни, когда уже успел породить двух отпрысков.

Это, разумеется, означало, что и старший, более высокий и импозантный брат *Зигфрида, Адольф, капитан «Bahia de Darwin», мог быть носителем недуга. Поэтому как *Зигфрид, который должен был уйти, не оставив по себе потомства, так и Адольф, которому предстояло впоследствии стать прародителем всего человеческого рода, — оба исходя из восхитительно бескорыстных побуждений — отказались участвовать миллион лет назад в биологически важном акте спаривания.

*Зигфрид и Адольф хранили в тайне возможный свой генетический дефект. Это умолчание, конечно, избавляло их от ненужных личных ос-

ложнений, но в то же время призвано было оградить их близких. Получи огласку то обстоятельство, что братья могут передать по наследству эту болезнь своим потомкам — всем остальным фон Кляйстам вряд ли можно было надеяться на удачный брак, несмотря на то что вероятность их заболевания была вовсе нулевой.

Дело заключалось в том, что недуг, если только они вообще носили его в себе, был унаследован братьями от их бабушки по отцовской линии, второй жены их деда, родившей единственного сына — их отца, эквадорского скульптора и архитектора Себастьяна фон Кляйста.

Насколько тяжелым было это заболевание? Ну, достаточно сказать, что это было хуже, чем родить ребенка, сплошь покрытого шерстью.

Более того: из всех ужасных болезней, известных «Мандараксу», хорея Хантингтона, возможно, была наихудшей. Она, несомненно, являла собой самый предательский и отвратительный сюрприз для человека. Обычно она тихо дожидалась своего часа, не поддаваясь выявлению никакими известными анализами, покуда несчастный, получивший ее по наследству, не достигал зрелого возраста. Отец братьев, к примеру, вел безоблачную производительную жизнь до пятидесяти четырех лет, когда он вдруг начал невольно приплясывать и ему стали являться видения. А затем он убил свою жену — факт, преданный замалчиванию. Полиция, получив сообщение об этом убийстве, замяла дело, списав все на бытовой несчастный случай.

Итак, двое братьев вот уже двадцать пять лет как ожидали, что в любой момент могут тронуться рассудком, пуститься в пляс и начать галлю-

цинировать. Шансов, что такое может произойти, у обоих было: пятьдесят на пятьдесят. Случись такое хотя бы с одним из них — это послужило бы доказательством того, что недуг их может перейти по наследству к новому поколению. Если же любой из них дожил бы до преклонных лет так и не свихнувшись, это подтвердило бы, что он не является носителем болезни и что его потомки также избавлены от нее. В этом случае оказалось бы, что он давно мог бы безбоязненно размножаться.

Однако судьбе было угодно распорядиться так, что капитан оказался здоров, тогда как его брат — болен. По крайней мере бедному *Зигфриду хотя бы предстояло страдать недолго. Помешательство его началось, когда ему оставалось всего несколько часов жизни: в четверг, 27 ноября 1986 года. Он стоял за стойкой бара в «Эльдорадо», перед ним сидел Джеймс Уэйт, а за спиной у него висел портрет Чарльза Дарвина, когда его самый надежный служащий, Хесус Ортис, прошел мимо бара к выходу, чем-то страшно расстроенный.

Именно в этот момент большой мозг *Зигфрида на миг погрузился в безумие, после чего опять вернулся к прежнему, нормальному состоянию.

На ранней стадии этой болезни — единственной, которую суждено было пережить несчастному, — он еще мог осознать в душе, что мозг его становится опасен, и усилием воли поддерживать видимость психического здоровья. Поэтому он не подал виду и попытался вернуться к своим обычным делам, завязав беседу с Уэйтом.

— Какова ваша профессия, мистер Флеминг? — спросил он. Слова эти, произнесен-

ные *Зигфридом, мучительно отдались у него в ушах, точно он прокричал их во всю глотку в пустую железную трубу. Слух его стал болезненно чувствителен к звукам.

Ответ Уэйта, произнесенный мягким голосом, также резанул ему слух.

— Я служил инженером, — проговорил Уэйт, — но после смерти жены потерял интерес к этому занятию, да и вообще ко всему, по правде сказать. Полагаю, теперь можно сказать, что моя профессия — выживание.

Между тем Хесус Ортис, смертельно оскорбленный *Эндрю Макинтошем, вышел из отеля, намереваясь побродить по окрестностям, пока немного не успокоится. Однако вскоре он обнаружил, что благодаря солдатам и колючей проволоке весь прилегающий к отелю район превратился в санитарный кордон. Необходимость такого барьера, впрочем, была очевидна. Толпы людей всех возрастов по ту сторону ограждения не сводили с него глаз — столь же проникновенных, как у Казаха, — совершенно напрасно надеясь, что у него может найтись для них еда.

Оставшись внутри ограждения, он вновь и вновь обходил вокруг отеля, всякий раз при этом минуя открытую дверь прачечной. Там, внутри, на стене укреплена была серая стальная коробка. Он знал, что в ней: коммутатор, соединяющий телефоны отеля с внешним миром. Добропорядочный гражданин той эпохи, миллион лет назад, при виде такой коробки мог бы подумать: «Что соединено телефонной компанией, не имеет права разъединять ни один человек».

Именно это соображение возникало в мозгу Хесуса Ортиса. Никогда бы он не смог по-

вредить коробку, столь важную для множества людей. Но человеческие мозги в ту пору были так велики, что стали поистине способны обманывать своих владельцев. Мозг Ортиса подстрекал его отключить все телефоны, еще когда он в первый раз проходил мимо двери прачечной. Мозг знал, что в душе его обладатель — убежденный противник антиобщественного поведения. Поэтому, дабы того не парализовало, мозг твердил ему: «Нет-нет, что ты, мы, конечно же, ни за что на это не пойдём».

На четвертом витке мозг Ортиса подтолкнул его пройти в прачечную, позаботившись при этом изобрести легенду на тот случай, если того спросят, что он там делает. Будучи добропорядочным гражданином, он пришел искать зеленые брюки одной из постоялиц, Мэри Хепберн, канувшие накануне вечером, по всей видимости, в иную галактику.

Он открыл коробку и порвал все провода. Всего за несколько секунд типичный для той эпохи человеческий мозг превратил лучшего гражданина Гуаякиля в безумного террориста.

17

На острове Манхэттен рекламщик-профессионал среднего возраста созерцал крах своего шедевра — «Естествоиспытательского круиза века». Он только что переехал в свой новый офис в опустевшем помещении под самым сводом здания Крайслера, где ранее размещался выставочный зал фирмы по изготовлению арф, которая обанкротилась, как Илиум и Экватор, Филиппины и Турция и так далее. Звали его Бобби Кинг.

Он находился в том же часовом поясе, что и Гуаякиль, и линия, опущенная строго на юг из глубокой складки на его брови, уперлась бы в еще более глубокую складку, рассекающую бровь *Эндрю Макинтоша. Тот в Гуаякиле пытался криком вдохнуть жизнь в отключенный телефон. С равным успехом *Макинтош мог бы прижимать к своей квадратной голове чучело галапагосской морской игуаны и все требовательней орать: «Алло! Алло!»

У Бобби Кинга же на столе и впрямь стояло чучело игуаны, и он не раз развлекал того или иного посетителя тем, что, притворившись, будто перепутал чучело с телефоном, подносил его к уху и произносил: «Алло! Алло!»

Однако теперь ему, конечно, было не до шуток. По-своему он сделал не меньше, чем Чарльз Дарвин, для прославления Галапагосских островов — ведя на протяжении десяти месяцев пропагандистскую и рекламную кампанию, которая сумела убедить людей в том, что первому плаванию «Bahia de Darwin» предстоит стать в самом деле «Естествоиспытательским круизом века». В ходе этой кампании он сделал знаменитостями различных обитателей архипелага: бескрылых бакланов, синелапых олуш, вороватых птиц-фрегатов и еще и еще многих.

Заказчиками кампании были министерство туризма Эквадора, авиакомпания «Экваториана эйрлайнз» и владельцы отеля «Эльдорадо» и «Bahia de Darwin» — дядья по отцовской линии *Зигфрида и Адольфа фон Кляйст. Ни управляющему отеля, ни капитану, впрочем, не приходилось заботиться о хлебе насущном. Они, благодаря наследству, и без того были сказочно богаты, но считали, что все равно должны чем-то заниматься.

Теперь Кингу представлялось очевидным, хотя никто ему еще ничего не сообщал, что все труды его пропали впустую и «Естествоиспытательскому круизу века» состояться не суждено.

Что касается чучела морской игуаны на его столе, то он сделал эту рептилию тотемическим символом круиза, поместив ее изображение по обе стороны от носа «Bahia de Darwin» и, в качестве эмблемы, на всех объявлениях и рекламных листовках.

В действительности же это была тварь, достигавшая порою в длину метра с лишним и выглядевшая не менее пугающе, чем китайский дракон. Однако на деле она была для любых форм жизни — не считая водорослей — не опаснее ливерной колбасы. Сегодня она ведет тот же образ жизни, что и миллион лет тому назад, а именно:

У нее нет врагов, поэтому она сидит на месте, вперясь в никуда, ничего не желая, ни о чем не беспокоясь — пока не проголодается. Тогда она сползает к океанской воде и пускается вплавь, медленно и не слишком умело. Удалившись от берега на несколько метров, она погружается, как подводная лодка, и набивает брюхо водорослями, пока еще непригодными для пищеварения и требующими обработки.

Потом игуана выныривает, плывет на берег и снова усаживается на застывшей лаве, под солнцем. Используя себя в качестве кастрюли для тушения, она раскаляется все жарче в солнечных лучах — в то время как водоросли тушатся у нее внутри. При этом она, как и прежде, продолжает смотреть прямо перед собой, в никуда — с той единственной разницей, что теперь из рта ее время от времени выплескивается нагревающаяся морская вода.

За тот миллион лет, что я провел на архипелаге, закон естественного отбора оказался не в силах ни усовершенствовать, ни ухудшить эту систему выживания.

Кингу было известно, что шесть человек все-таки приехали в Гуаякиль и находились в данный момент в отеле «Эльдорадо», не потеряв еще надежды отправиться в «Естествоиспытательский круиз века». Это также было для него некоторым потрясением. Он полагал, что те, кто самостоятельно заказывал туда билеты, наверняка остерегутся приезжать, поскольку вести из Эквадора были столь тревожными.

Он знал имена всех шестерых. Одно из них — канадца Уилларда Флемминга — абсолютно ничего ему не говорило. Речь шла, разумеется, о Джеймсе Уэйте. Кингу было невдомек, как тот оказался в списках пассажиров, который, как предполагалось, — за исключением Мэри Хепберн и японского ветеринара с женой — должен был состоять сплошь из журналистов и влиятельнейших законодателей моды.

Кинга удивило, что Мэри Хепберн приехала без мужа. Он не знал, что Рой скончался. Ему было кое-что известно о Хепбернах, хотя те и были полными «ником» в списке, состоявшем сплошь из одних знаменитостей, поскольку эта пара была первой, кто пожелал забронировать места для участия в «Естествоиспытательском круизе века». Это было еще в то время, когда Кинг имел основания сомневаться, что хоть одна настоящая знаменитость действительно соблазнится перспективой отправиться в это путешествие.

Когда Хепберны забронировали места, Кинг даже подумывал о том, чтобы сделать из них своего рода мини-знаменитостей, сняв их в различ-

ных шоу, опубликовав их интервью в газетах и так далее. Он ни разу не встречался с ними, но беседовал с Мэри по телефону, надеясь — вопреки ожиданию — разведать о них что-нибудь интересное, хотя те и находились на самой ординарной службе в заштатном промышленном городишке, уровень безработицы в котором был самым высоким в стране. У кого-то из них двоих могли обнаружиться знаменитые предки или родственники, либо Рой мог оказаться героем какой-нибудь войны, либо, может статься, они выигрывали в лотерею, а то и, глядишь, пережили нечто трагическое — словом, что-нибудь в этом роде.

Вот как протекал тогда, в январе, разговор Кинга с Мэри:

— Ну... я дальняя родственница Дэниела Буна, — сообщила она. — Моя девичья фамилия тоже Бун, и я родом из Кентукки.

— Отлично! — воскликнул Кинг. — Вы приходите к нему прапраправнучкой или кем?

— Да нет, не думаю, чтобы я была столь прямой его наследницей, — разочаровала она его. — Я никогда не придавала этому особого значения, а значит, и не докапывалась до истины.

— Но вы же сами сказали, что ваша девичья фамилия Бун...

— Да, но это чистой воды совпадение. Мой отец носил фамилию Бун, не состоя при этом ни в каком родстве с Дэниелом Буном. Я прихожусь ему родственницей по материнской линии.

— Если ваш отец носил фамилию Бун и жил в Кентукки, то он просто обязан так или иначе состоять в родстве с Дэниелом Буном, вам не кажется? — не унимался Кинг.

— Вовсе не обязательно, — парировала она. — Потому что его отец был объездчик лошадей из Венгрии по имени Миклош Гёмбёш, которое он затем заменил на Майкл Бун.

Касательно их возможных наград и почетных званий Мэри отвечала, что, хотя Рой, безусловно, заслужил их своей самоотверженной работой на «ДЖЕФФКо», в этой компании не принято присуждать подобного никому, кроме высших руководителей.

— А военные награды? Ничего такого?.. — поинтересовался он.

— Он служил на флоте, — сказала она. — Но не сражался.

Случись Кингу позвонить на три месяца позже и наткнуться на самого Роя — он, несомненно, услышал бы массу интересного о трагическом героизме, который тот проявил в ходе испытаний атомной бомбы на тихоокеанском атолле.

— У вас есть дети? — полюбопытствовал Кинг.

— В обычном смысле — нет, — призналась Мэри. — Но я считаю каждого ученика своим родным ребенком, а Рой активно занимается со скаутами и считает всех ребят из руководимого им отряда своими сыновьями.

— Как трогательно... — отозвался Кинг. — Я был страшно рад побеседовать с вами и надеюсь, что вы с мужем получите удовольствие от поездки.

— Я в этом уверена, — ответила она. — И все же мне нужно собраться с духом, чтобы попросить у директора три недели отпуска в середине семестра.

— Вы сможете по возвращении рассказать своим ученикам столько удивительного, что он наверняка с радостью согласится вас отпустить, — выразил надежду Кинг. Сам он никогда не видел воо-

чию Галапагосские острова, и ему не суждено было их увидеть. Зато, как и Мэри Хепберн, он знал их по множеству фотографий.

— Ах да!.. — воскликнула вдруг Мэри, когда тот уже собирался было повесить трубку. — Вы спрашивали о наградах, медалях и подобных вещах?..

— Да, а что? — вновь оживился Кинг.

— Мне вскоре предстоит получить одну награду — по крайней мере для меня это все равно что награда, — сообщила Мэри. — Предполагается, что я ничего не должна об этом знать, так что не следовало бы и вам этого говорить...

— Я буду нем как рыба, — заверил Кинг.

— Я сама только недавно по чистой случайности об этом узнала, — продолжала Мэри. — В нынешнем году выпускной класс решил посвятить свой ежегодник мне. Они дали мне прозвище — я увидела его в посвящении, которое попало мне на глаза, когда я пришла в типографию забрать по просьбе подруги объявление о дне рождения ее детей. У нее близнецы — мальчик и девочка.

— Ага! — вставил Кинг.

— И знаете, какое прозвище дали мне эти молодые люди?

— Нет, — ответил Кинг.

— Воплощение Матери-Природы, — объявила Мэри.

На Галапагосских островах нет могил. Океан обходится с телами умерших как ему заблагорассудится. Но если бы там был воздвигнут надгробный камень в память о Мэри Хепберн, к нему подошла бы только одна надпись: «Воплощение Матери-Природы». В чем же состояло ее подобие Матери-Природе? Перед лицом полной безнадежности, царившей

на Санта-Росалии, она все-таки желала, чтобы там рождались человеческие дети. Ничто не в силах было помешать ей делать все возможное для поддержания непрерывности жизни.

18

Известие о том, что Мэри Хепберн находится в числе шестерых несчастных, которые все-таки добрались до Гуаякиля, впервые за несколько месяцев напомнило Бобби Кингу о ее существовании. Он решил, что, вероятно, Рой тоже там, с нею, — так как, судя по ее словам, они были неразлучной парой — и что управляющий отеля «Эльдорадо», чьи телексные сообщения час от часу становились все более горячими, просто случайно забыл упомянуть его имя.

Кингу, между прочим, известно было и обо мне — хотя и не известно мое имя.

Он знал, что в ходе строительства корабля убило рабочего.

Однако предавать огласке это известие, которое дало бы суеверным повод решить, что на борту «Bahia de Darwin» поселился призрак, он стремился не больше, чем семейство фон Кляйст — проливать свет на то, что один из его членов госпитализирован с хореей Хантингтона, а двое других являются на пятьдесят процентов потенциальными носителями этого недуга.

Рассказывал ли сам капитан Мэри Хепберн за годы, проведенные ими вместе на Санта-Росалии, что он, может статься, носитель хорей

Хантингтона? Он раскрыл ей эту страшную тайну только по истечении десяти лет их робинзонады, когда узнал, что та самовольно распорядилась его спермой.

Из шести постояльцев «Эльдорадо» Кинг был лично знаком лишь с двумя: *Эндрю Макинтошем и его слепой дочерью Селеной, ну и, само собою, с Казахом, их собакой. Всякий, кто знал Макинтошей, неизбежно знакомился и с собакой хотя благодаря хирургическому вмешательству и воспитанию та стала совершенно обезличенной. Макинтоши были завсегдатаями нескольких ресторанов, которые прибегали к услугам Кинга, к тому же *Макинтош — правда, без собаки и дочери — снимался в различных телешоу вместе с некоторыми из его клиентов. Кинг в обществе Селены и собаки наблюдал эти шоу по студийному монитору. У него сложилось впечатление, что, когда папочки нет рядом, у дочки заметно больше проблесков индивидуальности, чем у собаки. Однако говорить она могла только об отце.

*Эндрю Макинтош явно наслаждался своим участием в телешоу. Он был там желанным гостем благодаря своему неистовому темпераменту. Он проповедовал радость жизни при наличии неограниченных средств на всевозможные траты, жалел и презирал тех, кто небогат, и так далее.

Под воздействием суровой действительности островной жизни на Санта-Росалии у Селены выработается тип личности, совершенно отличный от ее отца, прежде чем ей суждено было погрузиться в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь. Она научится также бегло говорить по-японски. В эру больших мозгов история человеческой жизни могла иметь какой угодно финал.

Макинтоши и Хирогуши были, вслед за Роем и Мэри Хепберн, среди первых, кто подал заявку на участие в «Естествоиспытательском круизе века». Случилось это в феврале. Хирогуши, приглашенные *Макинтошем, вынуждены были путешествовать под чужими именами, чтобы работодатели *Зенджи не прознали, что тот ведет переговоры о сделке с *Макинтошем.

Для Кинга, *Зигфрида фон Кляйста и всех, кто был связан с организацией круиза, чета Хирогуши была ветеринаром Кендзабуро с женой.

Это означает, что ровно половина постояльцев «Эльдорадо» выдавали себя за кого-то другого. Словно бы в довершение всего этого великомозглого обмана на левом нагрудном кармане списанной военной формы, в которую была облачена Мэри Хепберн, еще красовалась фамилия прежнего владельца: Каплан. И когда они с Джеймсом Уэйтом наконец повстречались в коктейль-баре, он представился, назвав свое вымышленное имя, она же — свое настоящее, но тем не менее он упорно называл ее «миссис Каплан», превозносил евреев и так далее в том же духе.

Позже капитану предстояло женить их на палубе-солярии «Bahia de Darwin», и она при этом полагала, что стала женой Уилларда Флемминга, а он считал, что взял в жены Мэри Каплан.

Подобного рода путаница совершенно невозможна сегодня, ибо ни у кого ныне нет ни имени, ни профессии или истории жизни, которую он мог бы поведать. Все, что теперь имеется у человека как свидетельство его репутации, — это запах, который не меняется с рождения и до смерти. Че-

ловек — именно тот, за кого он себя выдает, ни больше ни меньше. Закон естественного отбора сделал людей абсолютно честными в этом отношении. Каждый является в точности тем, кем кажется.

Когда *Эндрю Макинтош забронировал три отдельных каюты на борту отправляющегося в первое плавание «Bahia de Darwin», Бобби Кинг имел все основания чувствовать себя заинтригованным. Ибо у *Макинтоша имелась собственная яхта, «Ому», размерами почти не уступавшая прогулочному кораблю, и он мог отправиться на Галапагосы самостоятельно, избежав необходимости вступать в тесное общение с посторонними и подчиняться распорядку, общему для всех участников «Естествоиспытательского круиза века». Последние, к примеру, не имели бы возможности сходить на берег и вести себя там когда и как им вздумается. Им разрешалось делать это лишь в сопровождении и под наблюдением гидов, прошедших подготовку у специалистов Дарвиновской исследовательской станции на острове Санта-Крус и имеющих высшее образование по одной из естественных дисциплин.

Поэтому, встретив однажды вечером, во время обычного своего обхода ресторанов и клубов, *Макинтоша с дочерью и собакой в компании неизвестной пары за поздним ужином в месте сбора знаменитостей — «У Элен», Кинг задержался возле их столика, чтобы сказать, как он польщен их желанием участвовать в круизе. Ему очень хотелось услышать, чем вызвано это их желание, чтобы затем использовать высказанные ими соображения для заманивания других крупных фигур, дающих пищу газетчикам.

Лишь поприветствовав Макинтошей, Кинг осознал, кто были другие двое за их столом.

Он знал обоих достаточно, чтобы заговорить с ними, и так он и сделал. Женщина оказалась самой обожаемой жительницей планеты, миссис Жаклин Бувье Кеннеди Онассис, а спутником ее в тот вечер был великолепный танцор Рудольф Нуриев.

Нуриев, бывший гражданин Советского Союза, получил политическое убежище в Великобритании. Сам я тоже еще был тогда жив: гражданин США, которому предоставила политическое убежище Швеция.

И обоих нас роднила любовь к танцу.

Рискуя напомнить *Макинтошу, что тот является владельцем собственной океанской яхты, Кинг спросил, чем его так привлекла идея совершить путешествие на «Bahia de Darwin». Хитроумный и начитанный *Макинтош разразился в ответ речью об ущербе, который наносят Галапагосам своими бесконтрольными высадками разные эгоистичные невежды. Все это было почерпнуто им из материала в «Нэшнл джио-грэфик», который он ежемесячно прочитывал от корки до корки. Журнал утверждал, что для предотвращения самовольных высадок на острова людей, которые будут творить там что им взбредет в голову, Эквадору потребуются военно-морские силы, превышающие размерами весь мировой флот, так что реальное сохранение хрупких ареалов возможно лишь при условии, что люди сами научатся себя контролировать. «Каждый порядочный гражданин планеты, — говорилось в статье, — должен высаживаться на берег островов только в сопровождении специально подготовленного гида».

Во время отшельничества на Санта-Росалии у Мэри Хепберн, капитана, Хисако Хирогуши, Селены Макинтош и остальных не было специально подготовленного провожатого. И в первые не-

сколько лет своего пребывания там они устроили для хрупкой местной природы суший ад.

Лишь в самый последний момент им удалось осознать, что губят они свою собственную среду обитания и что они не просто туристы.

Там, в ресторане «У Элен», *Макинтош вызвал у своей зачарованной аудитории праведный гнев, живописуя, как туристские ботинки крушат замаскированные гнезда игуан, алчные пальцы грабят кладки олуш и так далее. Самый душераздирающий эпизод его рассказа о подобных жестокостях, однако, — позаимствованный опять же из «Нэшнл джио-грэфик» — клеймил тех, кто ради удовольствия позировать перед фотоаппаратом берет на руки детенышей тюленя. Ибо когда потом детеныша возвращают матери, с горечью повествовал рассказчик, та не желает больше его кормить, чувствуя исходящий от него чужой запах.

— Что же происходит с этим милым созданием, удостоившимся ласки со стороны добросердечного любителя природы? — вопрошал *Макинтош. — Оно гибнет от голода, и все это ради одного-единственного фотоснимка!

Поэтому на вопрос Бобби Кинга он ответил, что своим участием в «Естествоиспытательском круизе века» желает подать хороший пример, которому, надо надеяться, последуют другие.

Выступление этого человека в роли пламенного ревнителя охраны природы представляется мне иронией судьбы, учитывая, что многие компании, директором или крупным акционером которых он являлся, были как раз отъявленными вредителями, губившими воду, почву или атмосферу. Однако

для * Макинтоша, явившегося на свет Божий неспособным всерьез о чем-либо печься, никакой иронии в этом не было. Дабы скрыть этот свой врожденный недостаток, он вынужден был стать большим актером, притворяясь даже перед самим собой, будто горячо озабочен всем на свете.

Ранее не менее убежденно он дал своей дочери совершенно иное объяснение того, почему они должны совершить это путешествие на «Bahia de Darwin», а не на «Ому». Супруги Хирогуши, сказал он, возможно, чувствовали бы себя на «Ому» пленниками, вынужденные общаться лишь с Макинтошами. Они могли бы запаниковать в таких условиях, так что *Зенджи, глядишь, еще отказался бы вести переговоры и потребовал высадить их с женой в ближайшем порту, чтобы поскорей улететь обратно, домой.

Как и множество других патологических личностей, обладавших властью миллион лет назад, *Макинтош под влиянием внезапного импульса был способен почти на все, ничего особого при этом не ощущая. Логическое объяснение его поступков приходило к нему всегда позже, на досуге.

И да будет подобное поведение сочтено сжатой подоплекой той войны, в которой я имел честь участвовать: войны во Вьетнаме.

19

Как и большинство патологических личностей, *Эндрю Макинтоша никогда особенно не заботило, говорит он правду или нет, — и потому он обладал великолепным даром убеждения. В ито-

ге он так воодушевил вдову Онассис и Рудольфа Нуриева, что те попросили Бобби Кинга предоставить им дополнительную информацию о «Естествоиспытательском круизе века», которую тот и направил им на следующее утро с посыльным.

Судьбе было угодно распорядиться так, что в тот самый вечер по учебной телепрограмме демонстрировался документальный фильм о синелапых олушах, так что Кинг приложил к материалам записку, в которой рекомендовал, если будет желание, посмотреть передачу. Птицам этим суждено было впоследствии сыграть решающую роль в выживании человеческой колонии на Санта-Росалии. Не будь они столь глупы и неспособны осознать опасность, грозящую им со стороны людей, поселенцы наверняка умерли бы голодной смертью.

Кульминацией телефильма, как и наиболее ярким моментом лекций об архипелаге, которые читала Мэри Хепберн в Илиумской средней школе, был рассказ о брачных танцах синелапых олуш. Танцы эти протекали следующим образом.

Пара этих крупных морских птиц сидела на покрывающей остров застывшей лаве. Размером они были с бескрылого баклана, с такими же длинными змеевидными шеями и гарпунообразными клювами. Но летать они не отучились и потому обладали большими, сильными крыльями. Ноги их и перепончатые лапы были ярко-синего цвета. Рыбу они ловили, пикируя на нее сверху.

Рыба! Рыба! Рыба!

Обе птицы выглядели одинаково, несмотря на то что одна из них была самцом, а другая — самкой. Казалось, каждая из них находилась там

по своим делам, не питая к другой ни малейшего интереса, — хотя в действительности никаких особых дел на лавовой поверхности острова у них быть не могло, поскольку насекомыми или растениями олуши не питаются. Материалы для строительства гнезда им тоже искать не приходилось, так как настолько далеко игра их еще не зашла.

Самец вдруг перестал заниматься тем, чем занимался, — а именно ничем. Он заметил самку. Отвернувшись, вновь посмотрел в ее сторону, сидя при этом все на том же месте и не издавая ни звука. Птицы эти не безголосы, но и самец, и самка на всем протяжении танца хранят молчание.

Самка крутила головой туда-сюда, покуда взгляд ее не встретился с глазами самца. Расстояние между ними было не меньше пяти метров.

В этом месте Мэри, показывая фильм ученикам, обычно произносила от лица самки: «Чего этому типу может быть от меня нужно? Нет, в самом деле?! Какая дикость!»

Самец задрал одну ярко-синюю лапу и вытянул ее, держа в воздухе, словно бумажный веер.

Мэри Хепберн, опять играя роль самки, при этом говорила: «А это еще что такое? Тоже мне чудо света! Он что, считает, что только у него на всем острове синие лапы?»

Самец опустил лапу и поднял другую, приблизившись на шаг к самке. Потом снова продемонстрировал ей первую, потом опять вторую, глядя ей прямо в глаза.

Мэри произносила за самку: «Пора мне отсюда убираться». Однако сделать это самка не спешила. Словно приклеенная к лаве, она наблюдала, как самец поочередно показывает ей свои лапы и подходит все ближе.

Теперь уже самка задирала свою синюю лапу, на что Мэри замечала: «Думаешь, только у тебя такие красивые лапы? Если уж тебе хочется увидеть по-настоящему красивую лапу, взгляни-ка вот на эту. У меня и вторая такая есть!»

Самка опустила лапу и подняла другую, на шаг приблизившись к самцу.

Тут Мэри обычно умолкала и больше уже не вставляла шутивых комментариев в духе человеческих отношений. Птицы вольны были вести дальше свое шоу самостоятельно. Все так же серьезно и чинно сближаясь, не ускоряя и не замедляя шага, они наконец упирались грудь в грудь.

Ученики Илиумской средней школы не ожидали увидеть совокупление птиц. Фильм был так хорошо всем известен — ибо Мэри из года в год показывала его в классе в начале мая, в ознаменование начала весеннего сезона, — что каждый ученик знал, что саму сцену совокупления им не покажут.

Тем не менее то, что делали две птицы перед объективом, все равно выглядело в высшей степени эротично. Сойдясь грудь в грудь, они распрямляли свои гибкие шеи, устремляя их вверх, точно древки знамен, откидывали головы назад как можно сильнее, плотно прижимаясь друг к другу шеей и горлом. Так что теперь вдвоем они образовывали подобие башни — единое сооружение, устремленное вверх и покоящееся на четырех синих лапах.

Таким образом свершался брачный обряд.

Все проходило без свидетелей. Вокруг не было других олуш, чтобы поздравить их с прекрасным выбором и великолепно исполненным танцем. В фильме, который Мэри Хепберн обычно крутила в средней школе — и который, по совпадению, Бобби Кинг рекомендовал посмотреть миссис Онассис и Рудольфу Нуриеву по учебной телепрограмме, — единствен-

ными свидетелями всей сцены были большемозглые члены съемочной группы.

Фильм назывался «Целясь в небо» — по названию, которое все те же большемозглые ученые дали позе, когда клювы обеих птиц устремлены в направлении, противоположном действию силы притяжения.

На миссис Онассис лента произвела столь сильное впечатление, что на следующее же утро она велела своему секретарю позвонить Бобби Кингу и спросить, не поздно ли еще забронировать две отдельные каюты на главной палубе «Bahia de Darwin» на время проведения «Естествоиспытательского круиза века».

20

Мэри Хепберн обычно ставила повышенную оценку тем из своих учеников, кто посвящал брачному танцу птиц небольшое сочинение в прозе или стихах. Почти каждый второй писал что-нибудь, и примерно половина написавших видели в птичьем танце доказательство того, что животные поклоняются Богу. Остальные сочиняли кто во что горазд. Один ученик принес стихотворение, которое Мэри помнила до конца своих дней и которому обучила «Мандаракс». Имя ученика было Ноубл Клэггетт, он был убит во время войны во Вьетнаме, но его произведению суждено было занять место в памяти «Мандаракса» рядом с величайшими из когда-либо живших авторов. Звучало оно следующим образом:

Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его:

«Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его:

«Да, люблю, конечно, —
Так родим того,
Кто скажет, что творили
Родители его...

И т. д.

Ноубл Клэггетт (1947—1966)

Некоторые ученики просили разрешения написать о каком-либо ином представителе галапагосской фауны, и Мэри, будучи хорошим педагогом, разумеется, соглашалась. Излюбленными альтернативными героями сочинений оказывались недруги и обидчики олуш — гигантские птицы-фрегаты. Эти Джеймсы Уэйты птичьего мира питались рыбой, вылавливаемой олушами, и сооружали гнезда из материалов, украденных у олуш. Определенному разряду учеников это казалось забавным, и разряд этот состоял почти сплошь из юношей.

У самцов фрегата имелась также уникальная физическая особенность, которая неизменно притягивала внимание незрелых юнцов, озабоченных эрективными способностями своего полового органа. Самцы гигантского фрегата в брачный период старались привлечь самок, раздувая ярко-красный пузырь, расположенный у них под горлом. Птичий базар в брачный период фрегатов напоминал с воздуха скопище детей с красными шариками в руках. Остров оказывался усеян самцами фрегата, которые, запрокинув головы, раздували символ своего супружеского достоинства во всю мощь легких, так что тот чуть не лопался, в то время как самки кружили в небе.

Выбрав подходящий шар, самки одна за другой камнем падали вниз.

По окончании фильма о гигантских фрегатах, когда занавески на окнах класса раздвигались и вновь зажигался свет, кто-нибудь из учеников — опять же почти неизменно это бывал юноша — обязательно спрашивал Мэри, порою с клиническим интересом, иногда в шутовском тоне или же с горечью, ненавидя и боясь женщин:

— А что, самки всегда стремятся выбрать самый большой?

Поэтому у Мэри имелся наготове ответ — столь же неизменный, слово в слово, как любая цитата, выдаваемая «Мандараксом»:

— Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно было бы опросить самок фрегата, но куда, насколько мне известно, никому еще не удавалось это сделать. Однако некоторые люди посвятили свою жизнь изучению этих птиц, и, по их мнению, самки отдают предпочтение тем красным пузырям, которые приходятся на наиболее удобные места гнездовья. Это важно с точки зрения выживания, понятно?.. Здесь самое время вернуться к брачным танцам синелапых олуш, которые, по всей видимости, не имеют ни малейшего отношения к факторам выживания, гнездовки или рыбного промысла олуш. С чем же они тогда связаны? Позволительно ли будет назвать это «религией»? Или, коли у нас не хватит смелости на первое, то можем ли мы назвать это по крайней мере «искусством»? Ваши соображения, пожалуйста.

Брачный танец синелапых олуш, желание воочию увидеть который столь внезапно охватило миссис Онассис, не изменился ни на йоту за миллион лет. Как и сами эти птицы не научились бо-

яться кого- или чего-либо. И не проявили ни малейшей склонности отказаться от полета и перейти на подводное плавание.

Что же касается смысла, заключающегося в брачном танце олуш, то птицы эти в действительности суть огромные синелапые молекулы, и выбирать им в этом вопросе не дано. Сама их природа велит им танцевать так и никак иначе.

Люди же представляли собой молекулы, способные исполнять множество и множество самых различных танцев либо вообще отказываться танцевать — как им было угодно. Моя мать умела танцевать вальс, танго, румбу, чарльстон, линди-хоп, джиттербаг, ватузи и твист. Отец же не желал танцевать и имел на то полное право.

21

После того как миссис Онассис изъявила желание отправиться в «Естествоиспытательский круиз века», от желающих не стало отбоя, и Рой и Мэри Хелберн с их жалкой каюткой, расположенной под ватерлинией, были напрочь забыты. К концу марта Кинг уже получил возможность опубликовать список пассажиров, возглавляемый миссис Онассис, за которой следовали имена почти столь же блестящие: доктор Генри Киссинджер, Мик Джаггер, Палома Пикассо, Уильям Ф. Бакли-младший, само собою — *Эндрю Макинтош, Рудольф Нуриев, Уолтер Кронкайт и так далее, и так далее. *Зенджи Хирогуши, путешествовавший под именем Зенджи Кендза-
108 буро, был назван в этом списке всемирно из-

вестным специалистом по болезням животных, дабы поставить его более или менее вровень с другими.

Два имени не были вообще включены в список по деликатным соображениям — чтобы не порождать затруднительного вопроса, кто они такие, ибо на самом деле они были именно совершенные никто. Я имею в виду Роя и Мэри Хепберн с их жалкой каюткой ниже ватерлинии.

А затем этот слегка урезанный список стал официальным. Так что когда авиакомпания «Экваториана эйрлайнз» в мае отправила всем участникам телеграммы с извещением об организации специального рейса для тех из них, кто окажется в Нью-Йорке за сутки до отплытия «Bahia de Darwin», Мэри Хепберн такого послания не получила. За извещенными высылались роскошные лимузины, готовые доставить их в аэропорт из любой точки города. Все кресла в самолете способны были трансформироваться в кровати, а салон туркласса был переоборудован под кабаре со столиками и подиумом, на котором труппа Эквадорского фольклорного балета должна была исполнять традиционные танцы разных индейских племен, включая неуловимых канка-боно. Пассажирам предполагалось подавать изысканные блюда и вина, достойные лучших ресторанов Франции. И все это бесплатно. Однако Рой и Мэри Хепберн так об этом и не узнали.

Как, впрочем, не получили они и письма, адресованного всем остальным еще в июне, от доктора Хосе Сепульведа де ла Мадрид, президента Эквадора, с приглашением на официальный завтрак, дававшийся в честь участников круиза в отеле «Эльдорадо», и на последующий торжественный парад, во время которого их должны были в запряженных лошадьми и украшенных цветами экипажах провезти от отеля до пристани, где их ожидал корабль.

Равно как не получала Мэри и ноябрьской телеграммы Кинга, направленной всем, включенным в список. В ней говорилось, что, несмотря на сгущающиеся на экономическом горизонте тучи, экономика Эквадора по-прежнему достаточно крепка, поэтому опасаться, что «Bahia de Darwin» может не отправиться в плавание в запланированные сроки, не придется. О чем в этом послании не сообщалось — так это о том, что список пассажиров к тому моменту уже сократился наполовину — о чем Кингу было известно — ввиду отказов, пришедших от всех участников круиза, за исключением японцев и американцев. Так что почти все, кто еще намеревался принять участие в путешествии, должны были прилететь тем самым специальным рейсом из Нью-Йорка.

И вот теперь секретарша Кинга только что вошла к нему в кабинет, чтобы передать услышанное по радио сообщение, что Государственный департамент США не рекомендует американским гражданам отправляться в ближайшее время в Эквадор.

Стало быть, на проекте, который Кинг по праву считал своим самым блестящим успехом, можно было поставить крест. Ничего не смысля в кораблестроении, он сумел добавить судну привлекательности, убедив его владельцев назвать их детище не «Антонио Хосе де Сукре», как они намеревались вначале, а «Bahia de Darwin». Ему удалось превратить заурядное двухнедельное плавание на архипелаг и обратно в естествоиспытательский круиз века. Как он сотворил это чудо? Да благодаря тому, что ни разу не назвал это путешествие иначе чем «Естествоиспытательским круизом века».

Если даже, в чем Кинг был уже почти уверен, «Bahia de Darwin» не отправится на следующий день в круиз, некоторые побочные эф-

фекты организованной им рекламной кампании все равно будут продолжать действовать. С помощью своих рассказов о чудесах, которые предстоит увидеть во время этого путешествия миссис Онассис, доктору Киссинджеру, Мику Джаггеру и другим, он способствовал массовой популяризации естественной истории. А также создал двух новых знаменитостей: Робера Пепена, который, после того как его наняли командовать камбузом на первое плавание, был объявлен Кингом «величайшим шеф-поваром Франции»; и Адольфа фон Кляйста, капитана «Bahia de Darwin», который — с его внушительным носом и таким видом, точно он скрывает от мира некую невыразимую личную трагедию, — проявил во время съемок телешоу с его участием дар первоклассного комика.

У Кинга в досье хранилась расшифровка выступления капитана в шоу «Сегодня вечером», которое вел Джонни Карсон. В этой передаче, как и во всех остальных, капитан щеголял в ослепительном, белом с золотом мундире, носить который ему давало право его звание адмирала запаса Эквадорского военно-морского флота. Текст расшифровки читался так:

КАРСОН: Мне кажется, фамилия «фон Кляйст» звучит как-то не слишком по-южноамерикански...

КАПИТАН: Она инкская — самая распространенная среди инков, вроде фамилий «Смит» или «Джонс» в англоговорящих странах. Если вы почитаете свидетельства испанских первопроходцев, которые разрушили империю инков за ее антихристианскую сущность, то...

КАРСОН: Да?..

КАПИТАН: Надеюсь, вы их читали?

КАРСОН: Это моя настольная книга — наряду с автобиографией Хеди Ламарр «Экстаз и я».

КАПИТАН: Тогда вам известно, что каждого третьего индейца, сожженного за ересь, звали фон Кляйст.

КАРСОН: Большой ли военно-морской флот у Эквадора?

КАПИТАН: Четыре подводные лодки. Они постоянно находятся под водой и никогда не всплывают.

КАРСОН: Не всплывают?

КАПИТАН: Никогда. Уже многие годы.

КАРСОН: Но с ними поддерживают радиосвязь?

КАПИТАН: Нет. Они хранят радиомолчание. Это их собственная инициатива. Мы бы и рады были поддерживать с ними связь, но они предпочитают молчать.

КАРСОН: А почему они так долго остаются под водой?

КАПИТАН: Об этом вам лучше спросить их самих. Видите ли, Эквадор — демократическая страна. Даже те из нас, кто служит на флоте, действуют в очень широких рамках дозволенного.

КАРСОН: Существует мнение, что Гитлер, возможно, еще жив и находится в Южной Америке. Как по-вашему — есть ли такая вероятность?

КАПИТАН: Я знаю, что в Эквадоре есть люди, которые не прочь были бы заполучить его себе на обед.

КАРСОН: Симпатизирующие нацизму...

КАПИТАН: Этого я не знаю. Думаю, такое не исключено.

КАРСОН: Ну, если они были бы не прочь заполучить его себе на обед...

КАПИТАН: То, должно быть, они каннибалы. Я имел в виду канка-боно. Те не прочь

заполучить себе на обед кого угодно. Они — как это по-английски?.. У меня вертится на языке...

КАРСОН: Пожалуй, мы можем перейти к следующему вопросу.

КАПИТАН: Нет, они... они... канка-боно...

КАРСОН: Подумайте. Не спешите.

КАПИТАН: Ага! Они «аполитичны». Вот это слово. Аполитичны — именно таковы эти канка-боно.

КАРСОН: Но они граждане Эквадора?

КАПИТАН: Да, конечно. Я же сказал, что у нас демократия. Каждому каннибалу дано право голоса.

КАРСОН: У меня есть еще один вопрос, который просили задать вам несколько дам. Быть может, он слишком личного свойства...

КАПИТАН: Почему столь красивый и обворожительный мужчина, как я, ни разу не испытал радости брака?

КАРСОН: У меня самого есть кое-какой опыт в этих вопросах, как вы знаете — или, возможно, не знаете...

КАПИТАН: Пойти на это было бы с моей стороны бесчестно по отношению к женщине.

КАРСОН: Хм, разговор наш принимает слишком интимный характер. Давайте лучше поговорим о синелапых олушах. Может быть, самое время показать фильм, который вы нам привезли?

КАПИТАН: Нет-нет! Я полон желаний обсудить свой отказ вручать кому-либо руку и сердце. С моей стороны было бы бесчестно жениться, поскольку в любой момент мне могут поручить командование подлодкой.

КАРСОН: И тогда вам придется уйти под воду и никогда больше не всплывать?

КАПИТАН: Такова традиция.

Кинг глубоко вздохнул. Список пассажиров лежал перед ним на столе, и половина имен была вычеркнута — имена мексиканцев, аргентинцев, итальянцев, филиппинцев и прочих, которые были настолько глупы, что хранили свои состояния в национальной валюте. Оставшиеся, за исключением шестерых, уже добравшихся до Гуаякиля, все находились в пределах Нью-Йорка, и с ними легко можно было связаться по телефону.

— Думаю, нам нужно сделать несколько звонков, — известил Кинг секретаршу.

Та предложила всех обзвонить, но он ответил «нет». Эту обязанность он чувствовал себя не вправе препоручать кому-то другому. Он убедил всех этих знаменитостей принять участие в круизе, обольстив в том числе, подобно любовнику, самых могущественных формирователей общественного мнения. И теперь, как приличествует ответственному любовнику, должен был лично сообщить им неприятную весть. По крайней мере ему не трудно будет разыскать большинство из них. Всего их насчитывалось сорок два человека, включая супруг и спутниц — то есть совершенных «никто». При этом они разбились на несколько компаний (о чем подробно сообщалось в тот день в рубриках светских сплетен), чтобы весело провести время, остававшееся до того часа, когда роскошные лимузины должны были с баюкающим, обволакивающим комфортом отвезти их в Международный аэропорт имени Кеннеди для посадки на самолет «Экваториана эйрлайнз», вылетающий десятичасовым специальным рейсом в Гуаякиль.

Хорошо еще, что ему не нужно было договариваться о возвращении их денег. Ибо поезд-

ка не стоила всем им ни цента, и к этому времени они уже получили бесплатно комплект дорожных сумок, туалетные принадлежности и панамы.

В виде невеселого развлечения для себя самого и секретарши Кинг проделал обычный свой трюк с чучелом морской игуаны. Взяв ее и прижав к уху, точно телефонную трубку, он произнес:

— Миссис Онассис? Боюсь, я вынужден сообщить вам огорчительное известие. Вам, видимо, так и не удастся воочию увидеть брачные танцы сине-лапых олуш.

Телефонные извинения Кинга, собственно, были просто галантной формальностью. Ни один из его собеседников уже не надеялся оказаться в десять часов вечера в самолете. Кстати сказать, *Эндрю Макинтошу, *Зенджи Хирогуши и брату капитана, *Зигфриду, суждено было к этому часу уже расстаться с жизнью и совершить короткое путешествие по голубому туннелю, ведущему в загробный мир.

Все значившиеся в списке пассажиров, с кем переговаривал Кинг, успели составить для себя новые планы на предстоящие две недели. Многие взамен круиза собирались покататься на лыжах под надежной защитой границ США. Участники одной из компаний, веселившиеся вшестером, решили отправиться в некую смесь животноводческого хозяйства и теннисного клуба, находившуюся в Фениксе, штат Аризона.

Последний звонок, который Кинг сделал перед уходом из своего офиса, был данью человеку, успешному за последние десять месяцев стать его близким другом: доктору Теодоро Доносо, поэту и врачу из Кито, являвшемуся представителем Эквадора в Организации Объединенных Наций. Свою ме-

дицинскую научную степень тот получил в Гарварде. Несколько других эквадорцев, с которыми Кингу довелось иметь дело, также обучались в Соединенных Штатах. Капитан «Bahia de Darwin», Адольф фон Кляйст, окончил Военно-морскую академию США в Аннаполисе. Брат капитана, *Зигфрид, был выпускником Корнеллской гостиничной школы в Итаке, штат Нью-Йорк.

На другом конце, в посольстве, раздавался многоголосый шум, словно там шло буйное веселье. Доктор Доносо приглушил его, закрыв дверь.

— Что у вас празднуют? — спросил Кинг.

— Это фольклорный балет, — пояснил посол, — репетирует огненный танец канка-боно.

— Они еще не знают, что путешествие отменено? — поинтересовался Кинг.

Оказалось, знают. И намерены остаться в Соединенных Штатах, чтобы зарабатывать доллары для своих домашних, оставленных в Эквадоре, исполняя в ночных клубах и театрах свой коронный номер, прославленный рекламной кампанией Бобби Кинга: огненный танец канка-боно.

— Среди них есть хоть один настоящий канка-боно? — вновь спросил Кинг.

— Насколько я могу догадываться, во всем свете не осталось ни одного настоящего канка-боно, — ответил посол, написавший в свое время стихотворение в двадцать шесть строк под названием «Последний канка-боно». Стихотворение было посвящено исчезновению этого маленького племени, обитавшего во влажных лесах Эквадора. В начале произведения в живых еще насчитывалось одиннадцать канка-боно, в финале же оставался лишь один, да и тот чувствовал себя неважно. Однако то было всего лишь упражнение творческой фантазии, ибо автор,

как и большинство эквадорцев, сроду не видел живого канка-боно. Он слышал, что численность племени упала до четырнадцати человек, так что окончательное вымирание его под натиском цивилизации представлялось неизбежным.

Откуда ему было знать, что не пройдет и века, как в жилах всех человеческих существ на Земле будет течь преимущественно кровь канка-боно — с небольшими добавками фон Кляйста и Хирогуши.

И этот поразительный поворот событий произойдет в значительной степени по вине одного из двух совершенных «никто» в списке участников «Естественно-испытательского круиза века». А именно — Мэри Хепберн. Вторым «никто» был ее муж, также сыгравший решающую роль в судьбе человечества благодаря тому, что накануне собственного вымирания он забронировал одну-единственную дешевую каюту под ватерлинией.

22

Двадцатишестистрочный плач посла Доносо по «Последнему канка-боно» был преждевременным, чтобы не сказать больше. Ему скорее следовало бы излить на бумаге скорбь по «Последнему жителю Южноамериканского континента», «Последнему жителю Североамериканского континента», «Последнему жителю Европы», «Последнему жителю Африки» и «Последнему жителю Азии».

Но, во всяком случае, он правильно угадал, что произойдет в ближайший час или около того с состоянием духа эквадорцев, сказав Бобби Кингу по телефону: «Там все начнут разваливаться на гла-

зах, стоит им узнать, что миссис Онассис все-таки не придет».

— Как все может измениться всего за тридцать дней, — промолвил Кинг. — «Естествоиспытательский круиз века» был лишь одним из множества событий, которых так ожидали эквадорцы. И вдруг стал единственным.

— Это как если бы мы приготовили огромный хрустальный графин игристого пунша, а он за одну ночь обратился в ржавое ведро с нитроглицерином, — поддержал Доносо. И добавил, что по крайней мере «Естествоиспытательский круиз века» отсрочил на одну-две недели для Эквадора необходимость взглянуть в лицо неразрешимым экономическим проблемам. В соседних странах — Колумбии на севере и Перу на юге и востоке — были свергнуты правительства и установлены военные диктатуры. И новые правители Перу, кстати сказать, чтобы отвлечь большие мозги своих сограждан от всех передраг, как раз собирались объявить войну Эквадору.

— Если бы миссис Онассис отправилась туда сейчас, — продолжал Доносо, — народ принял бы ее как спасительницу, чудотворицу. Все ожидали бы, что она вызовет в Гуаякиль суда, груженные пищей, и бомбардировщики США по ее велению станут сбрасывать на парашютах зерно, молоко и свежие фрукты для эквадорских детей!

Надо сказать, ныне никто по достижении девятилетнего возраста не ожидает для себя ниоткуда никакой помощи. Ровно столько длится сегодня детство человека.

Самого меня оберегали от собственных моих безрассудства и беспечности до десяти лет — когда мать бросила нас с отцом. С тех пор я был

предоставлен самому себе. Мэри Хепберн получила независимость от родителей только после присуждения ей степени магистра, в возрасте двадцати двух лет. Адольфа фон Кляйста, капитана «Bahia de Darwin», родители постоянно выручали, платя за него карточные долги и штрафы — за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии, хулиганские нападения, сопротивление при арестах, акты вандализма и так далее. Так продолжалось до достижения им двадцати шести лет, когда отец его под влиянием прогрессирующей хореи Хантингтона убил свою жену. Лишь после этого капитан начал отвечать за собственные ошибки.

Неудивительно, что в те времена, когда детство людей настолько затягивалось, многие из них приобретали на всю жизнь привычку верить — даже после кончины их родителей — в то, что кто-то присматривает за ними: Бог, или какой-нибудь святой, или ангел-хранитель, или звезды, или что бы там ни было.

Сегодня ни один человек подобных иллюзий не питает. Каждый рано узнает, в каком мире он живет, и редкому взрослому не доводилось воочию увидеть, как его братец, сестренка, мать или отец проглочены были китом-убийцей или акулой.

Миллион лет назад велись страстные споры о том, допустимо или нет с помощью механических средств мешать оплодотворению яйцеклеток спермой или вычищать оплодотворенные яйцеклетки из матки с тем, чтобы численность человечества не превысила производственные ресурсы.

Сегодня проблема эта полностью решена без всякой необходимости прибегать к противоестественным способам. Киты-людоеды и акулы удерживают род людской в удобных и легких для управления рамках. И никто не голодает.

Мэри Хепберн преподавала в Илиумской средней школе не только общую биологию, но и курс физиологии человека. Что ставило ее перед необходимостью описывать различные приспособления для ограничения рождаемости, которыми самой ей сроду не приходилось пользоваться, ибо муж был ее единственным любовником за всю жизнь и они с Роем с самого начала мечтали завести ребенка.

Она, не сумевшая забеременеть ни разу за все годы усиленных половых сношений с Роем, вынуждена была предупреждать школьниц, как легко может самка человека зачать в результате даже самого, казалось бы, мимолетного, непродолжительного и неглубокого контакта с самцом. И после нескольких лет преподавания большинство своих предупреждающих рассказов она могла иллюстрировать жизненными примерами, произошедшими с ученицами той же школы, которых она знала лично.

Не было почти ни одного учебного года, который не был бы отмечен беременностью очередной несовершеннолетней, а в памятный весенний семестр 1981 года их было целых шесть. И около половины девочек, ожидавших ребенка, достаточно искренне заявляли о своей любви к тем, с кем они спарились. В то время как другая сторона, юноша, перед лицом противоречивых свидетельств, которые нельзя назвать иначе как неопровержимыми, клялся, что, как бы он ни бился, не может вспомнить, чтобы когда-либо совершал в отношении первой стороны действия, способные привести к рождению ребенка.

И Мэри в конце весеннего полугодия 1981 года обронила в беседе с коллегой-преподавательницей:

«Для некоторых забеременеть — все равно что простудиться». И в этом, безусловно, была ана-

логия: простуды, как и дети, порождаются микроорганизмами, которые ничто так не любят, как слизистую оболочку.

По истечении десяти лет, проведенных на острове Санта-Росалия, Мэри Хепберн воочию убедится, как легко девушка-подросток может забеременеть от семени мужчины, стремящегося лишь получить сексуальное облегчение и не питающего к ней ни малейших чувств.

23

Итак, нимало не подозревая, что тому суждено стать праотцом человечества, я вторгся в мысли капитана Адольфа фон Кляйста, когда он ехал на такси из международного аэропорта Гуаякиля к месту швартовки «Bahia de Darwin». Мне и в голову не могло прийти, что роду человеческому предстоит, волей счастливого случая, сократиться до считанных единиц и затем, опять же волей счастливого случая, умножиться снова. Я был уверен, что этот хаос с участием миллиардов большемозглых людей, мечущихся во всех направлениях и плодящихся не переставая, будет длиться бесконечно. Казалось маловероятным, чтобы какая бы то ни было отдельная личность приобрела значимость в этом беспорядочном буйстве.

В этом смысле то, что я избрал средством передвижения голову капитана, было равноценно удаче игрока, который, опустив монету в автомат в некоем гигантском казино, сразу сорвал банк.

Больше всего меня привлекла в нем его форма. На нем был белый с золотом китель

адмирала запаса. Сам я был рядовым, и мне было любопытно узнать, как выглядит мир глазами человека, носящего высокий армейский чин и стоящего высоко на общественной лестнице.

Я был заинтригован, обнаружив, что его большой мозг занят размышлениями о метеоритах. В те времена со мною частенько так случалось: я забирался в чьи-нибудь мысли в ситуации, представлявшейся мне чрезвычайно интересной, но выяснялось, что увесистый мозг этого человека занимали вещи, не имевшие ни малейшего отношения к стоящей перед ним проблеме.

То же самое — с капитаном и метеоритами. Он вполуха слушал своих инструкторов в Военно-морской академии США и окончил ее в хвосте своего класса. И даже наверняка был бы отчислен за шпаргалки на экзамене по небесной навигации — не вмешайся его родители по дипломатическим каналам. Однако одна лекция произвела на него впечатление: на тему о метеоритах. Инструктор рассказывал, что дожди крупных камней из космоса были на протяжении многих эпох обычным делом, и воздействие их оказывалось настолько ужасающим по силе, что привело, как полагают, к исчезновению многих форм жизни, включая динозавров. По его словам, у людей есть все основания ожидать в любой момент новых разрушительных камнепадов, и потому следует разработать способ отличия вражеских ракет от метеоритов.

В противном случае никем не организованная бомбардировка из космоса может послужить толчком для Третьей мировой войны.

И это апокалипсическое предупреждение так идеально уложилось в микросхему его мозга — еще до того, как отца его поразила хорея Хантинг-

тона, — что с тех пор он до конца жизни и впрямь верил, что наиболее вероятной причиной истребления человечества являются метеориты.

В его глазах для человечества это был бы гораздо более почетный, поэтичный и прекрасный способ умереть, чем Третья мировая война.

Познакомившись с его большим мозгом поближе, я понял, что в его размышлениях о метеоритах при виде голодных толп и военного положения на улицах Гуаякиля была своя логика. Даже пусть и без апофеоза в виде метеоритного дождя жизнь в Гуаякиле, похоже, подходила к концу.

В некотором смысле, впрочем, человек этот уже испытал удар метеорита: после убийства матери отцом. И его ощущение жизни как бессмысленного кошмара, в котором никому невдомек и нет дела, что творится вокруг, мне было до боли знакомо.

Именно это я чувствовал во Вьетнаме, застрелив старуху — беззубую и согбенную, какой суждено было стать Мэри Хепберн к концу жизни. А застрелил я ее за то, что та уложила моих лучшего друга и злейшего врага во всем взводе — одной ручной гранатой.

Этот эпизод заставил меня пожалеть, что я живу, и позавидовать бездушным камням. В тот момент я предпочел бы быть камнем, подвластным лишь законам Природы.

Прямо из аэропорта капитан отправился на свой корабль, не заезжая в отель повидаться с братом. На протяжении всего долгого перелета из Нью-Йорка он пил шампанское, и поэтому теперь у него раскалывалась голова.

Когда же мы оказались на борту «Bahia de Darwin», мне стало очевидно, что его капитанские функции, как и полномочия адмирала запаса, носили чисто церемониальный характер. Заниматься навигацией, инженерной частью и дисциплиной команды обязан был кто-то другой — покуда капитан общается с видными фигурами из числа пассажиров. Как обращаться с кораблем, он знал слабо и полагал, что и не должен слишком хорошо в этом разбираться. Знакомство его с Галапагосскими островами было также весьма фрагментарным. Будучи адмиралом, он посетил с церемониальными визитами военно-морскую базу на острове Бальтра и Дарвиновскую исследовательскую станцию на Санта-Крусе — опять же в основном как пассажир на борту судна, командиром которого он формально являлся. Остальные же острова архипелага были для него терра инкогнита. С гораздо большим успехом он мог бы быть инструктором на облюбованных горнолыжниками снежных склонах Швейцарии, за игровыми столами казино в Монте-Карло или в конюшнях поло-клубов в Палм-Бич.

Но опять же — какое это имело значение? Обслуживать участников «Естествоиспытательского круиза века» должны были гиды и лекторы, прошедшие подготовку на Дарвиновской исследовательской станции и имеющие степени по естественным наукам. Капитан намеревался внимательно слушать их и таким образом познакомиться с архипелагом — одновременно с остальными пассажирами.

Забираясь в череп капитана, я надеялся узнать, каково быть верховным командующим. Вместо этого я узнал, каково играть в обществе роль бабочки. Поднимаясь по трапу, мы с капитаном удо-

стоились всевозможных знаков армейского почтения. Но когда мы уже очутились на борту судна, ни один офицер или член команды не обратился к нам за инструкциями, заканчивая последние приготовления к встрече миссис Онассис и прочих.

Насколько капитану было известно, судно таки должно было отплыть на следующий день. По крайней мере обратного ему никто не говорил. Так как он лишь час назад вернулся в Эквадор и живот его был набит добротной нью-йоркской пищей, а голова раскалывалась после шампанского, до него еще не дошло, в какой ужасный переплет попали он и его корабль.

Существует один свойственный людям дефект, который закону естественного отбора еще предстоит исправить: и по сей день человек с полным желудком ведет себя в точности так же, как и его предки миллион лет тому назад, — с трудом осознает страшно неприятное положение, в котором он, возможно, находится. Тогда-то он и забывает, что нужно быть на чеку, остерегаясь акул и китов.

Но особенно трагические последствия имел этот недостаток миллион лет назад, поскольку люди, наиболее информированные о состоянии планеты, подобные, скажем, *Эндрю Макинтошу, и достаточно богатые и могущественные, чтобы остановить ход разорения и распада, были по определению чересчур сытыми.

Так что, по их убеждению, все обстояло совершенно прекрасно.

Несмотря на все компьютеры, измерительные приборы, информаторов, аналитиков, банки данных, библиотеки и разнообразных экспертов, имевшихся у них в распоряжении, их глухие и слепые жи-

воты оставались последней инстанцией в определении того, терпит или нет решение той или иной проблемы — такой, как, скажем, истребление лесов в Северной Америке и Европе кислотными дождями.

И чтобы продемонстрировать, какого рода советы давал и дает сытый желудок, вот что посоветовал он капитану, когда первый помощник, Эрнандо Крус, сообщил ему, что ни один из гидов не явился и не дал о себе знать и что треть команды успела дезертировать, предпочтя заняться судьбой своих семей: «Терпение. Улыбайся. Выгляди уверенным. Все как-нибудь да устроится к лучшему».

24

Мэри Хелберн смотрела и оценила по достоинству комическое представление, разыгранное капитаном в шоу «Сегодня вечером», а также следующее его выступление, в передаче «С добрым утром, Америка». В этом смысле ей казалось, что она уже знала его — еще до того, как ее большой мозг убедил ее приехать в Гуаякиль.

Беседу с капитаном в шоу «Сегодня вечером» показали через две недели после смерти Роя, и тому первому после печального события удалось заставить ее громко смеяться. Она сидела в своем домишке — последнем обитаемом среди окружающих его пустых и предназначенных на продажу — и слышала собственный хохот, вызванный рассказом о нелепом эквадорском флоте субмарин, где следуют традиции уходить под воду и больше не всплывать.

Она решила, что фон Кляйст должен во многом напоминать Роя своей любовью к при-

роде и технике. Иначе почему бы его избрали на должность капитана «Bahia de Darwin»?

При этой мысли она, под влиянием своего крупного мозга и к вящему своему душевному замешательству — хотя поблизости и не было никого, кто мог бы услышать, — произнесла, обращаясь к изображению капитана в электронно-лучевой трубке:

— Ты, случайно, не хотел бы на мне жениться?

Впоследствии обнаружилось, что в технике она разбиралась пусть не намного, но лучше, чем капитан, — просто вследствие совместной жизни с Роем. После смерти мужа, к примеру, если газонокосилка не желала заводиться, она могла сама заменить запальную свечу и запустить машину — чего сроду не умел капитан.

И об архипелаге она знала гораздо больше. Именно Мэри правильно опознала остров, на котором им суждено было загорать. Капитан, пытаясь сохранить остатки авторитета и уверенности, после того как его могучий мозг вконец все запутал, объявил, что это остров Рабида — каковым тот, разумеется, не был и которого сам он никогда в глаза не видел.

А распознать Санта-Росалию Мэри смогла по преобладающей там породе певчих птиц. Эта пернатая мелюзга, не вызывавшая ни малейшего интереса у большинства туристов и учеников Мэри, привела Чарльза Дарвина в такой же восторг, как и гигантские сухопутные черепахи, олуши, морские игуаны или какие-либо другие из обитающих там тварей. Суть заключалась в следующем: эти птички, на вид почти неразличимые между собою, в действительности делились на тринадцать разных видов, каждый из которых отличался специфическим составом пищи и способом ее добычи.

Ни у одного из этих видов не было родственников ни на Южноамериканском континенте, ни где бы то ни было еще. Их предки тоже, возможно, приплыли туда на Ноевом ковчеге или некоем естественном плоту — поскольку обыкновенным певчим птицам совершенно несвойственно летать, покрывая расстояние до тысячи километров, над открытым океаном.

На островах не водилось дятлов, но имелась певчая птаха, питавшаяся тем, чем обычно кормится дятел. Она не обладала способностью долбить дерево и потому взамен брала в свой тупой маленький клювик щепку или иглу кактуса и выковыривала с их помощью насекомых из их укрытия.

Птички другой породы были кровососущими. Подлетая к какой-нибудь беспечной олуше, они клевали ее в шею до тех пор, покада не начинала сочиться кровь, — после чего ублажали свое сердце столь изысканной пищей. Этот вид получил у людей название «геоспиза диффицилис».

Основным местом гнездовья этих милых созданий, их Эдемским садом был остров Санта-Росалия. Мэри, возможно, никогда бы и не узнала об этом острове, столь удаленном от остальных островов архипелага и столь редко посещаемом людьми, если бы не населяющие его стаи «геоспиза диффицилис». И она наверняка не распространялась бы так о нем на уроках, не будь эти пернатые кровососы единственным, что способно было вызвать хоть какой-то интерес у ни черта не желавших знать школьников.

Будучи поистине великолепным преподавателем, она потакала вкусам учащихся, описывая этих

графа Дракулы». Абсолютно вымышленный этот граф, она знала, был для большинства ее учеников гораздо более значительной фигурой, чем, скажем, Джордж Вашингтон, являвшийся всего-навсего основателем их государства.

О Дракуле им было и известно больше, так что Мэри, пользуясь этим, развивала свою шутку, добавляя, что все-таки нет, «геоспиза диффицилис» вряд ли подошла бы графу (которого она именovala «гомо трансильваньенсис») в качестве домашней зверюшки, ибо тот имел обыкновение спать весь день, тогда как птичка эта, наоборот, ночами спит, а днем летает.

— Так что, — продолжала она с притворной грустью, — лучшим домашним животным для Дракулы по-прежнему остается член семейства «десмодонтидэ», что на научном языке означает «летучая мышь-вампир».

Завершала она свою шутку словами:

— Если вам когда-нибудь доведется побывать на Санта-Росалии и убить особь вида «геоспиза диффицилис» — что нужно сделать, дабы убедиться, что она умерла навсегда?

Заготовленный ею ответ был таким: «Закопать ее на пересечении дорог, разумеется, проткнув ей предварительно сердце колышком».

Что навевало размышления на молодого Чарльза Дарвина — так это то обстоятельство, что галапагосские певчие птицы из всех сил стараются копировать поведение того или иного из массы специфических видов, существующих на материке. Он все еще был расположен верить, окажись то ра-

зумным, что Господь Бог сотворил всех тварей такими, как их обнаружил Дарвин во время своего кругосветного путешествия. Но крупный мозг не мог не дивиться тому, зачем Создателю было в случае с Галапагосами наделять всевозможными функциями материковых пернатых, часто плохо приспособленных к тому островных птах. Что помешало Творцу, например, поселить там настоящего дятла? Если ему понравилась мысль добавить к этому нечто кровососущее, то почему, скажите на милость, он решил поручить таковую роль певчей птичке, а не летучей мышивампиру? Какой смысл в певчей птичке-вампире?

Ту же головоломную загадку обычно задавала своим ученикам Мэри, заключая ее словами:

— Ваши соображения, пожалуйста.

Ступив впервые на черный камень острова, на основание которого сел днищем «Bahia de Darwin», Мэри споткнулась и упала, так что ободрала костяшки на правой ладони. Падение было не слишком болезненным. Она бегло осмотрела ссадину. Из свежих царапин выступили капли крови.

И тут ей на палец бесстрашно слетела мелкая птаха. Она не удивилась, памятуя рассказы о местных птицах, садившихся людям на головы и руки, пивших у них из стакана и так далее. Решив сполна насладиться этой гостеприимной встречей, она постаралась не шевелить рукою и ласково обратилась к пташке:

— К какому же из тринадцати видов ты принадлежишь?

И, словно поняв, о чем ее спросили, та сейчас же продемонстрировала, к какому: высосала красные капли, выступившие на ссадине.

Мэри огляделась вокруг, еще не предвидя, что на этом острове ей предстоит провести остаток жизни и тысячи раз служить источником пищи для пернатых вампиров. После чего обратилась к капитану, потерявшему в ее глазах всякое право на уважение:

— Так вы говорите, это остров Рабида?

— Да, — ответил тот. — Я совершенно в этом уверен.

— Как мне ни жаль разочаровывать вас после всего, что вам довелось пережить, но вы опять ошиблись, — процедила она. — Остров этот может быть только Санта-Росалией.

— Откуда у вас такая уверенность? — осведомился он.

— Вот эта маленькая птичка только что поведала мне, — последовал ответ.

25

На острове Манхэттен, в своем офисе, расположенном под крышей здания компании «Крайслер», Бобби Кинг потушил свет, простился с секретаршей и отправился домой. Больше в моем повествовании он не появится. Ничто из совершенного им с этого момента и вплоть до того как, много насыщенных трудами лет спустя, он ступил в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь, не оказало ни малейшего влияния на будущее человеческого рода.

В тот самый миг, когда Бобби Кинг достиг родного порога, *Зенджи Хирогуши в Гуаякиле выско-
чил из своего номера в отеле «Эльдорадо»,
обозленный на беременную жену. Та непро-

стителем образом отозвалась о мотивах, которыми он руководствовался, создавая «Гокуби», а затем «Мандаракс». Он нажал кнопку лифта и застыл в ожидании, сжимая и разжимая кулаки и часто дыша.

И тут в коридоре появилось лицо, которое он меньше всего желал видеть, — источник всех его нынешних огорчений: *Эндрю Макинтош.

— Ага! Вот и вы! — произнес *Макинтош. — Я как раз собирался сообщить вам о неполадках с телефонной связью. Как только их устранят, у меня будет для вас весьма приятное известие.

*Зенджи, чьи гены живы и по сей день, был так выведен из себя женой, а теперь в придачу и *Макинтошем, что потерял дар речи. И потому отстучал свой ответ на клавишах «Мандаракса» по-японски, а компьютер высветил его слова по-английски на своем экранчике: «Я не желаю сейчас разговаривать. Я ужасно расстроен. Пожалуйста, оставьте меня в покое».

Как и Бобби Кингу, кстати, *Макинтошу не суждено было оказать в дальнейшем какого-либо влияния на будущее человечества. Если бы его дочь десятью годами позже, на Санта-Росалии, согласилась подвергнуться искусственному осеменению, то могла получиться совершенно иная история. Думаю, можно смело утверждать, что ему бы очень хотелось быть причастным к экспериментам Мэри Хепберн со спермой капитана. Будь Селена чуть поотважней, все люди ныне вели бы свой род, подобно ее отцу, от твердых духом шотландских воителей, отразивших в незапамятные времена вторжение римских легионов. Какая упущенная возможность! Как прокомментировал бы это «Мандаракс»:

Из писанных или реченных слов
Печальней нет: «Так быть могло б!»

Джон Гринлиф Уиттьер (1807—1892)

— Чем я могу вам помочь? — вызвался *Макинтош. — Я сделаю все, чтобы помочь вам. Только скажите.

*Зенджи обнаружил, что не в силах даже помотать головой. Самое большее, что он оказался в состоянии сделать, — это закрыть глаза. Подошел лифт. Когда *Макинтош вошел туда вместе с ним, *Зенджи почувствовал, что верхняя часть его черепа сейчас взлетит на воздух.

— Послушайте, — убеждал его *Макинтош по дороге вниз, — я ваш друг. Вы можете смело открыть мне все. Если вас расстроил я, то можете послать меня к едрене фене — и я же первый вам посочувствую. Я тоже допускаю ошибки. Я человек.

Когда они очутились внизу, в вестибюле, могучий мозг *Зенджи подсказал ему непрактичную, почти детскую мысль: как-нибудь попытаться сбежать от *Макинтоша — словно он мог состязаться в беге с атлетически сложенным американцем.

Он кинулся прочь напрямик через центральный вход отеля на оцепленный с двух сторон участок улицы Дьес де Агосто, неотступно сопровождаемый своим преследователем.

Эта пара так поспешно пересекла вестибюль и исчезла на улице, в закатных лучах солнца, что незадачливый брат капитана, *Зигфрид, находившийся за стойкой коктейль-бара, даже не успел их предостеречь. Хоть и с запозданием, он все же прокричал:

— Стойте! Прошу вас! Я бы на вашем месте не стал туда выходить!

И выбежал вслед за ними.

Множество событий, которым предстояло аукнуться миллион лет спустя, произошли в течение очень короткого времени на небольшом участ-

ке планеты. Покуда менее счастливый из двух братьев фон Кляйст пытался догнать *Макинтоша и *Хирогуши, более счастливый принимал душ в своей каюте, расположенной сразу за капитанским мостиком, ближе к корме. Он не делал ничего важного для будущего человечества — не считая того, что заботливо сохранял себя для жизни, — тогда как его первый помощник, Эрнандо Крус, намеревался совершить акт, которому суждено было иметь далеко идущие последствия.

Крус находился на верхней палубе, оборудованной под солярий, и взгляд его в данный момент устремлен был на единственное судно в пределах видимости — колумбийский сухогруз «Сан-Матео», который уже давно стоял на приколе в дельте. Крус был коренастый лысый мужчина примерно того же возраста, что и капитан. На его счету было уже пятьдесят плаваний на архипелаг и обратно, совершенных на других судах. Он входил в состав временной команды, приведшей «Bahia de Darwin» из Мальмё. И руководил снаряжением корабля в Гуаякиле, в то время как официальный капитан совершал рекламное турне по Соединенным Штатам. Большой мозг этого человека в совершенстве знал все устройство судна — от мощных дизелей в трюме до морозилки для льда за стойкой главного салона. Более того: ему были известны личные достоинства и слабости каждого члена команды, чьим уважением он заслуженно пользовался.

Он и был, в сущности, настоящим капитаном, которому предстояло действительно вести корабль, покуда Адольф фон Кляйст, в настоящий момент плескавшийся и распевавший в душе, очаровывает пассажиров за трапезами и танцует вечерами со всеми дамами подряд.

Меньше всего мысли Круса были заняты тем, на что он смотрел, а именно сухогрузом «Сан-Матео» и островком водорослей, образовавшимся вокруг его якорной цепи. Это ржавое суденышко превратилось в такую постоянную принадлежность пейзажа, что с равным успехом могло восприниматься как, скажем, неподвижный утес. Но сейчас борт о борт с сухогрузом стоял небольшой танкер, кормивший его — как киты кормят своих детенышей. Из него по гибкому трубопроводу подавалось дизельное топливо — материнское молоко для двигателя «Сан-Матео».

А дело заключалось в следующем: владельцы «Сан-Матео» получили в обмен на колумбийский кокаин крупную сумму в американских долларах и спекулировали этими долларами в Эквадоре, скупая на них не только дизельное топливо, но и величайшую ценность из всех — продовольствие, горючее для жизни людей. Так что международная торговля в значительном объеме еще продолжалась.

Крус был не в силах угадать все детали махинации, благодаря которой появилась возможность заправить «Сан-Матео» и загрузить его продовольствием, но, что совершенно точно, размышлял о коррупции вообще. Ход мыслей его был следующим: всякий, кто обладает конвертируемым богатством, заслуживает он того или нет, может позволить себе все, что захочет. Капитан, плескавшийся под душем, относился к числу таких людей, тогда как Крус — нет. Копившиеся всю жизнь собственным горбом сбережения Круса, все в местных сукре, пошли прахом.

Он завидовал душевному подъему команды «Сан-Матео», отплывавшей на родину, к близким. Собственная его семья — беременная жена и

одиннадцать детей — в страхе ожидала своей судьбы в симпатичном домике неподалеку от аэропорта. Они наверняка нуждались в его присутствии. Тем не менее до сего момента бросить вверенный его попечению корабль — какова бы ни была причина — казалось ему неким самоубийством, предательством собственных принципов и высокой репутации, которыми он гордился.

И вот теперь он решился-таки оставить «Bahia de Darwin». Он похлопал ладонью по перилам, ограждавшим солярий, и нежно проговорил по-испански:

— Удачи тебе, моя шведская принцесса. Ты мне будешь сниться.

Его поведение очень напоминало случай Хесуса Ортиса, который отключил телефоны в отеле «Эльдорадо». Его крупный мозг до последнего скрывал от души вывод, что для него настала пора совершить антиобщественный поступок.

Таким образом, Адольф фон Кляйст остался полноправным командиром судна, хотя он не мог отличить дерьма от конфетки в том, что касается навигации, Галапагосских островов или управления и командования столь крупным кораблем.

Сочетание абсолютной некомпетентности капитана с внезапным решением Эрнандо Круса отправиться на выручку родной крови, представляющее в тех условиях сюжетом балаганной комедии, в действительности оказалось неопенимым для сегодняшнего человечества. Однако довольно о комедии. И о якобы серьезных материях.

Если бы «Естествоиспытательский круиз века» протекал, как было запланировано, разделение обязанностей между капитаном и его пер-

вым помощником было бы типичным для управления многими организациями, существовавшими миллион лет тому назад, при котором формальный руководитель специализировался по части светских пустяков, а назначенный его заместителем нес на себе бремя ответственности за то, как и что в действительности делается.

В государствах с наиболее совершенной системой правления у кормила власти стояли обычно именно такие симбиозные пары. И, размышляя о самоубийственных просчетах, допускавшихся отдельными странами в давние времена, я понимаю, что там пытались обойтись одним Адольфом фон Кляйстом, стоящим у штурвала без Эрнандо Круса. Слишком поздно выбравшись из-под руин собственноручно воздвигнутого здания, уцелевшие жители такой страны осознавали, что на протяжении агонии, которую они сами себе устроили, не было наверху никого, кто понимал бы, как все функционирует, к чему все клонится, что вообще происходит.

26

Более счастливый из братьев фон Кляйст, общий прародитель всех, живущих сегодня, был высок, худощав и наделен носом сродни орлиному клюву. пышная шапка кудрявых волос, некогда золотых, к тому времени побелела. Ему доверили командование «Bahia de Darwin», имея в виду, что всю серьезную умственную работу будет за него выполнять первый помощник. По той же самой причине *Зигфрид был поставлен руководить

отелем: их дядюшки в Кито хотели, чтобы за их ценной собственностью и заезжими знаменитостями присматривала их близкая родня.

У капитана и его брата имелись в холодных туманах, поднимающихся над Кито, прекрасные дома, которых им больше не дано было увидеть. Им досталось также значительное состояние — после убийства их матери и по завещаниям, оставленным дедами и бабками с обеих сторон. Состояния их почти не выражались в потерявших всякую ценность сукре. Подавляющей их частью распоряжался нью-йоркский Чейз-Манхэттен Бэнк, и по этой причине исчислялись они в долларах США и японских иенах.

Резвясь в душевой, капитан думал, что, несмотря на тревожное положение в Гуаякиле, беспокоиться ему не о чем. Что бы ни случилось, Эрнандо Крус будет знать, как поступить.

В крупном мозгу капитана созрела удачная, на его взгляд, идея, которой он решил поделиться с Крусом, как только вытрется. Если команда, как было на то похоже, начинает разбегаться, рассудил он, Крусу стоило бы ей напомнить, что официально «Bahia de Darwin» считается боевым судном — а это значит, что к дезертирам будет применяться суровое наказание согласно уставу Военно-морского флота.

Закон в этой части был несовершенен, однако капитан не ошибался: корабль на бумаге действительно являлся составной частью Эквадорских военно-морских сил. Он лично в роли адмирала приветствовал вступление судна в ряды Военного флота, когда минувшим летом оно прибыло из Мальмё. На палубах его в то время отсутствовал настил, и голая сталь их была испещрена углублениями, предназначенными для монтирования пулеметов, ракетных

установок, держателей для глубинных бомб и тому подобного на случай войны.

Случись такое, судно было бы переоборудовано в бронированный транспорт для перевозки солдат — с «десятком бутылей «Дом Периньон» и одним биде на каждую сотню призывников», как выразился капитан в шоу «Сегодня вечером».

В душевой капитана посетили и другие мысли, но все они были подсказаны ему Эрнандо Крусом. К примеру: если круиз будет отменен, сомневаться в чем уже почти не приходилось, то Крус и несколько человек из команды отведут корабль в топкую часть дельты и оставят там на приколе, подальше от мародеров. Крус полагал, что самому капитану нет резона плыть с ними для выполнения этой миссии.

Буде же преисподняя развернется у них под ногами и нигде поблизости от города для судна не найдется безопасного места, Крус намеревался отвести его на военную базу, размещавшуюся на Бальтре, одном из островов Галапагосского архипелага. И в этом случае также Крус не видел для капитана надобности лично отправляться в подобное плавание.

Либо, случись знаменитостям из Нью-Йорка все-таки, вопреки ожиданиям, прибыть назавтра утром, присутствие капитана на борту было бы жизненно необходимо: чтобы приветствовать и ободрять пассажиров. В ожидании их прибытия Крус отведет «Bahia de Darwin» от берега и поставит на якорь, подобно колумбийскому сухогрузу «Сан-Матео», и вновь подойдет к причалу, только убедившись, что знаменитости появились и готовы к посадке. После погрузки он поскорее выйдет в открытый океан, где гости будут в безопасности, и за-

тем, в зависимости от полученных известий, быть может, действительно отправится с ними в обещанный вояж на острова.

Вероятнее, однако, было следующее: он доставит их в какое-нибудь более спокойное место, чем Гуаякиль, но только, разумеется, не в порты Перу, Чили или Колумбии, то есть всего западного побережья Южной Америки. Ибо жители всех этих стран были доведены до отчаяния не меньше — если не больше, — чем население Эквадора.

Разве что в Панаму.

В случае необходимости Эрнандо Крус намерен был доставить компанию знаменитостей аж в Сандиего. Провизии, топлива и воды на судне даже для столь долгого плавания было предостаточно. А пассажиры могли бы звонить с корабля своим друзьям и родственникам, сообщая, что, какие бы страшные вести ни приходили со всех концов мира, они тут живут, как обычно, припеваючи.

Единственный план на случай чрезвычайной ситуации, которого капитан, плескаясь под душем, не учел, заключался в том, что ему самому предстоит взять на себя всю полноту командования судном, заручась поддержкой лишь Мэри Хепберн, и посадить его на прибрежные скалы Санта-Росалии, которой суждено стать колыбелью нового человечества.

Приведу цитату, которая была хорошо известна «Мандараксу»:

Небольшое упущение может повлечь за собой большой вред... Из-за отсутствия гвоздя лишились ботинка; из-за отсутствия ботинка — лошади; из-за отсутствия лошади — всадника.

Да, но с равной легкостью небольшое упущение может повлечь за собой и приятные последствия. Отсутствие Эрнандо Круса на борту «Bahia de Darwin» обернулось для человечества спасением. Крус никогда бы не посадил корабль на камни возле Санта-Росалии.

Теперь же он удалялся прочь от причала на своем «кадиллаке-эльдorado», багажник которого был под завязку набит деликатесами, предназначавшимися для «Естественноиспытательского круиза века». Всю эту провизию для своей семьи он украл на рассвете, задолго до того, как пристань окружили войска и голодные толпы.

Его автомобиль, купленный на доходы, незаконно нажитые им в ходе оснастки и экипировки «Bahia de Darwin», назывался так же, как и отель, — тем самым именем, которое носил легендарный город несметных богатств и возможностей, что искали, но так и не сумели найти его испанские предки. Предки имели обыкновение пытаться индейцев, чтобы те открыли им, где находится Эльдorado.

Трудно представить, чтобы кто-то стал пытаться кого-то в наше время. Для начала — как схватить того, кого вы пожелали бы подвергнуть пытке, с помощью одних плавников и рта? Как вообще вести охоту за человеком, когда люди умеют так быстро плавать и подолгу оставаться под водой? Тот, кого вы решились бы преследовать, будет внешне почти неотличим от любого другого и может спрятаться где угодно и на какой угодно глубине.

Итак, Эрнандо Крус сделал свое малое дело на благо человечества.

Перуанским военно-воздушным силам также вскоре предстояло внести свою лепту — но не ранее шести часов вечера, уже после смерти

*Эндрю Макинтоша и *Зенджи Хирогуши, —

когда Перу объявила войну Эквадору. Перу находилась в состоянии банкротства на две недели дольше, чем Эквадор, поэтому голод там свирепствовал гораздо сильнее. Перуанские пехотинцы разбегались по домам, прихватывая с собой оружие. Лишь небольшие военно-воздушные силы сохраняли еще боеспособность, и военная хунта поддерживала их в этом состоянии, подкармливая лучшими из оставшихся продовольственных запасов.

Одним из факторов, благодаря которым эти силы сохраняли боевой дух, являлось то, что они обладали новейшим вооружением, приобретенным в кредит и доставленным в страну еще до ее банкротства. На вооружении у них было восемь новых французских истребителей-бомбардировщиков, и, более того, каждая из этих машин была оснащена американской ракетой «воздух — земля» с японским компьютерным устройством, которое способно было наводить ее, ориентируясь на радиосигналы или выхлоп двигателей — в зависимости от заложенной пилотом программы. Пилот, в свою очередь, руководствовался инструкциями компьютеров, находящихся на земле и в его кабине. Боеголовка каждой ракеты несла в себе новое израильское взрывчатое вещество, способное вызвать пятую часть тех разрушений, которые произвела бомба, сброшенная Соединенными Штатами на мать Хисако Хирогуши во время Второй мировой войны.

Это новое вещество расценивалось как благодеяние великих мозгов военной науки. Покуда они убивали людей при помощи обычного, а не атомного оружия, их превозносили как гуманных государственных деятелей. До тех пор, пока они воздерживались от применения ядерных вооружений, никто, казалось, не собирался называть своим именем массовое убийство, продолжавшееся после завершения Вто-

рой мировой войны. А имя ему, несомненно, было «Третья мировая война».

В качестве официального повода для объявления войны перуанская хунта выдвинула следующее заявление: Галапагосские острова являются законной перуанской территорией, и Перу намерена вернуть их себе.

Ни у кого сегодня неостанется сообразительности, чтобы изготовить оружие, каким обладали миллион лет назад даже беднейшие нации. И применяли это оружие непрерывно. За всю свою жизнь я не припомню дня, когда бы в разных местах планеты не велось трех и более войн одновременно.

И закон естественного отбора был бессилён против различных новых технологий. Ни одна самка какого бы то ни было вида — за исключением, быть может, носорога — не могла родить ребенка, который был бы огнеупорным и неуязвимым для бомб и пуль.

Лучшее, что мог предложить в мои времена закон естественного отбора, — это человек, не знающий страха, даже если есть чего бояться. Я знал нескольких таких людей во Вьетнаме — насколько их вообще можно узнать. *Эндрю Макинтош был из их числа.

27

Селене Макинтош так и не суждено было узнать наверняка, мертв ли ее отец, покуда она не воссоединилась с ним в конце голубого туннеля, ведущего в загробную жизнь. Един-

ственное, в чем она была уверена, — что он покинул ее комнату в отеле «Эльдорадо» и обменялся в коридоре несколькими словами с Зенджи Хирогуши. Затем эти двое отправились вниз на лифте. После этого ни об одном из них ей больше слышать не довелось.

Вот, кстати, какова история ее врожденной слепоты: у нее была *retinitis pigmentosa*¹, вызванная нездоровыми генами, которые она унаследовала по женской линии. А именно от своей матери, которая сама обладала прекрасным зрением и скрыла от своего мужа, что является носителем подобного гена.

Эта болезнь также была знакома «Мандараксу», поскольку относилась к тысяче наиболее распространенных недугов *Homo sapiens*. Когда Мэри на Санта-Росалии спросила его, компьютер охарактеризовал случай Селены как серьезный, так как она была слепа от рождения. Чаше при *retinitis pigmentosa*, сообщил «Мандаракс», сын «Гокуби», носитель или носительница ее порою сохраняли способность ясно видеть мир до тридцатилетнего возраста. Он подтвердил также то, что Селена сама говорила Мэри: если она родит, то существует пятидесятипроцентная вероятность, что ребенок будет слепым.

Поразительно, что два таких достаточно редких наследственных недуга, как *retinitis pigmentosa* и хоррея Хантингтона, должны были послужить причиной беспокойства для первых поселенцев Санта-Росалии, учитывая, что насчитывалось их всего десять человек.

Как я уже говорил, оказалось, к счастью, что капитан не был носителем болезни. Селена же явно была.

Но если бы даже ей суждено было дать потомство, думаю, человечество сегодня все же было бы избавлено от retinitis pigmentosa благодаря закону естественного отбора, а также акулам и китам-людоедам.

Кстати, вот какой смертью умерли отец Селены и Зенджи Хирогуши, покуда она и ее собака, Казах, прислушивались к доносившемуся снаружи гудению толпы: они были застрелены в затылок, так что им никогда не суждено было узнать, что же их сразило. Солдату же, застрелившему их, следует воздать должное, как еще одному человеку, который совершил нечто такое, последствия чего видны даже сейчас, миллион лет спустя. Я имею в виду не эти два выстрела, а совершенный им взлом задней двери запертой сувенирной лавки напротив отеля «Эльдорадо».

Не реши он обокрасть этот магазинчик, сегодня на лице Земли почти наверняка не осталось бы ни единого человеческого существа. На самом деле. Все ныне живущие должны благодарить Бога за то, что этот солдат оказался безумным.

Имя этого рядового было Херальдо Дельгадо. Он дезертировал из своего подразделения, прихватив с собой комплект для оказания первой помощи, вещмешок, саперную лопатку, автомат, несколько заряженных магазинов к нему, пару гранат и кое-что еще. Ему было всего восемнадцать лет, и он страдал параноидной шизофренией. Такому ни за что не следовало доверять настоящие боеприпасы.

Его большой мозг внушал ему всевозможные идеи, не соответствовавшие действительности: будто он величайший танцор в мире, будто он сын Фрэнка Синатры, будто люди, завидующие его танце-

вальным способностям, стараются разрушить его мозг с помощью миниатюрных радиопередатчиков и так далее, и тому подобное.

Дельгадо, оказавшись, как и многие другие в Гуаякиле, перед перспективой голодной смерти, полагал тем не менее, что самую большую угрозу для него представляют недруги с миниатюрными радиопередатчиками. И когда он вламывался через задний ход в явно мертвую сувенирную лавку, для него это был не магазин, а помещение Эквадорского фольклорного балета. И он собирался использовать свой шанс и доказать, что он — величайший танцор в мире.

До сих пор существует еще немало галлюцинирующих личностей — людей, страстно реагирующих на всевозможные, в действительности не происходящие вещи. Возможно, это наследие, завещанное нам канка-боно. Однако ныне подобные люди не могут получить в свое распоряжение оружия, и от них несложно уплыть. Даже найди они гранату, пулемет, нож или что бы то ни было, оставшееся с древних времен, — как им воспользоваться такой находкой с помощью одних плавников и рта?

Когда я был ребенком и мы жили в Кохоусе, мама однажды повезла меня в цирк, находившийся в Олбани, хотя у нас не было на это денег и отец не одобрял цирков. Там были дрессированные тюлени и морские львы, которые умели по команде жонглировать мячом, держа его на носу, гудеть в рожок и аплодировать плавниками.

Но им ни за что не суметь было бы зарядить пулемет и строчить из него или выдер-

нуть предохранитель из ручной гранаты и метнуть ее сколь-нибудь точно на какое бы то ни было расстояние.

Что касается того, каким образом такой помешанный, как Дельгадо, мог попасть в армию, то во время собеседования с офицером, ответственным за набор, он выглядел и вел себя совершенно нормально — в точности как и я, когда меня зачислили в морскую пехоту США. Дельгадо призван был предыдущим летом, примерно в то время, когда умер Рой Хепберн, для прохождения краткосрочной службы, специально приуроченной к проведению «Естествоиспытательского круиза века». Его подразделению отведена была роль почетной строевой команды, которой предстояло демонстрировать свою выучку миссис Онассис и иже с нею. Личному составу полагались карабины, стальные каски и тому подобное, но никак не боевые патроны.

И надо отдать Дельгадо должное — он был асом по части марширования, полировки медных пуговиц и надраивания обуви. Но в один прекрасный день Эквадор был потрясен экономическим кризисом, и солдатам раздали боевые патроны.

Он являл собой болезненный пример ускоренной эволюции, — впрочем, как и любой другой солдат. Когда меня самого после тренировочного лагеря морской пехоты послали во Вьетнам и выдали боевые патроны, я совершенно перестал походить на то вялое животное, каким был в гражданской жизни. И творил я вещи почище, чем Дельгадо.

Итак: магазин, куда вломился Дельгадо, стоял в ряду деловых строений напротив отеля «Эльдорадо». Солдаты, протянувшие колючую

проволоку вокруг гостиницы, считали этот ряд магазинчиков частью своего оборонительного барьера. Поэтому, взломав заднюю дверь одного из них и затем открыв переднюю — всего на волосок, чтобы выглянуть наружу, — Дельгадо тем самым пробил брешь в этом барьере, сквозь которую теперь вслед за ним мог проникнуть кто-то другой. Эта-то брешь и была лептой, внесенной им в будущее человечества, поскольку очень скоро неким чрезвычайно важным лицам суждено было через нее пробраться в отель.

Выглянув наружу сквозь щель в отпертой им передней двери магазина, Дельгадо увидел двух своих врагов. Один из них помахивал на ходу маленькой ракетой, способной растерзать его мозги, — по крайней мере он так думал. Но то была не ракета. Это был «Мандаракс», а двое предполагаемых недругов были *Зенджи Хирогуши и *Эндрю Макинтош. Они стремительно шагали вдоль баррикады, с внутренней ее стороны — где им и полагалось ходить, поскольку они были постояльцами отеля.

*Хирогуши все еще кипел от возмущения, а *Макинтош подшучивал над ним, убеждая, что тот чересчур всерьез воспринимает жизнь. Они только что миновали лавку, где скрывался Дельгадо. Тогда-то последний шагнул наружу через переднюю дверь и застрелил обоих, действуя, как ему казалось, в рамках самообороны.

Таким образом, мне больше не нужно ставить звездочки перед именами Зенджи Хирогуши и Эндрю Макинтоша. Я делал это только для того, чтобы напоминать читателям, что эти двое относятся к числу шести постояльцев «Эльдорадо», которым суждено было умереть до захода солнца.

И вот теперь они были мертвы, и солнце опускалось над миром, где столько людей миллион лет назад верили, что выживают только самые приспособленные.

Дельгадо, победивший в этой схватке за выживание, вновь скрылся за дверью лавки и поспешил к заднему выходу, где ожидал встретить новых недругов, которых потребуются пережить.

Но там оказалось лишь шестеро смуглых малолетних нищих — все они были девочки. Когда это жуткое военное чудовище во всем своем смертоносном снаряжении выскочило из дверей магазинчика на этих малюток, те были слишком голодны и уже смирились со смертью, чтобы спастись бегством. Вместо этого они разинули рты, закатили глаза и принялись хлопать себя по животу и тыкать пальцем куда-то в горло, показывая, как им хочется есть.

По всему свету, а не только в этом закоулке Эквадора дети в то время делали то же самое.

Но Дельгадо двинулся прочь, не обращая на них внимания, и его так никогда и не поймали, не наказали и не госпитализировали. Он был лишь одним из множества солдат, которыми кишел город, и никому не пришло в голову хорошенько глянуть ему в лицо, которое, благодаря тени, отбрасываемой стальной каской, не слишком отличалось от любого другого лица. И, как победителю в борьбе за выживание, ему предстояло на следующий день изнасиловать женщину и стать отцом одного из последних среди тех десяти миллионов детей, которым суждено было еще родиться на Южноамериканском континенте.

После его ухода шесть маленьких девочек вошли в магазин, думая найти там еду или что-нибудь такое, что можно было бы на нее обме-

нять. Они были сиротами, пришедшими из эквадорских тропических лесов, которые простирались за горами на востоке — далеко-далеко оттуда. Родители их погибли от действия распыленных с воздуха инсектицидов, и местный летчик привез сироток в Гуаякиль, где они стали детьми улицы.

В жилах этих девочек текла преимущественно индейская кровь, но среди их предков были и негры — африканские рабы, некогда бежавшие в тропические леса.

Они были из племени знаменитых канка-боно. Им суждено было достичь зрелости на Санта-Росалии и вместе с Хисако Хирогуши стать прародительницами всего современного человечества.

Однако прежде, чем оказаться на Санта-Росалии, им предстояло проникнуть в отель. И на этом пути их, несомненно, остановили бы солдаты и баррикады, не открой для них рядовой Херальдо Дельгадо путь через взломанный им магазин.

28

Этим шести малолеткам предстояло стать на Санта-Росалии шестью Евами для своего Адама — капитана фон Кляйста. Но им бы ни за что не оказаться в Гуаякиле, если бы не молодой эквадорский пилот из джунглей по имени Эдуарде Ксименес. Предыдущим летом — на следующий день после похорон Роя Хепберна — Ксименес пролетал на своем четырехместном самолете-амфибии над тропическими лесами в районе истоков реки Типутини, которая несла свои воды к Атлан-

тическому, а не к Тихому океану. Он только что выгрузил ниже по течению реки, на границе с Перу, французского антрополога и снаряжение, необходимое для выживания в джунглях. Француз намеревался предпринять там поиски неуловимых канкабоно.

Следующим местом назначения Ксименеса был Гуаякиль, находившийся в пятистах километрах от места высадки француза, за двумя высокими и изрезанными горными хребтами. В Гуаякиле он должен был подобрать двоих аргентинских миллионеров, увлекающихся спортом, и доставить их на галапагосский остров Бальтра, где ожидала нанятая ими рыболовецкая шхуна с командой для выхода в открытое море. При этом они собирались не просто половить рыбы, какая попадется. Их мечтой было поймать именно большую белую акулу, ту самую тварь, которая тридцать один год спустя проглотит Мэри Хепберн, с капитаном фон Кляйстом и «Мандараксом» в придачу.

С высоты Ксименес увидел буквы, вытоптанные в прибрежной глине: SOS. Он посадил свой самолет на воду, и тот вразвалку, как утка, вполз на берег.

Там его радостно приветствовал восьмидесятилетний ирландский священник Римской католической церкви, отец Бернард Фицджеральд, проживший среди канка-боно более полувека. А с ним — шестеро маленьких девочек, последних уцелевших из этого племени. Они-то и вытоптали на берегу призыв о помощи.

У отца Фицджеральда, кстати сказать, был общий прадедушка с Джоном Ф. Кеннеди, первым мужем миссис Онассис и тридцать пя-

тым президентом Соединенных Штатов. Случись ему сожительство с индианкой — чего он сделать не сподобился, — все живущие ныне могли бы утверждать, что в их жилах течет голубая ирландская кровь. Впрочем, сегодня мало кто озабочен своим происхождением.

По прошествии каких-то девяти месяцев после рождения люди забывают даже, кто их мать.

Когда на головы остальных членов племени распылили яд, девочки занимались хорovým пением с отцом Фицджеральдом. Некоторые несчастные еще не умерли, и старый священник собирался остаться с ними. Шестерых же девочек он просил доставить куда-нибудь, где за ними могли бы присмотреть.

Таким образом, всего через пять часов девочки перенеслись из каменного в электронный век, от чистоводных болот джунглей к омерзительным топям Гуаякиля. Они говорили только на языке канка-боно, который понимали лишь их немногочисленные соплеменники, оставшиеся умирать в джунглях, да, как выяснилось, один грязный белый старик в Гуаякиле.

Ксименес был родом из Кито, и в Гуаякиле поселить доставленных им малолеток ему было негде. Сам он снимал комнату в «Эльдорадо» — ту самую, в которой позже поселились Селена Макинтош и ее собака. По совету полиции он отдал девочек в приют по соседству с расположенной в центре города церковью, где монашки охотно согласились заботиться о них. Тогда еще в городе было достаточно еды для каждого.

После этого Ксименес отправился в отель и поведал обо всем бармену, который оказался

Хесусом Ортисом — тем самым, что позже отрезал телефонный коммутатор «Эльдорадо» от внешнего мира.

Итак, Ксименес стал одним из авиаторов, оказавшим серьезное воздействие на будущее человечества. Вторым был американец по имени Пол У. Тиббетс. Именно он сбросил атомную бомбу на мать Хисако Хирогуши во время Второй мировой войны. Вероятно, люди все равно стали бы такими пушистыми, как сегодня, даже если бы Тиббетс не сбрасывал бомбу. Но несомненно, что благодаря ему они обросли шерстью быстрее и лучше.

Сиротский приют вывесил объявление, приглашая любого, кто владеет языком канка-боно, на работу переводчиком. На объявление откликнулся старый пьянчуга и мелкий воришка — белый чистейших кровей, пришедшийся, как это ни удивительно, дедом самой светлой из девочек. В молодости он отправился на поиски ценных минералов в тропические леса и три года прожил среди канка-боно. И ввел отца Фицджеральда в племя, когда священник только прибыл туда из своей Ирландии.

Имя его было Доминго Кеседа, и происходил он из прекрасного семейства. Отец его возглавлял факультет философии Центрального университета в Кито. Так что сегодняшние люди — имей они к тому склонность — вполне могли бы утверждать, что являются потомками старинного рода испанских интеллектуалов.

Ребенком, еще в Кохоусе, я никак не мог найти в жизни нашей семьи чего-нибудь такого, чем мог бы гордиться, и тогда моя мать сказала,

что в моих жилах течет кровь французской знати. По ее словам, если бы не Французская революция, я, вероятно, жил бы себе в своем шато посреди обширного имения. Это по ее, материнской линии. Через нее же, продолжала она, я являюсь дальним потомком Картера Брэкстона, одного из тех, кто подписал Декларацию независимости. Так что я вправе высоко держать голову, гордясь кровью, текущей во мне, закончила она.

Мне это очень понравилось. Тогда я решил оторвать своего отца от пишущей машинки, чтобы расспросить, чьим потомком я являюсь по его линии. В те годы я не знал, что такое сперма, и потому его ответ оставался для меня загадкой еще несколько лет. «Мой мальчик, — сказал отец, — ты потомок многих поколений решительных и находчивых микроскопических головастиков, каждый из которых был чемпионом в своем роде».

Старый Кеседа, воняя, как усеянное трупами поле боя, внушил малолеткам, что они должны верить ему одному. Им было несложно сделать это, учитывая, что он был дедом одной из них и единственным человеком, способным с ними объясняться. У них просто не было иного выхода, как верить всему, что бы он им ни сказал. И откуда было взяться скептическому отношению, когда окружавшая их новая обстановка не имела ничего общего с привычными влажными лесами. Они носили в себе немало истин, которые готовы были упорно и гордо отстаивать, но ни одна из них не была приложима к тому, что им до того времени довелось увидеть в Гуаякиле. За исключением одной, вера в которую была совершенно губительной в городских ус-

ловиях миллион лет тому назад: что родственники ни за что не причинят им вреда. Кеседа же намеревался подвергнуть их страшной опасности, сделав из них воровок и побирушек, а затем, как только станет возможным, и проституток. Решился же он на это ради удовлетворения тщеславия и потребности в алкоголе, обуревавших его большой мозг. Он решил стать на старости лет человеком зажиточным и уважаемым.

Он брал девочек на прогулки по городу, показывая им, как были уверены монахини в приюте, парки, церковь, музеи и тому подобное. В действительности же он учил их, чего следует остерегаться при встрече с туристами, где их искать, как облапошивать и куда они обычно кладут свои ценные вещи. Они играли, учась замечать полицейского прежде, чем тот заметил их, и запоминая удобные места в центре города, где можно спрятаться от преследователей.

Первую неделю пребывания девочек в городе они занимались практическими играми в стиле «что нужно делать, если...». А затем — к недоумению монахинь и полиции — дедушка Доминго Кеседа и девочки как сквозь землю провалились. Развратный старик, этот прародитель нынешнего человечества, попросту увел малолеток жить в пустой эллинг неподалеку от морского причала — эллинг, предназначенный ранее для одного из более старых прогулочных кораблей, с которыми, как предполагалось, должна была соперничать «Bahia de Darwin». К тому времени эллинг был пуст, так как приток туристов сократился уже настолько, что старое судно оказалось не у дел.

Что ж, по крайней мере они были вместе. И в первые свои годы на Санта-Росалии, откуда Мэри Хепберн не подарила им детей, они были признательны судьбе именно за это: по крайней мере они были вместе, связанные языком, религиозными верованиями, шутками, песнями и так далее.

Это же самое они, уходя одна за другой в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь, оставили своим детям, рожденным на Санта-Росалии: утешение быть вместе и делить друг с другом язык, религию, шутки и песни канка-боно.

В прежние, недоброй памяти времена в Гуаякиле старик Кеседо предоставлял в их распоряжение свое вонючее тело, обучая их, невзирая на малолетний возраст девочек, искусству и повадкам проституток.

Их, несомненно, нужно было спасать — еще задолго до того, как разразился экономический кризис. В единственное пыльное окно эллинга, служившего им омерзительным училищем, как картина из рамы, глядела снаружи корма «Bahia de Darwin». Они и представить себе не могли, что этому прекрасному белому кораблю суждено вскоре стать их Ноевым ковчегом.

В конце концов девочки сбежали от старика и начали вести уличную жизнь, промышляя по-прежнему попрошайничеством и воровством. Но, по непонятным им причинам, туристов становилось отыскать все труднее и труднее, пока наконец источник их пропитания вообще не иссяк. Теперь они по-настоящему голодали и кидались к любому с широко открытыми ртами и закатившимися глазами, тыча себе пальцем в рот и давая тем самым понять, как давно они ничего не ели.

Как-то, ближе к вечеру, их привлек шум толпы, собравшейся вокруг «Эльдорадо». Потыкавшись, они обнаружили отпертую заднюю дверь в одном из ограждавших отель закрытых магазинчиков, из которой выскочил Херальдо Дельгадо, только что застреливший Эндрю Макинтоша и Зенджи Хирогуши. После его ухода они проникли в магазин и вышли, пройдя его насквозь, через парадную дверь. Таким образом, они оказались внутри выставленного солдатами оцепления, и некому было теперь не пустить их в «Эльдорадо», где им предстояло вверить себя милости Джеймса Уэйта, сидевшего в тот момент в коктейль-баре.

29

Между тем Мэри Хепберн пыталась покончить с собой в своем номере, лежа на кровати в надетом на голову полиэтиленовом чехле от «платья Джекки». Полиэтилен изнутри уже запотел, и она галлюцинировала, представляя себя гигантской сухопутной черепахой, лежащей на спине в жарком и мокром трюме старинного парусника. Она беспомощно сучила конечностями — в точности как это делала бы перевернутая на спину черепаха.

Она часто рассказывала своим ученикам, что корабли, пересекавшие Тихий океан, обычно останавливались у Галапагосских островов для ловли беззащитных черепах, которые затем могли месяцами, лежа на спине, жить без воды и пищи. Они были так медлительны, покорны, неуклюжи и многочисленны. Моряки ловили черепах, не опасаясь быть

укушенными или пораненными их лапами, и подтаскивали к ожидающим у берега шлюпкам, — используя вместо салазок становившийся бесполезным панцирь животных.

Несчастных складывали в темном трюме кверху брюхом и не вспоминали о них больше до тех пор, пока не приходило время их есть. Прелесть черепах в глазах моряков заключалась в том, что те представляли собой свежее мясо, которое не нужно было замораживать или немедленно съедать.

Каждый учебный год в Илиуме у Мэри неизменно находился какой-нибудь ученик, которого возмущало, что люди так жестоко обходились со столь доверчивыми существами. Это давало ей возможность сказать, что природа сурово обошлась с черепахами задолго до появления такого животного, как человек.

Их были миллионы — ползающих по тверди любого размера, где имелся умеренный климат, рассказывала она.

Но затем какие-то мелкие зверьки в процессе эволюции развивались в грызунов. Те с легкостью находили и поедали черепашины яйца — подчистую.

Так что вскоре черепахам пришел конец — повсюду, кроме нескольких островов, куда не добрались грызуны.

Галлюцинации задыхавшейся Мэри, воображавшей себя сухопутной черепахой, были пророческими, ибо то, что давным-давно произошло с этими животными, начинало происходить с большей частью человечества.

Некое новое существо, невидимое глазу, принялось поедать подчистую все яйца в чело-

веческой кладке. Началось это на ежегодной Книжной ярмарке во Франкфурте, в Германии. Женщины на этой ярмарке испытывали легкую лихорадку, которая проходила на второй-третий день, и зрение их порою слабело. После чего они становились в точности как Мэри Хепберн: не могли больше иметь детей. Средства от этой болезни найти не удавалось. Вскоре ей суждено было распространиться практически повсеместно.

Почти полное изничтожение могучих сухопутных черепах мелкими грызунами в точности воспроизводило историю о Давиде и Голиафе. И вот теперь история эта повторялась вновь.

Итак, Мэри уже приблизилась к смерти настолько, что ей стал различим голубой туннель, ведущий в загробную жизнь. И в этот момент существо ее вдруг взбунтовалось против большого мозга, который заставил ее зайти так далеко. Она сорвала с головы чехол от платья и вместо того, чтобы умирать, спустилась вниз, где обнаружила Джеймса Уэйта, скармливающего из-за стойки бара арахис, оливки, пьяную вишню и маринованные луковки шестерым малолетним девочкам из племени канка-боно.

Эта живописная сцена неуклюжей благотворительности запечатлется в ее памяти на всю оставшуюся жизнь. Она навсегда запомнит его таким вот самоотверженным, сострадательным, милым человеком. Ему предстояло скончаться от сердечного приступа, поэтому ничто оказалось не в силах изменить ее ошибочного мнения об этом омерзительном типе.

Кроме всего прочего, он был еще и убийцей. Убийство это совершено было при следующих обстоятельствах.

Как-то раз один жирный плутократ подцепил его в баре на острове Манхэттен, где Уэйт промышлял проституцией, завязав разговор вопросом, знает ли тот, что с его замечательной новой рубашки из голубого велюра не спорот ценник. В венах плутократа текла королевская кровь!

То был принц Хорватии-Словении Ричард, прямой потомок английского короля Джеймса I, германского императора Фридриха III, австрийского императора Франца-Иосифа и французского короля Людовика XV. Ему принадлежал антикварный магазин на Мэдисон-авеню, и гомосексуалистом он не был. Он хотел, чтобы молодой Уэйт стягивал на его шее шелковый пояс от халата, подводя его вплотную к гибельной черте, а затем ослаблял петлю.

У принца Ричарда были жена и двое детей, которые находились в тот момент на отдыхе в Швейцарии, катаясь на лыжах, и жена его была еще достаточно молода, чтобы сохранять способность к зачатию, так что молодому Уэйту, возможно, суждено было помешать рождению еще одного носителя благородных генов.

И еще: не будь принц Ричард тогда умерщвлен, Бобби Кинг, быть может, пригласил бы и его с супругой принять участие в «Естествоиспытательском круизе века».

Его вдове предстояло стать весьма удачливым модельером галстуков — под именем «принцессы Шарлотты», — хотя она была дочерью простолюдина, кровельщика со Стейтен-Айленд, и не имела права на титул или использование родового герба мужа. Тем не менее изображение его геральдического щита украшало каждый придуманный ею галстук.

В гардеробе покойного Эндрю Макинтоша имелось несколько галстуков от принцессы Шарлотты.

Уэйт распjal этого борова голубых кровей на безбрежной кровати с балдахином, некогда принадлежавшей, по словам принца, матери венгерского короля Иосифа I, Элеоноре из Палатинате-Нойбурга. Уэйт привязал его руки и ноги к толстым угловым столбам, на которых покоился балдахин, с помощью загодя нарезанных нейлоновых шнуров нужной длины. Последние хранились в секретном выдвижном ящичке, скрытом под бахромой в ногах кровати. Ящик был также старинным и когда-то хранил любовные тайны Элеоноры.

— Привяжи меня хорошенько, потуже, чтобы я не мог вырваться, — наставлял Ричард молодого Уэйта, — но смотри не перетяни мне сосуды. Я бы не хотел заработать гангрену.

Его излишне большой мозг на протяжении последних трех лет не реже раза в месяц толкал его на подобные забавы: нанимать незнакомых людей, чтобы те слегка его придушили. Какая игра в выживание!

Принц Хорватии-Словении — возможно, под взглядами теней своих предков — объяснял молодому Джеймсу Уэйту, что тот должен придушить его настолько, чтобы он потерял сознание. После чего Уэйт, которого он знал как Джимми, должен был начать медленно считать следующим образом: «Тысяча один, тысяча два...» и так до двадцати.

На глазах, быть может, короля Джеймса, императора Фридриха, императора Франца-Иосифа и короля Людовика принц, один из нескольких претендентов на югославский трон, предупредил

Джимми, чтобы тот не прикасался к его телу или одежде, не считая затянутого вокруг шеи пояска. При этом он должен был испытать оргазм, но Джимми запрещалось ускорять приближение этого момента с помощью рта или рук.

— Я не гомосексуалист и нанял тебя как своего рода слугу, а не проститутку, — объяснил принц. — Тебе, возможно, трудно в это поверить, Джимми, — особенно если ты ведешь такой образ жизни, какой я думаю, — но для меня это духовное переживание, так что пусть оно останется духовным. Иначе никаких тебе ста долларов. Я ясно все сказал? Я человек необычный.

Он не стал рассказывать Уэйту, что в его большом мозгу прокручивается, пока он лежит без сознания, целая кинолента. В этих видениях ему представало отверстие некой голубой извивающейся трубы, метров пяти в диаметре — достаточно широкой, чтобы по ней мог проехать грузовик, и сияющей изнутри, точно воронка смерча. Но не ревушей — в отличие от последнего. Вместо этого из дальнего конца трубы, находившегося, как казалось, метрах в пятидесяти от начала, доносилась неземная музыка, подобная звуку стеклянной гармоники. В зависимости от извивов трубы принцу Ричарду удавалось мельком разглядеть по ту сторону какую-то золотую светящуюся точку и нечто, напоминавшее зелень.

Это, разумеется, был туннель в загробную жизнь.

Итак, Уэйт, как ему было велено, заткнул рот кандидата в освободители Югославии маленьким резиновым мячиком и запечатал сверху заранее заготовленным обрезком клейкой ленты, приклеенным к опоре балдахина.

Затем он начал затягивать пояс на шее принца, перерезая доступ крови к мозгу и воздуха — к легким. Однако вместо того, чтобы — после того как принц потерял сознание, испытал оргазм и увидел извивающуюся голубую трубу, — сосчитать до двадцати, он медленно досчитал до трехсот. То есть выждал пять минут.

Он поступил так под влиянием идеи, пришедшей в его большой мозг. Не то чтобы Уэйт сам этого захотел.

Если бы его отдали под суд за убийство, или лишение человека жизни — или как там у государства могло называться его преступление, — то он, вероятно, сказал бы в свое оправдание, что с ним произошло временное помрачение рассудка. Он бы утверждал, что его большой мозг попросту на время отказал ему. Миллион лет тому назад не было на земле человека, которому это бы не было знакомо.

Признания во временном отказе умственных способностей составляли основное содержание всех разговоров: «Виноват»... «Прошу извинить»... «Надеюсь, я вам не повредил»... «Сам не верю, что мог такое сделать»... «Все произошло так быстро, что я и сообразить не успел»... «Я думал, что застрахован от подобных поступков»... «Никогда себе не прощу»... «Я не знал, что оно было заряжено»... и так далее, и тому подобное.

Когда Уэйт понял, что нужно давать деру из этой трехкомнатной квартиры на Саттон-плейс, расшитые гербами сатиновые простыни принца были забрызганы спермой — множеством головастиков королевского рода, наперегонки спешащих в никуда. Он ничего не прихватил, уходя, и не

оставил отпечатков пальцев. Швейцар в подъезде, видевший, как он входил и выходил, смог немного сообщить полиции о внешности Уэйта: лишь то, что тот был белокожий и худошавый молодой человек, одетый в голубую велюровую рубашку с неспортивным ценником.

В образе миллионов королевских головастиков на сатиновой простыне, бесцельно стремящихся неизвестно куда, было также нечто пророческое. Весь мир, за исключением Галапагосских островов, в отношении человеческого семени должен был вскоре стать подобием такой простыни.

30

Я бы даже сказал, не вскоре, а в мгновение ока.

Теперь пришла пора поставить звездочку и перед именем Джеймса Уэйта — в знак того, что после *Зигфрида фон Кляйста настанет черед умереть ему. *Зигфриду предстояло войти в голубой туннель первым, в ближайшие полтора часа, тогда как *Уэйт должен был последовать за ним через четырнадцать часов, предварительно обвенчавшись с Мэри Хепберн на залитой солнцем палубе «Bahia de Darwin», в открытом море.

Ибо давно сказано «Мандараксом»:

Все хорошо, что хорошо кончается.

Джон Хейвуд (1497?—1580?)

Это высказывание как нельзя лучше подходит к жизни *Джеймса Уэйта. Он явился в этот мир — в глазах всех — дьявольским отродьем, и почти немедленно у него начались тяжкие испыта-

ния. И вот теперь он, будучи так близок к концу, с неведомой ему прежде радостью кормил девочек из племени канка-боно. Они были преисполнены благодарности к нему, а совершить это благодеяние не составляло труда, поскольку бар ломился от закусок, гарниров и приправ. Ему просто не представлялась прежде возможность проявлять благотворительность, но вот она наконец появилась, и он наслаждался ею от души. Для этих малолеток *Уэйт служил воплощением самой жизни.

А затем появилась вдова Хепберн, выхода которой он ожидал весь день. И ему даже не пришлось завоевывать ее доверие. Он понравился ей с первого взгляда благодаря тому, что кормил этих детей, — и, вспомнив, сколько голодных детей ей довелось видеть накануне, по дороге из Международного аэропорта Гуаякиля, она произнесла: «Ах, как это прекрасно! Как это прекрасно с вашей стороны!» Ибо она предположила — и никогда уже не думала иначе, — что этот человек заметил толпившихся снаружи детей и пригласил их зайти, чтобы покормить.

— Почему я не могу быть такой, как вы? — продолжала Мэри. — Я сидела у себя наверху и занималась лишь тем, что жалела себя, — вместо того, чтобы быть здесь с вами и делиться всем, что у нас есть, с этими бедными детьми, стоящими на улице. Мне так стыдно за себя, но с моими мозгами в последнее время что-то неладно. Порой я готова их просто убить.

Она принялась заговаривать с малолетками по-английски — на языке, который те так никогда и не научатся понимать. «Ну как, вкусно? — спрашивала она и затем вновь: — Где ваши мамы и папы?»

И так далее в том же духе.

Девочкам не суждено было выучить английский, поскольку наречие канка-боно с самого начала стало языком большинства колонистов на Санта-Росалии. Через полтора века ему предстояло стать языком большей части человечества. А еще сорок два года спустя — единственным его языком.

Мэри не было нужды раздобывать девочкам лучшую пищу. Питание, состоявшее из арахиса и апельсинов, которые в изобилии имелись за стойкой бара, было для них идеальным. Малышки выплевывали все, что казалось им несъедобным: вишни, зеленые оливки и мелкие маринованные луковички. Так что помощь им была не нужна.

Поэтому Мэри и *Уэйт могли просто наблюдать за ними и болтать, знакомясь друг с другом.

*Уэйт распространялся о том, что, по его убеждению, люди живут на земле, чтобы помогать друг другу, — вот почему он кормит этих детей. Дети — будущее планеты, сказал он, и потому являются главным ее природным богатством.

— Позвольте представиться, — наконец произнес он. — Меня зовут Уиллард Флемминг, я из Мус-Джо, штат Саскачеван.

Мэри в ответ рассказала, кто она и что: вдова и в прошлом преподаватель. На что *Уэйт выразил свое восхищение учителями и признательность за то влияние, которое они оказали на него в юности.

— Если бы не мои школьные преподаватели, — сказал он, — мне бы ни за что не поступить в МИТ. Я бы, вероятно, вообще не пошел в колледж, а работал бы автомехаником, как мой отец.

— И кем же вы стали? — спросила она.

— Полным ничтожеством — с тех пор, как жена умерла от рака, — печально отозвался он.

— Ах! — промолвила она. — Простите, я не хотела...

— Ну, вы ведь в этом не виноваты, верно? — успокоил он ее.

— Верно, — промолвила она.

— А до этого, — вновь заговорил он, — я был инженером по ветряным мельницам. Я носился с безумной идеей ввести повсюду использование этой чистой и бесплатной энергии. Вам она тоже кажется безумной?

— Замечательная идея, — возразила она. — Как раз то, о чем мы часто разговаривали с мужем.

— Энергетические и осветительные фирмы ненавидели меня, — продолжал он. — А также нефтяные магнаты, угольные магнаты и трест атомной энергетики.

— Нетрудно догадаться! — поддержала она.

— Зато теперь они могут больше не беспокоиться, — закончил он свой рассказ. — После смерти жены я закрыл свое дело и с тех пор путешествую. Даже не знаю, чего я ищу. И сильно сомневаюсь, есть ли смысл вообще что-то искать. Лишь в одном я уверен: вновь полюбить я не смогу.

— Вы столько можете дать миру! — воскликнула она.

— Если бы я еще когда и полюбил кого, — продолжал он, — то уж никак не глупый, смазливый, пушистый клубочек, каким многие сегодня, похоже, хотят видеть свою избранницу. Я такого просто не выношу.

— Ни за что бы не подумала, — отозвалась она.

— Судьба избаловала меня, — посетовал он.

— Наверное, вы того заслуживали, — заверила она.

— Я задаю себе вопрос: «Какой толк нынче в деньгах?» — поделился он. — Я уверен,

что ваш муж был столь же хорошим супругом, как моя жена — супругой...

— Он был действительно очень хороший человек, — подтвердила она. — Замечательный мужчина.

— Так что теперь вы наверняка спрашиваете себя о том же: «Какой толк человеку в деньгах, когда он остался один?» — подхватил он. — Предположим, у вас есть миллион долларов.

— Упаси Господи! — воскликнула она. — Таких денег у меня сроду не бывало!

— Ну хорошо — тогда сто тысяч...

— Это чуть больше похоже на истину, — согласилась она.

— Теперь ведь они все равно превратились в мусор, верно? — продолжал он. — Какое счастье могут они принести?

— Ну, хотя бы обеспечить некоторый элементарный уют, — возразила она.

— Я полагаю, у вас чудесный дом, — осведомился он.

— Чудесный, — подтвердила она.

— Да в придачу машина, а быть может, даже две или три и тому подобное... — развил он свою догадку.

— Одна машина, — ответила она.

— Бьюсь об заклад, что «мерседес»! — произнес он.

— Обычный джип, — опровергла она.

— И еще, вероятно, акции и облигации, как у меня, — продолжал допытываться он.

— В фирме Роя практиковались выплаты премиальных по акциям, — отозвалась она.

— Разумеется, — подхватил он. — А также выплаты из фонда социального обеспечения, пенсионного фонда и другие виды материального поощрения, составляющие вкупе идеал обеспеченности в глазах среднего класса.

— Мы оба работали, — с гордостью сказала она. — И вносили свой вклад в общую копилку.

— Я бы ни за что не хотел иметь нигде не работающую жену, — одобрил он. — Моя супруга работала в телефонной компании. Пособия, выплаченные мне там после ее смерти, составили в итоге кругленькую сумму. Но для меня это был только лишний повод для слез. Еще одно напоминание о том, как опустела без нее моя жизнь. Как и ее шкатулка с драгоценностями — всеми этими кольцами, брошками и бусами, которые я дарил ей на протяжении многих лет и которые мне некому завещать...

— У нас тоже не было детей, — откликнулась она.

— Похоже, у нас с вами много общего, — грустно произнес он. — Кому же вы завещаете свои драгоценности?

— О, у меня их не так много, — успокоила она его. — Пожалуй, единственная ценная вещь — нитка жемчуга, доставшаяся мне от матери Роя. С алмазной застежкой. Я так редко надеваю какие-либо украшения, что почти забыла о существовании этого жемчуга — пока вы мне не напомнили.

— Надеюсь, эта вещь у вас застрахована, — сказал он.

31

Как же любили люди болтать без умолку в те времена! Каждый только и делал что «ля-ля-ля» — целыми днями напролет. Некоторые даже во сне. Мой отец часто разглагольствовал во сне — особенно после того, как мать ушла от нас. Бы-

вало, сплю я себе в койке, уже глубокая ночь, никого, кроме нас двоих, в доме нет — а он знай в своей спальне: «ля-ля-ля»! Потом утихнет ненадолго — и снова: «ля-ля-ля».

Меня самого, когда я служил в морской пехоте, а потом в Швеции, часто кто-нибудь будил и говорил, чтобы я перестал разговаривать во сне. При этом у меня не было ни малейшего представления, что же такое я мог говорить. Мне приходилось спрашивать о содержании этих своих речей — и всякий раз оно оказывалось для меня совершенной неожиданностью. Чем еще могла быть большая часть этого круглосуточного ляляляканья, как не испусканием бесполезных непрошенных сигналов, исходящих из нашего непомерно разросшегося и активного мозга?

Не было никакой возможности пресечь этот поток! Хотели мы того или нет — он не умолкал ни на минуту! И как же громок он был! Господи, как же громок!

В ту пору, когда я еще был жив, существовали переносные радиоприемники и плееры, с которыми подростки в городах США просто не расставались, разгуливая по улицам и врубая музыку на такую громкость, что та способна была перекрыть раскаты грома. Эти машинки называли «бомбами гетто». Как будто не достаточно было миллион лет назад, что у каждого из нас сидела своя бомба в мозгу!

Даже спустя столько времени меня все еще переполняет ярость на природу, допустившую развитие такого заблуждающегося, ненадежного и вредного образования, как этот непомерно большой мозг, существовавший у людей миллион лет тому

назад. Если бы еще эти образования сообщали правду, я бы мог видеть смысл в том, что все обладали ими. Но ведь они постоянно ввали! Вспомните, как *Джеймс Уэйт лгал Мэри Хепберн!

А следом за этим в коктейль-бар вернулся *Зигфрид фон Кляйст, которому только что довелось стать свидетелем убийства Зенджи Хирогуши и Эндрю Макинтоша. Если бы его большой мозг был исправной машиной, он, возможно, сообщил бы Мэри и *Уэйту информацию, которую тем, несомненно, надлежало знать и которая бы весьма им пригодилась, пожелай они сохранить свою жизнь: что он сам находится на начальной стадии помешательства, что двое постояльцев только что были застрелены на его глазах, что собравшуюся на улице толпу вряд ли удастся долго сдерживать, что связь отеля с внешним миром оборвана и так далее.

Но не тут-то было. Внешне он сохранял полное спокойствие. Ему не хотелось, чтобы оставшихся четырех постояльцев охватила паника. В результате тем никогда не суждено было узнать, что же случилось с Зенджи Хирогуши и Эндрю Макинтошем. Как, кстати, и услышать переданное час спустя сообщение о том, что Перу объявила Эквадору войну. Не суждено было услышать об этом и капитану. Так что когда перуанские ракеты ударили по целям в районе Гуаякиля, они поверили тому, что сказал им капитан и что, в свою очередь, искренне считал истиной — а не пытался выдать за нее из некоего ложного стыда — его большой мозг: будто они попали под метеоритный дождь.

И до тех пор, пока на Санта-Росалии оставались любопытствовавшие, почему их предки переселились на остров, — а подобное любопытство иссякло по прошествии лишь порядка трех тысяч лет, —

им отвечали следующее: они покинули материк, спасаясь от метеоритного дождя.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Счастлива нация, не имеющая истории.

Чезаре Бонезана, маркиз ди Беккариа (1738—1794)

Итак, абсолютно спокойным голосом *Зигфрид, брат капитана, попросил *Уэйта подняться наверх и пригласить Селену Макинтош и Хисако Хирогуши вниз, а также помочь им с багажом. «Только смотрите не встревожьте их, — добавил он. — Пусть они считают, что все в полном порядке. Безопасности ради я собираюсь отвезти вас всех в аэропорт». Волею судьбы Международному аэропорту Гуаякиля предстояло быть первой целью, уничтоженной перуанскими ракетами.

Он вручил *Уэйту «Мандаракс», чтобы тот мог объяснить с Хисако. Компьютер он подобрал рядом с убитым Зенджи. Оба трупа перенесли подальше от глаз — в помещение взломанного сувенирного магазинчика. *Зигфрид собственноручно накрыл их сувенирными покрывалами с портретом Чарльза Дарвина — копией того, что висел на стене за стойкой бара.

Таким образом, *Зигфрид фон Кляйст проводил Мэри Хепберн, Хисако Хирогуши, *Джеймса Уэйта и Селену Макинтош с *Казахом к раскрашенному в веселенькие цвета автобусу, который стоял перед отелем. Автобус предназначался для доставки в аэропорт музыкантов и танцоров для торжественной встречи ожидавшихся из Нью-Йорка знаменитостей. Шесть девочек из племени канка-боно увязались с ними, тем самым поставив звездочку и перед именем собаки. Ибо той предстояло вскоре быть убитой и съеденной этими малютками. То было неподходящее время, чтобы быть собакой.

Селена допытывалась, где ее отец, а Хисако требовала сообщить, где ее муж. *Зигфрид отвечал, что те поехали вперед, в аэропорт, где будут ждать их. Его план состоял в том, чтобы любым способом посадить этих четверых на самолет, все равно какой — пассажирский, заказной, военный — и отправить их невредимыми прочь из Эквадора. Правду о том, что произошло с Эндрю Макинтошем и Зенджи Хирогуши, он собирался сообщить им в последний момент перед взлетом — когда те были бы уже вне опасности, — независимо от того, сколь бы сильным ударом для них это ни оказалось.

В качестве уступки Мэри он согласился прихватить шестерых девочек. Понять их язык он не сумел даже при помощи «Мандаракса». Самое большее, на что оказался способен «Мандаракс», — это разбирать одно слово из двадцати, когда оно обнаруживало сходство с кечуа, смешанным, составленным из нескольких других языков империи инков. Порою «Мандараксу» казалось, что в речи их мелькали отдельные слова из арабского — также смешанного языка, которым некогда пользовались торговцы, доставлявшие рабов из Африки.

Вот еще одно изобретение больших мозгов, о котором в последнее время мне слышать не приходилось: рабовладение. Разве можно держать кого-либо в рабстве при помощи одних плавников и рта?

32

Едва они успели уютно устроиться в автобусе, стоявшем перед «Эльдорадо», как по радио — включая несколько приемников, имевшихся у толпы, — было передано, что «Естествоиспытательский

круиз века» отменяется. Для толпы, а также для солдат, которые были не что иное, как те же обыватели в военной форме, это означало что запасы еды в отеле теперь принадлежат всем. Если вас интересует свидетельство человека, прожившего миллион лет: если взглянуть в самый корень, всякий раз обнаруживается, что все сводится к пище.

Ибо сказано «Мандараксом»:

На первом месте жратва, мораль потом.

Бертольт Брехт (1898—1956)

Так что все дружно устремились к отелю, и людской поток поглотил автобус, хотя сам автобус и сидящие в нем не представляли для участников пищевого бунта никакого интереса. Однако они колотили по бокам автобуса и кричали, невыносимо страдая от сознания, что другие уже успели ворваться в отель и им может не хватить провизии.

Сидеть в автобусе было по-настоящему страшно. Его могли перевернуть. Могли поджечь. Закидать камнями, превращая оконные стекла в шрапнель. Для тех, кто желал уцелеть, был один надежный выход: улечься на пол в проходе. Хисако Хирогуши совершила первый свой интимный акт в отношении слепой Селены, руками, под невнятное бормотание по-японски, заставив ту встать в проходе на колени и склонить голову. Затем Хисако сама опустилась рядом с нею и *Казахом и обняла девушку за плечи.

Как нежно будут Хисако и Селена заботиться друг о друге в последующие годы! Что за чудного, милого ребенка им предстояло вырастить! Как я восхищался ими!

А *Джеймс Уэйт между тем неожиданно для себя еще раз выступил защитником детей, укрывая собственным телом испуганно сбившихся в проходе девочек из племени канка-боно. Он помышлял только о своем спасении, но Мэри Хепберн схватила его за руки и притянула к себе, так что они вдвоем образовали живую крепость. Если бы в автобусе повывлетали стекла, они бы впились в них, а не в малюток.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Святой апостол Иоанн (4 до н.э.?—90?)

Именно в то время, как *Уэйт находился в таком положении, сердце его начало барахлить: мышечные ткани его принялись сокращаться не в такт, так что кровь перестала подаваться по сосудам равномерно. Это вновь давала себя знать наследственность. Ему неоткуда было это знать, но его родители, пришедшиеся друг другу отцом и дочерью, к тому времени уже скончались от сердечного приступа, который настиг каждого из них в возрасте сорока с небольшим лет.

Человечеству повезло, что *Уэйт не дожил до последующих брачных игр на Санта-Росалии. Впрочем, может статься, что никакой разницы и не было бы — даже унаследуй нынешние люди его бомбу замедленного действия вместо нормального сердца, ибо никому все равно не довелось прожить достаточно долго, чтобы бомба эта сработала. Любой, кто достиг бы сегодня возраста *Уэйта, был бы просто Мафусаил.

На причале же тем временем другая толпа, еще один вышедший из строя орган социальной системы Эквадора, очищала «Bahia de Darwin» не только от пищевых продуктов, но и от телевизоров, телефонов, радара, сонара, радиотехники, электрических лампочек, компасов, туалетной бумаги, ковров, мыла, кастрюль, сковородок, карт, матрасов, подвесных моторов, надувных спасательных плотов и еще многого и многого. Эти борцы за выживание хотели унести даже лебедку для поднятия и опускания якорей, но сумели лишь непоправимо искалечить ее.

По крайней мере они оставили нетронутыми спасательные шлюпки, хотя и без хранившегося в них аварийного запаса провизии.

Капитан же фон Кляйст в одном нижнем белье забрался в «воронье гнездо», где и просидел все это время, опасаясь за свою жизнь.

Тем временем толпа возле «Эльдорадо» схлынула, как прилив, оставив автобус, так сказать, сохнуть на песке. Теперь пассажиры его были вольны ехать, куда им угодно. Вокруг практически никого не осталось, за исключением лежавших там и сям нескольких раненых или убитых в давке.

И *Зигфрид фон Кляйст, героически борясь со спазмами и невзирая на галлюцинации, симптоматичные для страдающих хореей Хантингтона, занял водительское место. Он счел, что его десяти пассажирам лучше оставаться лежащими вповалку в проходе, где они были не видны снаружи и успокаивали друг друга собственным теплом.

Он завел мотор и убедился, что в его распоряжении полный бензобак. Тогда он включил кондиционер, объявив по-английски — на единственном языке, посредством которого он мог общаться с пассажирами, — что через пару минут в салоне станет очень прохладно. Это обещание он был в состоянии сдержать.

Вокруг уже сгустились сумерки, поэтому он включил фары.

Примерно в это самое время Перу объявила Эквадору войну. Два перуанских истребителя-бомбардировщика уже находились над эквадорской территорией. Ракета одного из них была настроена на сигнал радара, установленного в Международном аэропорту Гуаякиля, а другого — на сигналы, долетающие с военно-морской базы на галапагосском острове Бальтра, где находились учебное парусное судно, шесть кораблей береговой охраны, два океанских буксира, патрульная подлодка, сухой ремонтный док и отдыхающий в сухом доке эсминец. Последний был самым крупным судном эквадорских ВМС, за исключением одного — «Bahia de Darwin».

Ибо сказано «Мандараксом»:

Это было лучшее из всех времен — это было худшее из всех времен, то был век мудрости — то был век глупости, то была эпоха веры — то была эпоха неверия, то была пора Света — то была пора Тьмы, то была весна надежды — то была зима отчаяния, у нас все было впереди — у нас ничего не было впереди, мы все направлялись прямо в Царство Небесное — мы все направлялись в прямо противоположную сторону.

Чарльз Диккенс (1812—1870)

Порою я размышляю, каким могло бы стать человечество, окажись в числе первых поселенцев на Санта-Росалии все, кто был включен в исходный список участников «Естествоиспытательского круиза века», и команда корабля: капитан фон Кляйст, разумеется, с Хисако Хирогуши, Селеной Макинтош и Мэри Хепберн, а вместо девочек из племени канка-боно — матросы и офицеры, Жаклин Онасис, доктор Генри Киссинджер, Рудольф Нуриев, Мик Джаггер, Палома Пикассо, Уолтер Кронкайт, Бобби Кинг, «величайший шеф-повар Франции» Робер Пепен, само собою, Эндрю Макинтош и Зенджи Хирогуши и так далее.

Остров в состоянии был бы приютить такое количество людей — хотя и с трудом. Наверняка не обошлось бы без борьбы, схваток, даже убийств, я полагаю, если бы пищи и воды не хватало на всех. И, думаю, некоторые из них должны были бы воображать, будто Природа — или что бы там ни было — будет рада их победе. Однако с точки зрения эволюции грош цена была бы такому выживанию, если бы уцелевшие не размножались, а большинство женщин в списке пассажиров уже вышли к тому времени из детородного возраста и не стоили того, чтобы за них бороться.

В первые тридцать лет жизни на Санта-Росалии, пока Акико не достигла половой зрелости, в сущности, единственными способными к деторождению женщинами на острове были бы слепая Селена, а также Хисако Хирогуши, которая уже родила бы покрытого шерстью ребенка, и еще три нормальные женщины. Вероятно, все они подверглись бы, даже

против своей воли, осеменению со стороны победивших самцов. Но в конечном счете, я думаю, безразлично, кто из последних произвел бы это осеменение: Мик Джаггер, доктор Генри Киссинджер, капитан или юнга. Человечество все равно в значительной мере приобрело бы свой нынешний вид.

В конце концов шансов на выживание оказалось бы больше не у самых удачливых бойцов, а у наиболее умелых рыболовов. Так уж обстоит все здесь, на островах.

Еще одним видом, которому Галапагосский архипелаг едва не устроил экзамен на выживание, стали омары, доставленные из штата Мэн. До того, как «Bahia de Darwin» была разграблена, две сотни этих существ находились в подпитываемых воздухом баках с морской водой, установленных в трюме судна.

Воды, омывавшие Санта-Росалию, были для них достаточно прохладны, но, пожалуй, чересчур глубоки. Как бы то ни было, их отличало одно важное свойство: как и люди, они в случае необходимости могли питаться практически чем угодно.

Капитан фон Кляйст, будучи в уже преклонном возрасте, как-то припомнил этих омаров, сидевших в баках. Чем старше он становился, тем живее вспоминались ему события далекого прошлого. И однажды вечером, после ужина, он развлекал Акико, пушистую дочь Хисако Хирогуши, выдуманной им фантастической историей, фабула которой сводилась к тому, что мэнские омары благополучно добрались до островов и спустя миллион лет (то есть как бы в наши дни) стали господствующим животным видом на планете, построив свои города с театрами, больницами, общественным транспортом и тому подобным. Лобстеры в его рас-

сказе играли на скрипках, расследовали убийства, выполняли микрохирургические операции, вступали в клубы книголюбов и так далее.

Мораль повествования заключалась в том, что омары, делая то же самое, чем занимались в свое время люди, так же приводили все в состояние полного хаоса. И все, чего они желали бы, — это вновь стать обычными омарами, в особенности учитывая, что на свете больше не оставалось людей, которые норовили бы сварить их живьем.

Прежде им приходилось жаловаться в основном лишь на одно: что их варили живьем. Теперь же, лишь потому, что они не захотели, чтобы их и впредь варили живьем, им приходилось содержать симфонические оркестры и так далее, и тому подобное. Рассказчиком в придуманной капитаном истории был низкооплачиваемый второй французский рожок Омар-вильского симфонического оркестра, чья жена только что ушла от него к хоккеисту.

Сочиняя эту историю, он понятия не имел, что человечество в других местах находится на грани вымирания и все меньше способно оказывать сопротивление другим животным видам — имейся у тех предпосылки занять на планете главенствующее положение. Ни капитану, ни кому бы то ни было еще на Санта-Росалии не суждено было этого узнать. При этом я говорю лишь о преобладании одних животных макроформ над другими. По правде же говоря, победителями на планете всегда оставались микроорганизмы. В бесчисленных сражениях между Давидами и Голиафами был ли хоть один случай, когда победил Голиаф?

На уровне же крупных существ — видимых глазу борцов за выживание — омары явно были не лучшими претендентами на то, чтобы стать столь

изошренно созидательным и разрушительным началом, как люди. Сделай, однако, капитан главным героем своей едкой притчи не омаров, а осьминогов — все звучало бы не так уж смехотворно. В те времена, как и ныне, эти скользкие твари обладали высокоразвитым интеллектом, основной функцией которого было управление многоцелевыми конечностями осьминогов. В этом смысле, как можно предположить, они были до известной степени схожи с человеческими существами, которым приходилось управлять своими руками. Вероятно, с помощью рук и мозгов они умели не только ловить рыбу.

Но хотел бы я посмотреть на осьминога, да и на вообще любое животное, которое не было бы настолько удовлетворено своим времяпрепровождением на земле в качестве добытчика пищи, чтобы не помышлять с неограниченными алчностью и амбициями об экспериментах, которыми занималось человечество.

Что до возможности для человечества повернуть вспять и начать снова пользоваться инструментами, строить дома, играть на музыкальных инструментах и тому подобное — им пришлось бы ныне делать это при помощи клювов. Ибо руки их превратились в плавники, и кости ладоней, заключенные в них, утратили былую подвижность. Каждый из двух плавников украшен теперь пятью чисто декоративными отростками, привлекательными для представителей противоположного пола в брачный период, — кончиками ушедших внутрь пальцев. Те участки человеческого мозга, которые прежде управляли их руками, попросту перестали существовать, так что вмещающие этот мозг черепа стали гораздо более обтекаемыми. Чем обтекаемое череп — тем более удачливым рыболовом является человек.

Если люди теперь умеют плавать столь же быстро и заплывать так же далеко, как тюлени, то, спрашивается, что мешает им добраться обратно на материк, откуда приплыли их предки? Ответ: ничего.

Многие уже пытались или еще попытаются это сделать в периоды дефицита рыбы и перенаселенности островов. Но бактерия, поедающая человеческие яйца, неизменно ожидает их там.

Вот какой конец уготован одержимым тягой к странствиям.

Опять же — тут так спокойно, что с чего бы кому-то захотелось жить на материке? Каждый из островов архипелага превратился в идеальное место для воспитания детей: покачивающие листьями кокосовые пальмы, просторные белоснежные пляжи, прозрачные голубые лагуны.

И все люди ныне так невинны и спокойны — и все потому, что эволюция избавила их от рук.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Ремеслам и земным трудам
Себя отдам сполна;
Для праздных рук найдет всегда
Занятье Сатана.

Айзек Уоттс (1674—1748)

34

Миллион лет тому назад молодой перуанский летчик, подполковник, вел свой истребитель-бомбардировщик, бросая его от одного разреженного облака к другому на самой границе земной ат-

мосферы. Звали его Гильермо Рейес, и находиться на такой высоте он мог благодаря специальному костюму и шлему, наполненным изнутри искусственным воздухом. В те времена люди проявляли чудеса изобретательности, добиваясь воплощения в жизнь своих самых невероятных мечтаний.

Некогда у подполковника Рейеса состоялся так и не завершенный спор с приятелем-авиатором относительно того, есть ли что-то более приятное, чем секс. И вот теперь он поддерживал по радиации связь с тем же самым приятелем, который находился на авиабазе в Перу и должен был сообщить ему, когда их страна официально объявит войну Эквадору.

Подполковник Рейес уже привел в действие мозг огромной самонаводящейся ракеты, подвешенной под брюхом его самолета. Ракете впервые предстояло узнать вкус жизни, но ее уже безумно влекло к тарелке радара, установленного на вышке управления в Международном аэропорту Гуаякиля, который с полным правом мог считаться военным объектом, поскольку Эквадор держал там десять военных самолетов. Эта удивительная любительница радаров под брюхом подполковничьего самолета напоминала гигантских сухопутных черепах с Галапагосских островов — в том смысле, что носила все, необходимое ей для жизнедеятельности, под своим панцирем.

Наконец ему дали по радиации разрешение запустить ее.

И он запустил.

Его оставшийся на земле приятель полюбопытствовал, какое ощущение испытываешь, выпуская на волю такую штуковину. Подполковник ответил, что наконец испытал нечто более сильное, чем сексуальное наслаждение.

Ощущения молодого подполковника в момент пуска ракеты, разумеется, носили чисто умозрительный характер, будучи от начала до конца порождением его большого мозга, поскольку самолет при отделении ракеты, устремившейся к своей всепоглощающей любви, не дрогнул, не отклонился от курса, не ушел вверх и не нырнул. Он продолжал лететь в точности как и прежде благодаря тому, что автопилот мгновенно компенсировал внезапное изменение в его весе и аэродинамике.

Что касается виденных Рейесом подробностей пуска, то он летел на слишком большой высоте, чтобы ракета оставляла за собой белый хвост пара. Выхлоп ее двигателя был чистым, так что Рейес увидел лишь металлическую сигару, которая быстро сжалась до размеров темного пятнышка, затем просто точки и наконец исчезла совсем. Она растворилась в воздухе так скоро, что трудно было поверить в то, что она вообще существовала.

И все кончилось.

Если где-то и мог сохраниться след произошедшего только что в стратосфере — так только в большом мозгу Рейеса. Он был счастлив. Он испытал робость. Трепет. Опустошенность.

Со стороны Рейеса не было сумасшествием, когда ему казалось, что совершенный им только что акт сродни поведению самца во время половых сношений. Компьютер, неподвластный его воле после того, как он его включил, сам определил точный момент запуска и подробно проинструктировал пусковое устройство — без всяких подсказок со стороны человека. При этом он не слишком хорошо был

знаком с принципом действия всей этой техники. Подобное знание было уделом лишь специалистов. На войне, как и в любви, он был бесстрашным, полагающимся на удачу искателем приключений.

Более того, запуск ракеты в действительности был идентичен роли, исполняемой самцами в процессе размножения.

Если что-то и зависело от воли подполковника — так это дать в какой-то момент исходный толчок.

А дальше эта сигара, столь стремительно превратившаяся в пятно, затем точку и, наконец, исчезнувшая совсем, навсегда уходила из-под его контроля. С этого момента весь ее эффект сосредоточивался на противоположном конце, пункте назначения.

Он сделал свое дело. И теперь, окутанный сладкой дремотой, ощущал довольство и гордость.

Меня беспокоит уклон, который невольно приобрело мое повествование. В силу того, что несколько его персонажей были попросту помешанными, могло создаться впечатление, будто миллион лет назад все сплошь были сумасшедшими. Это не так. Повторяю, все обстояло совсем не так.

Подавляющее большинство людей в те времена были психически здоровы, и я с удовольствием устаиваю Рейеса такой оценки. Главная беда, повторяю, заключалась не в сумасшествии, а в том, что человеческий мозг был чересчур большим и непрактичным ввиду его склонности обманывать своих владельцев.

Ни один отдельно взятый человек не мог поставить себе в заслугу создание столь безупречно действовавшей ракеты. Она являлась кол-

лективным достижением всех, кто когда-либо ставил свои большие мозги на службу решению проблемы, как собрать и сконцентрировать рассеянное в природе насилие, чтобы затем в виде относительно компактных упаковок обрушить его на головы врагов.

У меня самого был глубоко личный опыт подобных мечтаний во Вьетнаме — я имею в виду минометы, ручные гранаты и артиллерию. Природа никогда без помощи человека не сумела бы стать столь предсказуемо разрушительной на небольших пространствах.

Я уже рассказывал, как застрелил пожилую женщину за то, что она метнула в нас ручную гранату. Я мог бы поведать о множестве других случаев, но ни один из виденных или известных мне понаслышке взрывов во Вьетнаме не идет ни в какое сравнение с тем, который произошел, когда перуанская ракета ткнулась кончиком носа — частью своего тела, наиболее богатой обнаженными нервными окончаниями, — в тарелку эквадорского радара.

Сегодня никто не интересуется скульптурой. Да и кому под силу орудовать резцом или паяльной лампой при помощи плавников и рта?

Однако если б было решено воздвигнуть здесь, на архипелаге, монумент в честь поворотного события минувшей эпохи, уместно было бы запечатлеть перед оглушительным взрывом момент соединения этой ракеты с тарелкой радара.

На лавовом постаменте под этим памятником как выражение чувств всех тех, кто был причастен к разработке, закупке и пуску этой ракеты, а также тех, для кого производство мощных

взрывчатых веществ представляло собой отрасль индустрии развлечений, можно было бы высечь такие слова:

...Как такой развязки

Не жаждашь?¹

Уильям Шекспир (1564—1616)

35

За двадцать минут до того, как ракета слилась в страстном поцелуе с тарелкой радара, капитан Адольф фон Кляйст наконец рассудил, что может безопасно спуститься из своего укрытия в «вороньем гнезде» на борту «Bahia de Darwin». Корабль предстал ему обобраным дочиста. Оснастки и навигационных приборов на нем оставалось меньше, чем было на судне Ее Величества «Бигль», когда этот бравый маленький деревянный парусник отправлялся в свой кругосветный вояж 27 декабря 1831 года. «Бигль» по крайней мере был оснащен компасом и секстантом и располагал навигаторами, способными по звездам с достаточной точностью определять местонахождение судна в часовом механизме мироздания. Более того: на «Бигле» имелись масляные лампы и свечи для ночного освещения, гамаки для матросов и матрасы с подушками для офицеров. Любому же, кто решил бы провести ночь на «Bahia de Darwin», пришлось бы теперь приклонить голову на голом железе либо делать так, как поступала Хисако Хирогуши, когда больше не могла держать глаза открытыми. Хисако в таком случае сади-

¹ Перевод М. Лозинского.

лась на крышку унитаза в туалете по соседству с главной кают-компанией и, оперев руки об умывальник, укладывалась на него головой.

Я сравнил толпу перед отелем с приливной волной, гребень которой прокатился мимо автобуса, чтобы больше не вернуться. Толпа же на причале, я бы сказал, скорее напоминала ураган. Теперь этот смерч в сумерках возвращался вспять, неистово крутясь и питаясь собственной энергией, поскольку его участники — волочащие омаров и вино, электронику и портьеры, вешалки для пальто и сигареты, стулья и свернутые ковры, полотенца и покрывала и еще многое и многое другое, — сами стали благодатным объектом для грабежа.

Итак, капитан кое-как выбрался из «вороньего гнезда». Металлические перекладки лестницы оставили синяки на его голых нежных ступнях. Насколько он мог судить, корабль, да и весь причал остались в его полном распоряжении. Первым делом он направился к себе в каюту, так как на нем были только подштанники и он надеялся, что мародеры все-таки оставили ему что-нибудь из одежды. Однако, когда он вошел и повернул выключатель, ничего не произошло, ибо лампочки в каюте оказались вывернуты.

Ток в сети, как бы то ни было, не иссяк, ибо в машинном отделении корабля имелись аккумуляторные батареи. Дело было в том, что похитители лампочек, перед тем как украсть батареи, генераторы и стартерные двигатели, отключили машинное отделение. Таким образом они, сами того не зная, оказали человечеству огромную услугу. Благодаря им корабль остался на ходу. Без навигационного оборудования он был слеп, как Селена Макинтош, но

по-прежнему являлся самым быстроходным в этой части света и мог при необходимости рассекать воду на предельной скорости в течение двадцати дней без дополнительной заправки — при условии, что в непроглядной тьме машинного отделения все будет функционировать нормально.

Однако, как окажется впоследствии, по прошествии всего пяти дней в открытом море, в этой непроглядной тьме машинного отделения все-таки что-то было неладно.

Капитан, ощупью пытаясь отыскать в своей каюте хоть какую-нибудь одежду, чтобы прикрыть наготу, разумеется, не помышлял о выходе в море. Но ему не оставили даже носового платка или полотенца. Так впервые ему довелось испытать вкус дефицита одежды, что в тот момент казалось простым неудобством, но должно было превратиться в острую проблему, которой суждено преследовать его все оставшиеся тридцать лет жизни. Ему просто неоткуда будет взять ткань, чтобы защитить свою кожу от солнечных ожогов в дневное время и от холода — в ночное. Как будут он и другие колонисты завидовать меховой шубе дочери Хисако, Акико!

Все они — кроме Акико, а затем ее столь же пушистых детей — вынуждены будут носить непрочные накидки и шляпы из перьев, соединенных рыбьими кишками.

Ибо сказано «Мандараксом» вопреки тому:

Человек — двуногое без перьев.

Платон (427?—374 до н.э.)

Капитан, общаривая каюту, сохранял спокойствие. Душ в его голове начал было сочиться, но он плотно перекрыл его. Как бы то ни было, кое-

что он был способен сделать правильно. Вот насколько ему удалось сохранить самообладание. Как я уже упомянул ранее, его пищеварительная система еще была достаточно загружена перевариваемой снедью. Однако еще важнее для спокойного состояния его духа было то обстоятельство, что никто ничего от него не ожидал. Почти у каждого из тех, кто разграбил судно, имелась многочисленная родня, которая дошла уже до крайней нужды и принималась закатывать глаза, хлопать себя по животу и тыкать пальцем себе в глотку — в точности как это делали девочки из племени канка-боно.

Капитан по-прежнему не терял своего знаменитого чувства юмора и мог свободнее, чем когда бы то ни было, прибегать к его помощи. Ради кого было ему теперь прикидываться, что он воспринимает жизнь всерьез? На корабле не оставалось даже крыс. Впрочем, на «Bahia de Darwin» крыс сроду не бывало — что было для человечества еще одной крупной удачей. Высадись крысы на берег Санта-Росалии вместе с первыми поселенцами, и людям не осталось бы на острове никакой пищи уже месяцев через шесть.

В итоге, сожрав остаток людей и друг друга, крысы тоже бы передохли.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Рой крыс!
Он псов и кошек насмерть грыз.
Кусал в кроватках малышей.
Сыр поедал и суп пил из
Стряпухиных ковшей.
Буравил бочки с сельдью вдрызг.
Мужчинам в шляпах встретить риск
Был выводок крысят, а дамам писк
Мешал вести беседы с супругою соседа —
Звения октавой вверх и вниз.

Умные пальцы капитана, орудуя в темноте, нащупали нечто, оказавшееся позже початой бутылкой коньяка, на бачке унитаза в его каюте. Это была последняя бутылка на всем корабле — от носа до кормы и от «вороньего гнезда» до киля — и последнее, чем можно было на нем подкрепиться. Говоря это, я, конечно, не беру в расчет возможность каннибализма: тот факт, что и сам капитан с этой точки зрения был вполне съедобен.

Но в тот самый миг, как пальцы капитана цепко сжали горлышко бутылки, «Bahia de Darwin» содрогнулась, словно кто-то огромный и мощный снаружи беспардонно дал ей тумака. И еще — снизу, со шлюпочной палубы, донеслись мужские голоса. Дело было в следующем: команда буксира, доставившего топливо и провизию на колумбийский сухогруз «Сан-Матео», решила умыкнуть с «Bahia de Darwin» две спасательные шлюпки. Похитители отвязали булинь, и буксир теперь разворачивал несчастное судно носом к устью, чтобы можно было спустить на воду шлюпку с правого, обращенного к причалу борта.

Так что теперь корабль связывал с Южноамериканским материком один-единственный трос, укрепленный на корме. Выражаясь поэтически, трос этот являлся белой нейлоновой пуповиной, связывавшей современное человечество с его прошлым.

Капитан мог бы стать моим напарником, еще одним привидением, на борту «Bahia de Darwin». Похитители спасательных шлюпок даже не подозревали, что на борту разграбленного судна оставалась живая душа.

В полном одиночестве — не считая моего незримого присутствия — капитан принялся за коньяк. Какая ему была теперь разница? Буксир,

таща за собой покорные шлюпки, исчез в верховьях дельты. «Сан-Матео» же, сверкающий, точно рождественская елка, с вращающимся на мостике локатором, исчез в направлении открытого моря.

Так что капитан волен был теперь кричать все, что угодно, с мостика своего корабля, не привлекая нежелательного внимания. Ухватившись за штурвал, он прокричал в сумерках звездного вечера: «Человек за бортом!» Он имел в виду себя.

Не ожидая какого-либо эффекта, он нажал на кнопку запуска двигателя. Из недр корабля донесся приглушенный, низкий гул мощного дизеля, находящегося в прекрасном рабочем состоянии. Капитан нажал вторую кнопку, даровав тем самым жизнь близнецу первого двигателя. Эти два верных, бессловесных раба появились на свет в Коламбусе, штат Индиана, — неподалеку от Индианского университета, где Мэри Хепберн была присвоена степень магистра зоологии.

Мир тесен.

То, что дизели еще работают, служило в глазах капитана лишним основанием, чтобы упиться коньяком до дикого и скотского состояния. Он выключил двигатели — и поступил как нельзя лучше.

Оставь он их работать на достаточно долгий срок, чтобы те разогрелись, — и подобная температурная аномалия могла бы привлечь внимание электронных датчиков парящего в стратосфере перуанского истребителя-бомбардировщика. Во Вьетнаме у нас были столь чувствительные тепловые приборы ночного видения, что с их помощью можно было в полной тьме различать присутствие людей или других крупных млекопитающих, ибо тела их были немного теп-

192 лее всего окружающего.

Однажды я засек вместо неприятеля водяного буйвола и обрушил на него шквал огня. Но, как правило, там все же оказывались люди, стремившиеся потихоньку подобраться к нам и, буде представится возможность, убить. Ну и жизнь была! Я бы мечтал бросить к черту оружие и заняться вместо этого рыбной ловлей.

Те же самые мысли проносились теперь в голове капитана, стоявшего на мостике: «Ну и жизнь!..» и так далее. На самом деле все обстояло невероятно смешно — если бы только он ощущал хоть малейшую способность смеяться. Он думал о том, что жизнь, похоже, взвесила его, сочла ни к чему не пригодным и вот теперь решила его выбросить. Если бы он только мог знать!

Он направился к соларию, который располагался на палубе в кормовой части, за капитанским мостиком и каютами офицеров, ступая босыми ногами по голому железу. Теперь, когда ковровое покрытие с палубы было содрано, отчетливо, даже при свете звезд, стали видны углубления, предназначавшиеся для установки орудий. Я сам когда-то приварил четыре пластины к этой палубе, однако основная часть моей работы, при этом работы тончайшей, приходилась на внутренние помещения корабля.

Капитан поднял взгляд к звездам, и его большой мозг шепнул ему, что эта планета — лишь ничтожная пылинка в космосе, а он сам — микроб на этой пылинке, и что с ним станет — абсолютно безразлично. Только одно и знали эти большие мозги с их склонностью к преувеличениям: разглагольствовать подобным образом. С какой целью? Сегодня вам не удастся поймать кого-либо на таких мыслях.

И тут он увидел, как ему показалось, падающую звезду — метеорит, загоревшийся в вышине на границе атмосферы, где подполковник Рейес только что получил сообщение, что Перу официально объявила войну Эквадору. Это зрелище вновь заставило большой мозг капитана подивиться тому, как не подготовлены люди к падению метеоритов на поверхность Земли.

И только он успел это подумать, как со стороны аэропорта раздался оглушительный взрыв, ознаменовавший короткий медовый месяц ракеты и тарелки радара.

Гостиничный автобус, разрисованный снаружи синелазными олушами, морскими игуанами, пингвинами, бескрылыми бакланами и тому подобным, в этот момент стоял припаркованный около больницы. Брат капитана, Зигфрид, намеревался попросить там помощи для Джеймса Уэйта, который потерял сознание. Сердечный приступ Уэйта вынудил его сделать эту остановку по пути в аэропорт и, несомненно, спас жизнь всем, кто находился в автобусе.

Лопнувший огромный пузырь ударной волны от взрыва оказался плотнее кирпичной кладки. Сидевшим в автобусе показалось, что сама больница взлетела на воздух. Оконные и лобовое стекла автобуса, выдавленные, посыпались внутрь, но благодаря их повышенной безопасности не разлетелись на мелкие осколки. Вместо этого Мэри, Хисако, Селена, *Казах, бедняга *Уэйт, девочки из племени канка-боно и братец капитана оказались засыпанными чем-то, напоминавшим белые пшеничные зерна.

То же самое должно было позже произойти на «Bahia de Darwin». После того как иллю-

минаторы и стекла на судне повывлетают, всюду под ногами будет рассеяно такое же белое зерно.

Больница, лишь мгновение тому назад светившаяся всеми огнями, теперь стояла погруженной во тьму — как и весь город, — и изнутри доносились крики о помощи. Мотор автобуса, слава Богу, еще работал, и его фары высвечивали узкий проход между перегородившими путь обломками. Поэтому *Зигфрид, чью волю с каждой секундой все сильнее охватывал паралич, кое-как сумел вырулить и направить автобус прочь от этого места. Чем он и любой из сидевших в автобусе могли помочь уцелевшим внутри разрушенной больницы, если таковые вообще оставались?

Следуя логике лабиринта, образованного руинами, автобус продвигался от эпицентра взрыва, аэропорта, в направлении пристани. Дорога, ведущая через топи от городской черты к причалам, в углубленной части дельты была, по существу, почти не повреждена: слишком мало препятствий стояло там на пути ударной волны.

*Зигфрид фон Кляйст вел автобус в сторону пристани потому, что то был путь наименьшего сопротивления. Куда они направляются, мог видеть только он. Остальные все еще лежали, сбившись на полу в проходе. Мэри Хепберн оттащила бесчувственного *Джеймса Уэйта от малюток из племени канка-боно, и теперь он лежал на спине, вытянувшись во весь рост, а голова его покоилась вместо подушки на коленях Мэри. Большие мозги в головках девочек отключились полностью ввиду отсутствия у них хотя бы малейшего представления, что же такое происходит вокруг. Хисако Хирогуши, Селе-

на Макинтош и *Казах были подобным же образом отключены от происходящего.

И все они поголовно оглохли, поскольку ударная волна повредила устройство их внутреннего уха — тончайшие из косточек, которые имелись в их телах. И полностью восстановить слух никому из них было не суждено. Первые поселенцы на Санта-Росалии — за исключением капитана — все оказались глуховаты, так что добрая половина разговоров, на каком бы языке они ни беседовали, сводилась к «Что?», «Говори погромче!» и так далее.

Это отклонение, к счастью, не передавалось по наследству.

Подобно Эндрю Макинтошу и Зенджи Хирогуши, им никогда не суждено было узнать, что же их оглушило, — если только они не получили ответ в конце голубого туннеля, ведущего в загробную жизнь. Они примут на веру теорию капитана, будто произошедший взрыв и другой, которому еще предстояло произойти, суть следствие падения раскаленных добела валунов из космоса, — но не до конца, поскольку капитан не раз бывал уличен в глупейших заблуждениях.

Полуоглушенный младший брат капитана, начиная вновь слышать сквозь звон в ушах, затормозил на причале, возле «Bahia de Darwin». Он не ожидал обрести на судне надежное укрытие и не удивился, обнаружив его погруженным во мрак и, очевидно, безлюдным, с выбитыми стеклами, без шлюпок и с едва привязанным к причалу единственным кормовым тросом. Нос корабля был развернут от причала, и трап полоскался в воде.

Судно, разумеется, было разграблено, как и отель. Причал усеивали оберточная бумага, картонки и прочий мусор, оставленный мародерами.

*Зигфрид не ожидал встретить здесь брата. Он знал, что капитан вылетел из Нью-Йорка, но вовсе не был уверен, что тот добрался до Гуаякиля. Если же он все-таки находился где-то в Гуаякиле, то скорее всего был теперь мертв, ранен или, во всяком случае, не в состоянии кому-либо помочь. Да и вряд ли кто в Гуаякиле в тот исторический момент способен был помочь другому.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Помоги себе сам — и Небеса помогут тебе.

Жан де Лафонтен (1621—1695)

Самое большее, на что надеялся *Зигфрид, — это найти спокойный привал среди всего этого хаоса. И в этом он не обманулся. Во всей округе, похоже, не было ни одного человека, кроме них.

Он выбрался из автобуса, чтобы попытаться унять нервную пляску, вызванную хореей Хантингтона, с помощью упражнений — прыжков, отжиманий, наклонов и так далее.

В небе поднималась луна.

И тут он заметил человеческую фигуру, поднявшуюся на ноги на палубе «Bahia de Darwin», там, где находился солярий. Это был его брат, но лица капитана в потемках не было видно, и *Зигфрид не узнал его.

До *Зигфрида доходили разговоры о том, будто на корабле водятся привидения, и он решил, что его глазам предстал один из таких призраков. То есть я. Он решил, будто лицезреет Леона Траута.

Капитан же, напротив, узнал брата и крикнул ему с палубы то, что, может быть, поддавшись искушению, крикнул бы и я, будь я материализовавшимся на его месте духом. А прокричал он следующее: «Добро пожаловать на «Естествоиспытательский круиз века!»»

Все еще сжимая в руке бутылку, хотя та уже опустела, капитан спустился на нижнюю палубу и прошел на корму, так что оказался с братом почти на одном уровне. *Зигфрид, ввиду своей нынешней глухоты, подошел как можно ближе к краю причала, чтобы только не упасть в разделявший их неширокий провал, через который мостом протянулась белая пуповина троса.

— Я оглох! — громко произнес *Зигфрид. — Ты тоже?

— Нет, — отозвался капитан. Он в момент взрыва находился дальше от эпицентра, чем брат. Однако у него шла носом кровь, к чему он решил относиться с юмором. Нос он расквасил о палубу в соларии, где его застигла взрывная волна. Под действием конь-яка его чувство юмора развилось до такой степени, когда все вокруг представляется смешным до колик. Упражнения, которыми *Зигфрид занимался на причале, он принял за потешную пародию на танцевальную болезнь их отца, унаследованную ими от него.

— Мне понравилось, как ты копировал отца! — хихикнул он. Вся беседа велась по-немецки — на языке их детства, первом, который они узнали.

— Ади! — отвечал *Зигфрид. — Это не смешно!

— Все ужасно смешно, — возразил капитан.

— У тебя есть какие-нибудь лекарства? Какая-нибудь еда? Кровати у тебя там еще остались? — спросил *Зигфрид.

Капитан откликнулся цитатой, которая была прекрасно известна «Мандараксу»:

Я много задолжал; у меня нет ничего.

Остальное я отдаю бедным.

Франсуа Рабле (1494—1553)

— Ты пьян! — крикнул *Зигфрид.

— А почему бы мне не быть пьяным? Я ведь всего-навсего клоун, — отозвался капитан; травма, необдуманно нанесенная им с помощью коньяка собственному мозгу, сделала его крайне эгоцентричным, и он нимало не раздумывал о страданиях, которые, вероятно, испытывали люди в темном полуразрушенном городе, лежавшем в отдалении. — Знаешь, что один из моих собственных матросов сказал мне, когда я попытался отговорить его красть компас, Зигги?

— Нет, — ответил *Зигфрид и вновь начал приплясывать.

— «Прочь с дороги, ты, клоун!» — проговорил, давась, капитан и зашелся хохотом. — Он осмелился сказать такое адмиралу, Зигги! Я бы приказал повесить его на рее... *ик...* если бы кто-то не спер, *ик...* рею... *ик.* На рассвете... *ик...* если бы кто-то не спер рассвет.

Люди и по сей день икают. И по-прежнему бывают неспособны справиться с этим. Я часто слышу эту икоту, при которой голосовая щель человека произвольно смыкается и дыхание прерывается спазмами, когда они лежат на просторных

белоснежных пляжах или плещутся в голубых лагунах. Если уж на то пошло, то люди нынче икают чаще, чем миллион лет тому назад. Я полагаю, это связано не столько с эволюцией, сколько с тем, что многие из них глотают сырую рыбу, не прожевав ее хорошенько.

(ЛЮДИ)

И еще люди смеются столь же часто, как и прежде, несмотря на свои усохшие мозги. Когда они кучкой лежат на пляже и один из них вдруг вздумает пернуть, остальные дружно принимаются смеяться и смеются без умолку, в точности как это делали люди миллион лет назад.

37

— *Ик...* — продолжал капитан. — В сущности, мои опасения... *ик...* *Зигфрид, оправдались. Я давно говорил, что время от времени следует ожидать падения крупных метеоритов. Именно... *ик...* так и... *ик...* произошло.

— Нет, это взорвалась больница, — опроверг *Зигфрид (ибо ему это виделось так).

— Ни одна больница сроду так не взрывалась, — возразил капитан и, к ужасу *Зигфрида, взобрался на поручни и приготовился прыгнуть на причал. Собственно, расстояние их разделяло не слишком большое, какая-нибудь пара метров, но капитан был очень пьян. Тем не менее он успешно перелетел через черный провал и грохнулся коленями о покрытие причала. Это излечило его от икоты.

— На корабле еще кто-нибудь есть? — спросил *Зигфрид.

— Никого здесь нет, кроме нас, двух цыплят безмозглых, — ответил тот, еще понятия не имея, что на них с братом лежит ответственность за спасение кого-то, кроме них самих, ведь пассажиры автобуса до сих пор лежали вповалку на полу. Вылезая из автобуса, *Зигфрид оставил Мэри Хепберн «Мандаракс», на тот случай если ей нужно будет перемолвиться с Хисако Хирогуши. Для общения с маленькими канка-боно, как я уже сказал, компьютер был бесполезен.

Капитан обхватил рукой ходящие ходуном плечи *Зигфрида и проговорил:

— Не бойся, братишка. Мы из древнего живучего рода. Что за важность какой-то метеоритный дождь для фон Кляйстов?

— Ади, скажи: а можно как-нибудь поближе подтащить корабль к пристани? — снова спросил тот, думая, что сидящие в автобусе наверняка будут чувствовать себя спокойнее и свободнее на борту судна.

— Да пошел он, этот корабль! На нем все равно ничего не осталось, — бросил капитан. — Думаю, они вынесли оттуда даже старика Леона.

(Под Леоном имелся в виду все тот же я.)

— Ади, — опять заговорил *Зигфрид, — там, в автобусе, десять человек, и у одного из них сердечный приступ.

— Они что, невидимки? — усомнился капитан, искоса взглянув на автобус. Икота его снова прошла.

— Они все лежат на полу, испуганные до смерти, — объяснил *Зигфрид. — Ты должен скорее протрезветь. Я о них позаботиться не могу. Так что тебе придется сделать для них все, что только в твоих силах. А я больше за свои действия отвечать не могу, Ади. Надо было случиться, чтобы именно сейчас у меня разыгралась отцова болезнь.

Время для капитана остановилось. Это ощущение ему было знакомо. Он с неизбежностью испытывал его несколько раз в год — когда ему сообщали нечто такое, над чем он был не в силах смеяться. Знал он и то, как опять запустить ход времени: для этого нужно было отместить неприятную весть.

— Неправда, — заявил он и на сей раз. — Быть такого не может.

— Я что, по-твоему, выплясываю ради развлечения? — возмутился *Зигфрид и припустил, подпрыгивая помимо своей воли, прочь от брата; затем, также помимо воли, вновь прискакал к нему и продолжал: — Моя жизнь кончена. Вероятно, не стоило труда и жить. По крайней мере я хоть не наплодил потомства, а то какая-нибудь несчастная женщина могла бы родить на свет еще одного уроды.

— Я чувствую себя таким беспомощным, — проронил капитан и добавил: — И жутко пьяным. О Господи! Вот уж чего я не ожидал, так это что на меня свалится еще какая-то ответственность. Я ведь просто вдрабадан. Голова совершенно не варит. Скажи, что мне делать, Зигги.

Он был слишком пьян, чтобы на что-то сгодиться, и потому безучастно стоял с отвисшей челюстью и выпученными глазами, покуда Мэри Хепберн, Хисако и *Зигфрид, когда тому на время удавалось унять нервную пляску, подтягивали корму судна к причалу, используя вместо тягача автобус, который затем подогнали вплотную к корме, чтобы по нему, как по лестнице, забраться на нижнюю палубу. Иначе туда было никак не попасть.

Да, конечно, вы можете на это сказать: «Ну разве не гениально с их стороны?», «Им бы ни за что до этого не додуматься, не будь у них та-

ких замечательных больших мозгов!», «Можно биться об заклад, что сегодня никто не сумел бы такого придумать!» и еще что-нибудь в том же роде. Но, с другой стороны, им не пришлось бы проявлять такую находчивость и бороться со столь неблагоприятными обстоятельствами, не стань планета практически непригодной для обитания из-за действий и усилий других людей, которые подсказал им их замечательный большой мозг.

Ибо сказано «Мандараксом»:

То, что теряем мы на поворотах, наверстываем на прямой!

Патрик Реджинальд Чалмерс (1872—1942)

Можно было ожидать, что больше всего возни им предстоит с пребывавшим в беспамятстве *Джеймсом Уэйтом. В действительности же больше хлопот им доставил капитан, который был чересчур пьян, чтобы ему можно было доверить роль звена в образовавшейся человеческой цепи, и который мог лишь горевать на заднем сиденье автобуса, что так напился. Икота опять вернулась к нему.

*Уэйта же они затащили на палубу следующим образом. На причале они нашли лишний трос, и Мэри Хепберн обвязала свободный конец вокруг лежащего. Это подобие упряжи было ее собственным изобретением. В конце концов, она была опытной альпинисткой. Обвязав, они положили его рядом с автобусом. Вместе с Хисако и *Зигфридом они забрались на крышу автобуса и как можно осторожнее подняли его туда на тросе. После чего, опять же втроем, приподняли и перевалили через поручни на палубу корабля. Позже они перенесут его повыше, в солярий, где сознание

вернется к нему на некоторое время — достаточное для того, чтобы они с Мэри Хепберн стали мужем и женой.

Покончив с этим, *Зигфрид спустился вновь, на этот раз за капитаном. Последний, зная, что выставит себя на посмешище, попытавшись залезть на крышу автобуса, тянул время. Прыгать в подпитии было легко. Взбираться же куда-то, если это сопряжено было хоть с малейшими сложностями, — совершенно иное дело. Для чего столь многие из нас в те времена намеренно вышибали из головы почти все мысли алкоголем, остается тайной. Быть может, таким способом мы пытались дать эволюции толчок в нужном направлении — в сторону уменьшения размеров мозга.

Итак, капитан, чтобы потянуть время, произнес, стараясь придать своему тону рассудительность и вескость, хотя сам едва мог стоять на ногах:

— Я не уверен, что пострадавший был в достаточно безопасном состоянии, чтобы его переносить...

*Зигфрид, начиная терять терпение, оборвал его:

— Можно теперь сколько угодно сокрушаться, черт возьми, потому что мы все равно уже перетащили этого кретина! Конечно, наверно, лучше было бы вызвать вертолет и перенести его по воздуху в «Уолдорф-Асторию», в номер для молодоженов!

Это были последние слова, которыми суждено было обмениваться братьям, не считая восклицаний типа «Оп!», «Еще раз!» и «Ох!», с которыми капитан раз за разом безуспешно пытался забраться на крышу, а брат пробовал помочь ему.

Наконец это ему все-таки удалось, хотя и ценой изрядного унижения, и он даже без

посторонней помощи перебрался с автобуса на корабль. Тогда *Зигфрид велел ожидавшей на крыше Мэри присоединиться к остальным, уже находившимся на палубе, и позаботиться, насколько это в ее силах, об *Уэйте, которого они по-прежнему считали Уиллардом Флеммингом. Она повиновалась, думая, что тот из гордости отказывается от помощи, чтобы взобраться наверх самостоятельно.

Таким образом, *Зигфрид остался на причале в полном одиночестве, глядя на остальных. Те ожидали, что он присоединится к ним, но этому не суждено было сбыться. Вместо этого он сел в автобус, на водительское место, и, несмотря на ходящие ходуном и не повинующиеся ему конечности, завел двигатель. Он намеревался домчаться на предельной скорости обратно, до города, и покончить с собой, врезавшись во что-нибудь на всем ходу.

Однако, прежде чем он успел тронуться с места, его настигла еще одна взрывная волна. На сей раз взрыв произошел не в городе или поблизости от него, а где-то в низинах дельты, в безлюдной болотистой местности.

38

Второй взрыв напоминал первый: то было соитие ракеты с тарелкой локатора. Локатор же в этом случае был установлен на небольшом колумбийском сухогрузе «Сан-Матео». Перуанский пилот, который вдохнул в эту ракету искру жизни, воображал, что заставил ее воспылать любовью к радару на «Bahia de Darwin», между тем как судно на самом деле

уже осталось без локатора и было, если говорить о ракетах именно этого типа, лишено для них сексуальной привлекательности.

Таким образом, майор Рикардо Кортес впал в то, что миллион лет тому назад называлось «искренним заблуждением».

Позволительно сказать также, что Перу ни за что не осмелилась бы атаковать «Bahia de Darwin», если бы «Естествоиспытательский круиз века» шел, как было задумано, с участием массы погруженных на корабль знаменитостей. Перуанские власти не проявили бы такого безразличия к мировому общественному мнению. Но отмена круиза превратила судно в, так сказать, рыбу совсем иного сорта: в военное транспортное судно, укомплектованное, как мог догадаться любой здравомыслящий человек, людьми, напрашивавшимися на то, чтобы их взорвали, истребили напалмом или расстреляли из пулеметов, — а именно «личным составом».

Итак, колумбийцы плыли мимо освещенных лунной топей, держа курс на открытый океан, к дому, и поедали первый за неделю приличный ужин, воображая, что их локатор бдит над ними, точно вращающаяся вокруг своей оси Дева Мария, которая не допустит, чтобы с ними приключилась какая-либо беда. Ничего-то они не знали.

То, что они ели, было, кстати, мясом старой дойной коровы, которая перестала давать достаточно молока. Именно она и была спрятана под брезентом на лихтере, заправлявшем «Сан-Матео»: старая дойная корова, еще вполне живая. И поднимали ее на борт, развернутый от причала, — чтобы это не увидели толпившиеся на берегу люди,

отчаявшиеся настолько, что могли убить за такую корову кого угодно.

В ней заключалось слишком уж много белка, чтобы ее дали спокойно вывезти из Эквадора. Чертова прорва белка.

Любопытен был способ, которым ее подняли на борт. Колумбийцы не стали прибегать к помощи стропа или грузовой сети, а соорудили некое подобие короны, многократно обвязав ее рога канатом, и зацепили за эту корону крюк от троса подъемного крана. Затем крановщик начал сматывать трос, так что корова вскоре закачалась в воздухе — впервые в жизни в вертикальном положении, с вывернутыми наружу задними ногами, горизонтально вытянутыми передними и выдающимся выменем, — очертаниями напоминающая кенгуру.

Процесс эволюции, породивший это крупное млекопитающее, не предполагал, чтобы оно когда-нибудь могло оказаться в таком положении, когда вес его тела целиком приходится на шею животного. Так что шея коровы, пока она так висела, все больше и больше походила на шею синелапой олуши, лебедя или бескрылого баклана.

Определенного сорта большемозглым людям в те времена этот ее первый опыт полета мог послужить благодатным поводом для смеха. Изящным это зрелище уж точно никак нельзя было назвать.

И когда корову «приземлили» на палубе «Сан-Матео», она так сильно пострадала, что не могла стоять. Но именно таков и был расчет, и это моряков вполне устраивало. Многолетний опыт научил их, что искалеченная таким образом скотина может прожить еще неделю или более того, сохраняя свое мясо неиспорченным до того момента, когда придет

пора употребить его в пищу. Обращение матросов с коровой представляло собой сокращенный вариант того, как в эпоху парусников принято было поступать с гигантскими сухопутными черепахами.

И в том, и в другом случае отпадала необходимость в морозильнике.

Счастливые колумбийцы пережевывали и глотали мясо бедной коровы, когда их разнесло на куски последнее слово в развитии высоковзрывчатых веществ. Слово это было «дагонит». Дагонит являлся, так сказать, дитятей значительно более слабого взрывчатого вещества производства той же фирмы, называвшегося «глакко». Образно говоря, глакко породил дагонит, а оба они были потомками греческого огня, пороха, динамита, кордита и тринитротолуола.

Таким образом, можно сказать, что колумбийцев за их отвратительное обращение с коровой постигла быстрая и страшная кара — во многом благодаря большемозглым изобретателям дагонита.

На фоне того, как грубо обошлись с коровой, майор Рикардо Кортес, летевший быстрее звука, представлял истинным рыцарем, подобным рыцарям древности. Он и ощущал себя им, хотя знать не знал ничего ни о корове, ни о том, куда угодила его ракета. Связавшись по радиации со своим командованием, он доложил, что «Bahia de Darwin» уничтожена. А также попросил передать своему лучшему другу, подполковнику Рейесу, который днем выпустил ракету по аэропорту и теперь отдыхал на земле, три слова по-испански: «Ты был прав».

Рейес поймет: этой фразой его друг признавал справедливость того, что по остроте вызываемого наслаждения пуск ракеты не уступал лю-

бовным утехам. Кортесу никогда не суждено было узнать, что он поразил вовсе не «Bahia de Darwin», — как друзьям и близким колумбийцев, которых разорвало на котлеты, не дано было узнать, что случилось с ними.

Ракета, поразившая аэропорт, с точки зрения дарвинизма, безусловно, оказалась значительно эффективнее той, что угодила в «Сан-Матео». Ибо первая уничтожила тысячи людей, птиц, собак, кошек, крыс, мышей и прочих живых существ, которые иначе могли бы дать потомство.

Взрывом же в болотистой дельте уничтожены были только четырнадцать членов команды, порядка пятисот обитавших на судне крыс, несколько сот птиц да некоторое количество крабов, рыбы и тому подобного.

Главным образом взрыв этот представлял собой неэффективный удар по нижнему звену пищевой цепи: миллиардам и миллиардам микроорганизмов, которые вместе со своими экскрементами и трупами своих предков составляли почву этой заболоченной местности. Взрыв не слишком повредил им, поскольку они были не слишком чувствительны к внезапным зачинам и концовкам. Они никогда бы не смогли совершить самоубийство в духе *Зигфрида фон Кляйста — за баранкой автобуса, с твердым намерением покончить с жизнью.

Они просто неожиданно перенеслись с одного места на другое, пролетев по воздуху вместе со значительной долей прежнего окружения и плюхнувшись наземь в конце пути. Многие из них даже пережили величайший расцвет в результате этого взрыва, получив в качестве подкормки останки ко-

ровы, крыс, команды и других представителей более высоких жизненных форм.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Как чудно видеть, сколь малым довольствуется природа.

Мишель де Монтень (1533—1592)

Разорвавшийся дагонит, сын глакко и прямой потомок благородного динамита, вызвал приливную волну шестиметровой высоты, и та, устремившись вверх по течению, смысла стоявший на причале автобус, а с ним и Зигфрида, который все равно хотел умереть.

Что еще важнее: налетевшая волна оборвала белую нейлоновую пуповину, которой грядущее человечества еще было связано с материком.

«Bahia de Darwin» волною отнесло на километр вверх по течению и мягко посадило на болотистое мелководье. Корабль стоял, освещенный не только луной, но и отблесками безумных полыхающих пожаров, расцветавших по всему Гуаякилю.

Капитан поднялся на мостик. Запустил оба двигателя-близнеца, которые загудели в темной глубине. Затем оба винта — и корабль снялся с болотистой мели. Теперь он был свободен.

Капитан повернул штурвал, взяв курс вниз по течению, в открытый океан.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Корабль — осколок, оторвавшийся от земли, — тронулся прочь, одинокий и быстрый, как маленькая планета.

Джозеф Конрад (1857—1924)

А «Bahia de Darwin» была не просто каким-то кораблем. Для человечества это был новый Ноев ковчег.

КНИГА ВТОРАЯ И ТАК СТАЛО

1

Стало так: новый белый дизельный теплоход, в ночи, без карт, без компаса, без огней, все же разрезал воды холодного, глубокого океана, идя на предельной скорости. Для человечества он больше не существовал. По убеждению человечества, именно «Bahia de Darwin», а не «Сан-Матео» разнесло вдребезги в болотистом устье под Гуаякилем.

То был корабль-призрак, который, удаляясь от потерявшейся из виду земли, уносил гены своего капитана и семи из десяти его пассажиров на запад, к приключению, длящемуся уже миллионы лет.

Я же был настоящим призраком на этом корабле-призраке.

Сын большемозглого писателя-фантаста по имени Килгор Траут, я дезертировал из морской пехоты США.

Мне предоставили политическое убежище в Швеции, а затем и шведское гражданство. Там я стал сварщиком в доке Мальмё. В один прекрасный день меня совершенно безболезненно обезглавил упавший сверху стальной лист, когда я работал внутри будущего корпуса «Bahia de Darwin». Тогда я отказался ступить в голубой туннель, ведущий в загробную жизнь.

Я всегда сохранял способность материализовываться, но воспользовался ею лишь однажды, в самом начале игры и всего на несколько мгновений, во время бурного шторма с дождем, налетевшего на корабль в Северной Атлантике, по пути из Мальмё в Гуаякиль. Я появился тогда в «вороньем гнезде», где меня увидел один из членов временного шведского экипажа. Он к тому моменту успел изрядно выпить. Мое обезглавленное тело было обращено «лицом» к корме, а в высоко поднятых руках я держал свою отрубленную голову, точно баскетбольный мяч.

Поэтому на мостике рядом с капитаном Адольфом фон Кляйстом я присутствовал незримо, коротая с ним первую ночь в море после нашего столь поспешного отплытия из Гуаякиля. Он не спал всю ночь напролет и теперь был трезв, но мучился страшной головной болью, которую охарактеризовал в разговоре с Мэри Хепберн как «золотой винт, который мне вкручивают промеж глаз».

От постыдного дебоша, учиненного им в минувший вечер, у него остались и другие

сувениры — ушибы и ссадины, полученные им после нескольких падений при безуспешных попытках взобраться на крышу автобуса. Он бы ни за что не напился, если бы знал, что еще облечен какой-то ответственностью. Он уже объяснил это Мэри Хепберн, которая также провела на ногах всю ночь, ухаживая за *Джеймсом Уэйтом, уложенным на палубу в солярии, за офицерскими каютами.

*Уэйта оставили там, подложив ему под голову вместо подушки свернутую куртку Мэри, потому что остальная часть корабля погружена была в кромешный мрак. Солярий же по крайней мере освещали звезды — после того как зашла луна. С восходом солнца *Уэйта собирались перенести в какую-нибудь каюту, чтобы он не изжарился заживо на голой стальной поверхности.

Все остальные расположились на шлюпочной палубе, внизу. Селена Макинтош лежала в главной кают-компании. Подушку ей заменяла ее собака. Там же находились и шесть девочек-канка-боно, использовавших вместо подушек друг друга. Хисако же уснула в туалете при главной кают-компании, втиснувшись между унитазом и умывальником.

«Мандаракс», возвращенный Мэри капитану, хранился в выдвижном ящике на мостике. Это был единственный ящик на всем корабле, где лежало хоть что-то. Ящик был чуть приоткрыт, так что «Мандаракс» слышал и переводил большую часть ночных разговоров.

По случайности настроен он был так, что переводил все на киргизский язык — включая изложенный капитаном план действий. А заключался этот план в следующем. Они направляются прямо-

ком на один из Галапагосских островов, Бальтру, где есть доки для кораблей, летное поле и небольшой госпиталь. Там имеется также мощная радиостанция, так что они смогут выяснить наверняка, что означали те два взрыва и как поживает весь остальной мир, в случае если прошел массированный метеоритный дождь или, как предположила Мэри, разразилась Третья мировая война.

Что ж, этот план можно было переводить на киргизский или любой другой никому не понятный язык, поскольку, следуя нынешним курсом, они все равно неизбежно должны были оставить Галапагосский архипелаг далеко в стороне.

Одного невежества капитана уже было достаточно для того, чтобы сбиться с курса. Но он еще усугубил это ошибками, совершенными в ту первую ночь, когда он, еще не протрезвев, несколько раз менял курс, чтобы учесть предполагаемые места падения метеоритов. Ибо его большой мозг, как вы помните, внушил ему, будто Земля попала в метеоритный поток. При виде каждой падающей звезды он ожидал, что та рухнет в океан и вызовет огромную волну.

Поэтому он разворачивал корабль всякий раз так, чтобы держаться носом к ожидаемой волне. И к восходу солнца они благодаря большому мозгу капитана уже находились неведомо где и держали путь неведомо куда.

Между тем Мэри Хепберн, полуспя-полубодрствуя подле *Джеймса Уэйта, занималась тем, на что у нынешних людей мозгов не хватает. А именно — заново переживала свое прошлое. Вновь была невинна. Вновь дремала в спальном мешке.

Вновь просыпалась при первых рассветных лучах, разбуженная пением козодоя. Вокруг был Индианский национальный парк — живой музей, островок сохранный природы, какой она была до того, как европейцы объявили, что не потерпят ни одного растения или животного, которое не может быть укрощено и использовано человеком в пищу. Высунув голову из своего кокона, спального мешка, молодая Мэри увидела гниющие на земле древесные стволы и ничем не перегороженный поток. Она лежала на пахучей подстилке, созданной полным или частичным умиранием растительности за долгие эпохи. Здесь было чем поживиться микроорганизмам или существам, способным переваривать листья, но нечем было сытно позавтракать человеку, жившему миллион тридцать лет назад.

Было начало июня. Самая нежная пора.

Из зарослей шиповника и сумаха в пятидесяти шагах от нее звучало птичье пение. Она была благодарна этому будильнику, так как, укладываясь накануне, она предвкушала такое вот раннее пробуждение и то, как будет представлять свой спальный мешок коконом и выбираться из него, извиваясь и сладострастно потягиваясь, как сейчас, — совсем взрослая и полная жизнь.

Сколько радости!

Какое наслаждение!

Все обстояло просто замечательно. Подружка, с которой она приехала, продолжала спать.

Поэтому Мэри крадучись направилась по пружинящей лесной подстилке к зарослям, чтобы рассмотреть эту, такую же, как и она, раннюю пташку. Но вместо этого взору ее предстал высокий, сухощавый и серьезный молодой человек в

морской форме. Именно он высвистывал пронзительный клич козодоя. Это был Рой, ее будущий муж.

Она была раздражена и сбита с толку. Особенно дико было видеть на незнакомце морскую форму здесь, вдали от всяких морей. Она подумала, что он нарушил ее покой и может представлять опасность. Но если бы этот странный тип и решился напасть на нее, ему бы сначала нужно было продраться через колючую чашу шиповника. Она спала не раздеваясь и потому была теперь полностью одета, только без обуви, в одних чулках.

Он услышал ее приближающиеся шаги. Он обладал удивительно острым слухом. Как и его отец. Это была наследственная черта. И заговорил он первым.

— Привет, — обратился он к ней.

— Привет, — отозвалась она. Позже она рассказывала, что чувствовала себя единственной посетительницей Эдемского сада, пока не наткнулась на странного типа в морской форме, который вел себя так, точно все вокруг принадлежало ему. Рой же возражал, что это она на самом деле держалась так, будто все кругом являлось ее собственностью.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Я не думал, что кто-то может ночевать в этой части парка, — парировал он. Мэри знала, что он прав. Они с подругой нарушили правила, существовавшие в этом живом музее, находясь на территории, где ночью полагалось оставаться лишь диким животным.

— Вы моряк? — вновь спросила она.

Он ответил, что да — точнее, был им до недавних пор. Его только что демобилизовали

из флота, и он, прежде чем отправиться домой, решил поездить автостопом по стране, а в военной форме, как он заметил, его подвозят гораздо охотнее.

Сегодня никто не стал бы задавать такого бессмысленного вопроса, с каким Мэри обратилась к Рою: «Что вы здесь делаете?» И ни у кого не нашлось бы в запасе столь сложно закрученной истории, как тогда у Роя: что, дескать, он уволился из флота в Сан-Франциско, получил полный расчет, купил спальный мешок и отправился автостопом в Гранд-каньон, Йеллоустонский национальный парк и другие места, которые всегда мечтал повидать.

В особенности привлекали Роя птицы, с которыми он умел общаться на их языке. Как-то, едуци в чужой машине, он услышал по радио, что в этом маленьком государственном парке в Индиане замечена пара бивнеклювых дятлов — представителей вида, который считали давно исчезнувшим. Он тут же направился туда. Однако радиосообщение это оказалось «уткой». Бивнеклювые дятлы, эти крупные, красивые обитатели первобытных лесов, на самом деле полностью вымерли, поскольку люди уничтожили их естественную среду обитания, не оставив необходимых им гниющего леса, тишины и покоя.

— Им нужны были полные тишина и покой, — заключил Рой. — Как и мне, и, думаю, вам тоже. И прошу извинить, если я потревожил вас. Я сделал не больше того, что могла бы сделать любая птица.

Какое-то автоматическое устройство в ее больших мозгах щелкнуло — и она ощутила слабость в коленях и холод в животе. Она влюбилась в этого незнакомца.

Больше подобным воспоминаниям никто из живущих не предается.

*Джеймс Уэйт прервал грезы Мэри Хейберн словами:

— Я так вас люблю. Прошу, выйдите за меня замуж. Я так одинок. Мне так страшно.

— Поберегите силы, мистер Флемминг, — ответила она. На протяжении этой ночи он то и дело, с перерывами, упрашивал ее вступить с ним в брак.

— Дайте мне вашу руку, — продолжал он.

— Всякий раз, как я вам ее даю, вы не желаете потом ее отпускать, — отозвалась она.

— Обещаю, на сей раз отпущу, — заверил он.

Она протянула ему руку, и он слабо ухватился за нее. Его не посещали никакие видения из будущего или прошлого. Он почти целиком состоял из одного трепыхающегося сердца — подобно тому как Хисако Хирогуши, вклинившаяся внизу, под ними, между унитазом и умывальником, представляла собой не более чем утробу со зреющим внутри плодом.

Хисако жила только ради своего еще не родившегося ребенка.

Люди по-прежнему икают, как то было всегда, и находят смешным, если кто-нибудь пугает. И по-прежнему стараются умиротворить больных проникновенными интонациями. Тон, которым разговаривала Мэри, просиживая на корабле подле *Джеймса Уэйта, можно часто услышать и сегодня. Независимо от слов тон этот внушает больному то, что он хочет слышать в данный момент, — именно то, что хотелось слышать *Уэйту тогда, миллион лет назад.

Мэри внушала это ему посредством множества слов, хотя на самом деле достаточно

было одного ее тона, который говорил: «Мы тебя любим. Ты не одинок. Все будет хорошо...» и так далее.

Ни одна утешительница сегодня, разумеется, не может похвастать такой сложной любовной жизнью, какая выпала Мэри Хепберн, и ни один страдалец — столь сложной, как у *Джеймса Уэйта. Любая сегодняшняя история любви сводилась бы к простейшему вопросу: настал ли для двух замешанных в ней лиц период, соответственно, точки и гона. Мужчина и женщина в наши дни бессильны противостоять интересу друг к другу, к наростам на плавниках друг у друга и тому подобному лишь дважды в течение года, а во времена нехватки рыбы — всего раз в год. Вот сколько зависит от рыбы.

Мэри Хепберн и *Джеймс Уэйт же могли, при благоприятном стечении обстоятельств, вытеснить свой здравый смысл любовью почти в любое время.

И тогда, в солярии на палубе корабля, перед самым восходом солнца *Уэйт был искренне влюблен в Мэри, а Мэри в него — вернее, в того, за кого он себя выдавал. Всю ночь напролет она называла его «мистер Флемминг», и он ни разу не попросил, чтобы та звала его настоящим именем. Почему? Потому что он не мог вспомнить, какое же из его имен настоящее.

— Я сделаю вас очень богатой, — обещал *Уэйт.

— Да-да, — отвечала Мэри. — Конечно-конечно...

— Дам вам долю в своих доходах, — продолжал он.

— Берегите силы, мистер Флемминг, — отзывалась она.

— Пожалуйста, станьте моей женой, — умолял он.

— Мы поговорим об этом, когда доберемся до Бальтры, — обещала она. Она препод-

носила ему Бальтру как нечто, ради чего ему следует жить. Всю ночь она нашептывала, утешая его рассказами о Бальтре и обо всем, что их там ожидает, — точно то был некий рай земной со святыми и ангелами, встречающими их на пристани, всевозможной снедью и лекарствами.

Он знал, что умирает.

— Вы будете очень богатой вдовой, — говорил он ей.

— Не будем сейчас об этом, — отвечала она.

Что касается богатства, которое она должна была формально унаследовать, поскольку ей и впрямь предстояло выйти за него замуж и остаться его вдовой, — то самые большемозглые сыщики в мире не сумели бы обнаружить и мельчайшей крупички такового. В каждом новом городе он создавал образ честного гражданина, никогда не существовавшего в действительности, чье состояние неуклонно росло — несмотря на то, что планета в целом становилась все беднее, — и благосостояние которого гарантировалось правительствами Соединенных Штатов и Канады. Сбережения же, лежавшие на счету в мексиканском городе Гвадалахара, в местных песо, были к тому времени полностью выбраны.

Если бы состояние его продолжало расти теми темпами, которыми оно увеличивалось в то время, то к нынешнему моменту оно вобрало бы в себя галактики, черные дыры, кометы, астероидные туманности, метеоры, а также милые сердцу капитана метеориты и всякого иного рода межзвездную материю — то есть практически всю вселенную целиком.

И продолжай численность человечества возрастать в той же пропорции, что и тогда, —

оно бы нынче перевесило даже состояние *Джеймса Уэйта — то есть все это, вместе взятое.

Сколь невероятные мечты об экспансии владели человеческими существами лишь вчера, миллион лет назад!

3

Кстати сказать, *Уэйт оставил по себе потомство. Он не только отправил некогда голубым туннелем на тот свет торговца антиквариатом, но и сумел зачать наследника. Следует признать, что, по дарвиновским меркам, — и как убийца, и как производитель — он весьма преуспел.

Производителем он стал всего шестнадцати лет от роду — что являлось миллион лет назад для самца человека возрастом сексуального расцвета.

В ту пору он жил еще в Мидлэнд-Сити, что в штате Огайо. Как-то раз жарким июльским днем он подстригал газон у дома сказочно богатого торговца автомашинами и владельца местной сети экспресс-закусочных, Дуэйна Хувера, который был женат, но бездетен. Мистер Хувер находился в то время по делам в Цинциннати, а миссис Хувер, которую *Уэйту ни разу не доводилось видеть, хотя он часто стриг у них газоны, — в доме. Она никогда оттуда не выходила, поскольку, как слышал *Уэйт, от злоупотребления алкоголем и лекарствами, прописанными ей врачом, в ее большом мозге развились слишком сильные отклонения, чтобы доверяться ему на людях.

*Уэйт в те времена был весьма привлекательным. Как и его родители. Их род вообще отличался красотой. Несмотря на жару, *Уэйт не хотел

снимать рубашку, потому что стыдился следов, оставленных наказаниями, которым подвергали его многочисленные приемные родители. Позже, когда он промышлял проституцией на острове Манхэттен, клиенты находили эти шрамы, оставленные тлеющими сигаретами, вешалками, пряжками ремней и так далее, очень возбуждающими.

Сексуальных утех *Уэйт не искал. У него только-только созрело решение податься в Нью-Йорк, на Манхэттен, и он ни за что не хотел совершать ничего такого, что послужило бы полиции предлогом, чтобы упечь его за решетку. Полиции он был хорошо известен: его частенько допрашивали в связи с различными кражами и тому подобным, хотя ни одного настоящего преступления за ним не числилось. Тем не менее полиция не спускала с него глаз. При этом они говорили ему что-то вроде: «Раньше или позже, сынок, ты что-нибудь серьезное да натворишь».

И тут миссис Хувер появилась в проеме парадного входа, одетая лишь в очень откровенный купальник. За домом находился бассейн. Лицо ее носило следы пьянства и уже было не первой свежести, зубы в плохом состоянии, но фигура сохранила еще былую красоту. Она спросила, не зайдет ли он в дом, где работают кондиционеры, — отдохнуть в прохладе и выпить чая со льдом или лимонада.

В следующее мгновение, как осознал *Уэйт, они уже занимались любовью, и она твердила ему, что они под стать друг другу — оба потерянные, — и целовала его шрамы и так далее.

Миссис Хувер забеременела и девять месяцев спустя родила сына, которого мистер Хувер считал своим. Ребенок был хорошенький и вырос хорошим танцором и очень музыкальным, в точности как *Уэйт.

Весть о рождении ребенка дошла до *Уэйта, когда он уже осел в Манхэттене, но он никогда не относился к нему как к сыну. Долгие годы он чудесно жил, не задумываясь об этом, пока однажды его большой мозг без всякой видимой на то причины не ошарашил его мыслью, что где-то есть молодая особь мужского пола, которая не появилась бы на свет без его участия. От этой мысли его бросило в дрожь. Это было слишком серьезным последствием для столь незначительного происшествия.

С чего бы ему было тогда хотеть сына? Он ума не мог приложить.

Сегодня сексуальный расцвет для самцов человека наступает в шесть лет или около того. Если шестилетнему самцу встречается на пути самка, у которой течка, ничто не в силах удержать его от вступления с нею в половую связь.

И мне жаль его, ибо я помню, каким сам был в шестнадцать лет. Постоянное возбуждение было для меня сущим адом. А оргазм, как и ныне живущим, не приносил облегчения. Проходит каких-то десять минут — и что же? Ничто не способно помочь, кроме нового оргазма. А ведь нужно было еще уроки делать!

4

Пассажиры «Bahia de Darwin» еще не успели сильно проголодаться. Внутренности каждого из них, включая *Казаха, еще выжимали последние питательные молекулы из того, что их хозяева съе-

ли накануне. Никто пока не жил за счет резервов собственного организма — каковой способ выживания характерен для галапагосских черепах. Малышки канка-боно уже извели, что такое голод. Для остальных же это еще должно было стать открытием.

Единственные двое, кто еще сохранял силы и не спал без конца, были Мэри Хепберн и капитан. Маленькие канка-боно, ничего не знавшие о кораблях и океане, не понимали, что им говорилось на каком бы то ни было языке, кроме наречия канка-боно. Хисако пребывала в прострации. Селена была слепа от рождения, а *Уэйт умирал. Таким образом, людей, способных вести корабль и ухаживать за *Уэйтом, оставалось только двое.

В первую ночь плавания эти двое договорились, что Мэри будет дежурить у штурвала днем, когда по солнцу безошибочно можно определить, где восток, откуда они бежали, а где запад, суливший им воображаемый покой и изобилие. Капитан же должен был управлять судном ночью, ориентируясь по звездам.

Тот, кто не дежурил в данный момент у штурвала, обязан был сидеть с *Уэйтом и, если получится, мог немного соснуть. Конечно, дежурства получались очень долгими, однако само испытание обещало быть недолгим, так как, по расчетам капитана, Бальтра находилась всего часах в сорока хода от Гуаякиля.

Доведись им доплыть до Бальтры — чему сбыться было не суждено, — и они бы нашли остров разбомбленным и опустошенным еще одной авиабандеролью с дагонитом.

Люди в те времена были столь плодовиты, что обычные взрывы, вроде вызванных перуанскими ракетами, почти не влекли за собой ника-

ких биологических последствий. Даже по завершении длительных войн выяснялось, что в живых оставалась еще масса людей. Дети рождались в таком количестве, что даже серьезные попытки сократить численность населения с помощью применения силы оказывались обреченными на неудачу. Они оставляли по себе не более глубокий след — за исключением ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки, — чем «Bahia de Darwin», безрезультатно разрезавшая и баламутившая поверхность океана.

Именно эта способность человечества столь быстро заживать раны путем деторождения привела многих к мысли, что разного рода взрывы — не более чем шоу-бизнес, высокотеатральный способ самовыражения.

Тем не менее человеческому роду суждено было, не считая крошечной колонии на Санта-Росалии, утратить эту способность, которую навсегда, покуда он состоит из воды, сохранит поглощающий все следы океан: заживлять собственные раны.

Что же касается человечества, то его ранам вскоре предстояло стать незаживляемыми. А взрывчатым веществам — перестать быть всего лишь отраслью шоу-бизнеса.

Итак, продолжай человечество по-прежнему исцелять нанесенные себе самому раны посредством совокупления — мой рассказ о колонии на Санта-Росалии превратился бы в трагикомедию с тщеславным и некомпетентным капитаном Адольфом фон Кляйстом в главной роли. Действие ее протекало бы от силы несколько месяцев, а не миллион лет, и колонисты никогда бы не стали настоящими колонистами, а лишь потерпевшими

кораблекрушение, которых вскоре заметили бы и вызволили с острова.

В том числе и посрамленного капитана, который один был всецело ответствен за все их мучения.

По прошествии всего одной ночи в открытом море, однако, капитан еще сохранял уверенность, что все идет как нужно. Вскоре Мэри Хепберн должна была сменить его у штурвала, при этом он намеревался дать ей следующие инструкции: «Следите, чтобы солнце все утро находилось над кормой, а весь день — по носу судна». Самой насущной задачей капитан считал завоевать уважение своих спутников. Они были свидетелями его самого позорного поведения. Он надеялся, что к моменту их прибытия на Бальтру они позабудут о том, как он напился, и станут рассказывать всем встречным и поперечным о том, как он спас им жизнь.

Это еще одна способность, которая была свойственна людям раньше, а ныне ими утрачена: предвкушать в мыслях события, которые еще не произошли, а может быть, и не произойдут никогда. Моя мать тоже была в этом сильна. Когда-нибудь, мечтала она, отец перестанет писать научную фантастику и создаст что-то такое, чем люди будут зачитываться. И у нас будет новый дом в каком-нибудь красивом городе, хорошая одежда и так далее, и тому подобное. Порою, слушая ее, я удивлялся, зачем Богу было вообще трудиться и создавать реальный мир.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Воображение способно заменить множество путешествий — и насколько это дешевле!

Итак, капитан, полуголый, стоял на мостике «Bahia de Darwin», а мысленно находился на острове Манхэттен, где хранилась большая часть его денег и жило большинство друзей. Он грезил о том, как выберется с Бальтры и купит себе уютную квартиру на Парк-авеню — и ну его к черту, этот Эквадор!

И тут в мечты его вторглась грубая реальность. Над горизонтом показалось самое что ни на есть реальное солнце. Показалось — но не там, не совсем там. Капитан всю ночь воображал, будто держит курс прямо на запад. Это означало, что солнце должно было всходить у него за кормой. А это солнце, хотя и поднималось сзади, оказалось тем не менее еще и в значительной степени справа. Поэтому он положил судно на левый галс и развернул его так, чтобы солнце было там, где ему и надлежало быть. Его большой мозг, повинный в допущенной ошибке, уверил его совесть, что ошибка эта не столь уж велика и произошла недавно, из-за того, что перед рассветом звезды поблекли и он потерял ориентацию. Спокойствие совести было ему необходимо не меньше, чем уважение пассажиров. Этот его большой мозг жил собственной жизнью, и в конце концов наступит даже такой момент, когда капитан попытается всадить в него пулю за те заблуждения, в которые тот его ввел.

Но до этого часа оставалось еще пять дней.

Тогда он еще доверял своему мозгу и, выправив курс, отправился на корму — посмотреть, как себя чувствует «Уиллард Флемминг», и помочь Мэри, как они и собирались, перенести его в тень, в проход между офицерскими каютами. Я не поста-

вил звездочку перед именем Уиллард Флемминг, поскольку подобное лицо никогда не существовало и, следовательно, не могло умереть.

Мэри Хепберн настолько не интересовала капитана как личность, что он не потруился даже узнать ее фамилию. Он полагал, что фамилия ее была Каплан — как значилось на нагрудном кармане ее списанной армейской куртки, которая служила теперь *Уэйт у подушкой.

*Уэйт тоже называл ее миссис Каплан — сколько бы раз она его ни поправляла. Как-то среди ночи он сказал ей:

— Вы, евреи, умеете выживать.

— Вы тоже сумеете, Уиллард, — откликнулась она.

— М-да... — произнес он. — Прежде я полагал, что умею, миссис Каплан. А теперь уже не слишком уверен. Но, во всяком случае, те, кто не мертв, уже, считай, выжили.

— Ну-ну... — вмешалась она. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Скажем, о Бальтре.

Однако, видимо, подача крови в мозг *Уэйта на некоторое время нормализовалась, потому что он не дал увести себя в сторону от этой темы и с сухим смешком продолжал:

— Люди так любят похвалиться своей способностью выжить, точно в этом есть что-то из ряда вон выходящее. Единственный, кто не может этим похвастаться, — это труп.

— Ну-ну, что это вы... — пролепетала она.

Когда капитан после восхода солнца подошел к ним, Мэри только что дала согласие на брак с *Уэйтом. Он ее все-таки уломал. Он молил ее об этом, точно жаждущий о глотке воды, так что

в конце концов она решила уступить. Если ему так позарез необходима была помолвка с нею, а это было все, чем она могла его одарить, то она сочла за благо дать ему желаемое.

Однако она вовсе не собиралась сразу принимать всерьез свое обещание — если собиралась вообще. Ей, разумеется, нравилось все, что он о себе рассказал. Узнав во время их ночных разговоров, что она энтузиаст лыжных походов, он с умилением сказал, что сроду не чувствовал себя счастливее, чем катаясь на лыжах, когда вокруг чистый, нетронутый снег и величественная тишина скованных морозом озер и лесов. На самом деле ему никогда не приходилось вставать на лыжи, но одной из его жертв была вдова владельца лыжной базы, расположенной в Белых горах, в Нью-Гэмпшире. Он начал обхаживать ее весной и бросил, обобрав до нитки, еще до того, как зеленые листья стали оранжевыми, желтыми, красными и коричневыми.

Мэри обручилась не с реальным мужчиной. Женихом ее был некий собирательный образ, стилизация.

Впрочем, не важно, с кем она обручилась, уверял ее большой мозг, поскольку они все равно не смогут пожениться до прибытия на Бальтру, а там Уилларда Флемминга, если он к тому моменту еще будет жив, немедленно госпитализируют для интенсивного лечения. Так что у нее, решила она, есть еще масса времени на то, чтобы брак расторгнуть.

Поэтому она не восприняла всерьез слова *Уэйта, с которыми он обратился к подошедшему капитану:

— У меня есть замечательная новость. Миссис Каплан согласилась стать моей женой. Я счастливейший человек в мире!

И тут судьба сыграла с Мэри шутку, почти столь же мгновенную и неумолимую, как мое обезглавливание на верфи в Мальме:

— Вам повезло. Как капитан этого судна, находящегося в международных водах, я официально уполномочен сочетать вас браком, — отозвался капитан и начал церемонию. — Дорогие мои, мы собрались здесь перед лицом Господа, чтобы...

Две минуты спустя он провозгласил «Уилларда Флемминга и Мэри Каплан» мужем и женой.

5

Ибо сказано «Мандараксом»:

Клятвы — не более чем слова, а слова — не более чем ветер.

Сэмюэль Батлер (1612—1680)

Мэри Хепберн на Санта-Росалии заучила наизусть как эту цитату «Мандаракса», так и сотни других. Однако с течением лет она стала относиться к своему браку с «Уиллардом Флеммингом» все серьезнее — несмотря на то, что ее второй муж умер с улыбкой на устах через каких-нибудь пару минут после того, как капитан провозгласил их мужем и женой. Будучи уже древней старухой, согбенной и беззубой, она как-то сказала пушистой Акико: «Я благодарю Бога за то, что он послал мне двух прекрасных мужчин». Она имела в виду Роя и «Уилларда Флемминга». Кроме того, она таким образом хотела сказать, что невысоко ставит капитана, который к тому времени тоже был древним стариком, отцом и дедом всех родившихся на острове — за исключением Акико.

Акико была единственной среди молодого поколения колонистов, кто любил слушать рассказы из прежней, материковой жизни, в особенности о любви. И Мэри вынуждена была извиняться перед ней, что не много может поведать ей любовных историй от собственного лица. Однако ее родители действительно очень любили друг друга, говорила она, — и Акико с наслаждением слушала рассказ о том, как отец и мать Мэри целовались и обнимались до своего последнего дня.

Мэри смешила Акико до слез рассказом о нелепом романе, если можно его так назвать, который был у нее со вдовцом по имени Роберт Войцеховиц, возглавлявшим отделение английского языка в Илиумской средней школе — покуда школу не закрыли. Он был единственным мужчиной, не считая Роя и «Уилларда Флемминга», который когда-либо просил ее руки.

История же была такова:

Роберт Войцеховиц начал названивать ей и просить о встрече всего две недели спустя после похорон Роя. Она отвергла его, дав понять, что ей рано пока помышлять о новом спутнике жизни.

Она делала все возможное, чтобы отбить у того охоту к возобновлению ухаживаний, но, несмотря на это, он как-то днем зашел ее проведать вопреки всем ее уговорам, что ей очень нужно побыть одной. Он подкатил к ее дому, когда она подстригала газон, попросил выключить газонокосилку и сделал ей предложение, выпалив его скороговоркой.

Мэри описывала Акико его машину — и та покатывалась со смеху, хотя ей за всю свою жизнь не суждено было увидеть ни одного

автомобиля. Роберт Войцеховиц ездил на «ягуаре», который некогда смотрелся очень красиво, но к тому времени был уже весь в проплешинах и вмятинах с водительской стороны. Машина эта была прощальным даром его жены. Звали ее *Дорис — имя, которое Акико затем даст одной из своих пушистых дочек под влиянием всего одной рассказанной Мэри истории.

*Дорис Войцеховиц получила в наследство немного денег и купила мужу «ягуар» в благодарность за то, что тот был ей таким хорошим супругом. У них был взрослый сын, Джозеф — остолоп, который искорежил роскошный «ягуар», пока мать его еще была жива. Джозефа отправили в тюрьму «за вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения».

И тут не обошлось без нашего старого приятеля, от которого усыхают мозги: алкоголя.

Роберт сделал ей предложение посреди единственного свежеподстриженного газона на всю округу. Остальные успели прийти в полную запущенность, поскольку все остальные жители разъехались кто куда. И все то время, что Войцеховиц излагал свое предложение, их непрерывно, пытаясь казаться свирепым, облаивал большой золотистый ретривер. Это был Дональд, тот самый пес, который был таким утешением Рою в последние месяцы его жизни. Даже у собак в ту эпоху были имена. Дональд был псом. Роберт — человеком. Дональд был безобидный пес. Он отродясь никого не кусал. Все, чего он хотел, — это чтобы кто-нибудь швырнул подальше палку и он бы принес ее назад, чтобы кто-нибудь кинул ее вновь и чтобы он ее вновь принес, и так далее, до бесконечности. Дональд был не слишком умственно одаренным существом,

мягко говоря. Ему явно не дано было написать бетховенскую Девятую симфонию. Во сне Дональд часто скулил, и его задние лапы вздрагивали. Ему снилось, что он бегаёт за палками.

Роберт боялся собак, поскольку, когда ему было пять лет, на них с матерью напал доберман-пинчер. Он чувствовал себя в их присутствии нормально, если поблизости находился кто-то, кого собаки слушались. Но стоило ему оказаться с собакой один на один, какой бы величины она ни была, как его прошибал пот и охватывала дрожь, а волосы вставали дыбом. Так что он тщательно избегал подобных ситуаций.

На беду, его брачное предложение явилось для Мэри Хепберн такой неожиданностью, что она разразилась слезами — чего ныне ни с кем не происходит. Она была так смущена и выбита из колеи, что сбивчиво извинилась перед Робертом и убежала в дом. Она не хотела быть ничьей женой, кроме Роя. Пусть Рой умер — она все равно не желала замуж ни за кого другого.

Роберт же между тем остался на газоне перед домом один на один с Дональдом.

Будь у Роберта его большие мозги в порядке, он бы спокойно направился к своей машине, презрительно велел Дональду закрыть пасть и убираться в дом вслед за хозяйкой. Но вместо этого он повернулся и кинулся бежать. Причем мозг его был столь ушиблен, что заставил его пробежать мимо машины, через улицу, где, преследуемый Дональдом, он влез на яблоню перед заброшенным домом, прежние обитатели которого отправились на Аляску.

Дональд же уселся под деревом и принялся на него лаять.

Роберт провисел так целый час, боясь спуститься, покуда Мэри, заинтересовавшись, отчего это Дональд так долго брешет без умолку, не вышла посмотреть и не вызволила своего незадачливого ухажера.

Роберта, когда тот спустился, просто мутило от страха и отвращения к самому себе. И тут же действительно вывернуло наизнанку. После чего, стоя с запачканными ботинками и брюками, он в отчаянии прорычал: «Я не мужчина. Просто-напросто не мужчина. Я больше никогда вас не стану беспокоить. И вообще не беспокою ни одну женщину».

А пересказал я здесь этот случай оттого, что к подобному же самоуничижительному мнению о своих достоинствах предстояло прийти и капитану Адольфу фон Кляйсту после того, как, взбивая океанскую воду винтами своего корабля, он по истечении пяти дней и ночей так и не сумел отыскать хоть какой-нибудь остров.

Он слишком отклонился к северу — даже больше чем слишком. То есть всех *нас* занесло слишком далеко на север — даже больше чем слишком. Голод мне, разумеется, не грозил — как и Джеймсу Уэйту, который лежал, окаменев, замороженный, в холодильнике для мяса, в камбузе. Камбуз, хотя там и были вывернуты все лампочки, а иллюминаторов не имелось, все же можно было осветить с помощью адского мерцания электронагревателей в его духовках и плитах.

И водоснабжение тоже работало исправно. В краях повсюду было предостаточно воды, и горячей, и холодной.

Так что жаждой никто не мучился, однако голод все пассажиры испытывали зверский. Казах, собака Селены, куда-то исчезла. Я не поста-

вил перед ее именем звездочки, так как к этому времени собаки уже не было в живых. Малышки канкабоно выкрали ее, пока Селена спала, задушили голыми руками, ободрали и разделали, пользуясь в качестве орудий лишь собственными зубами и ногтями. После чего зажарили ее мясо в электропечи. О том, что они учинили, еще никто не знал.

Собака уже все равно жила за счет ресурсов собственного организма. К тому моменту, как они умертвили ее, она представляла собой одни кожу да кости.

Но доживи она даже до Санта-Росалии — у нее не было бы впереди сколь-нибудь значительного будущего, даже случись ей там, что мало вероятно, встретить кобеля. Ведь она подверглась стерилизации. Единственное, что было бы в ее силах, чтобы пережить самое себя, — это остаться в сознании маленькой Акико, которой вскоре предстояло родиться, воспоминанием о собаке. При самом благополучном стечении обстоятельств Казах могла бы дожить до рождения на острове других детей, чтобы те играли с ней, видели, как она машет хвостом, и так далее. Лая ее им бы запомнить все равно не удалось, поскольку Казах никогда не лаяла.

6

Чтобы никто не растрогался до слез, я теперь говорю о безвременной гибели Казах: «Что ж, она бы все равно не написала бетховенскую Девятую симфонию».

То же самое я говорю и о смерти Джеймса Уэйта: «Что ж, ему все равно не дано было написать бетховенскую Девятую симфонию».

Этот извращенный довод, призванный доказать, как мало нам дано совершить за свою жизнь — какова бы ни была ее продолжительность, — изобретен не мною. Впервые я услышал этот довод по-шведски на одних похоронах, где мне довелось присутствовать еще при жизни. На той церемонии провожали в последний путь тупого и не пользовавшегося ничьей симпатией мастера с судовой палубы по имени Пер Олаф Розенквист. Он умер совсем юным — или, точнее, в возрасте, считавшемся юным в ту эру, — от наследственного порока сердца, как и Джеймс Уэйт. Я пошел на похороны со своим приятелем, сварщиком Хьялмаром Арвидом Бостремом; хотя теперь, миллион лет спустя, все эти имена — лишь пустой звук. И когда мы выходили из церкви, Бострем сказал мне: «Что ж, он бы все равно не написал бетховенскую Девятую симфонию».

Я спросил, сам ли он придумал эту мрачную шутку, и он ответил, что нет, он слышал ее от своего деда-немца, который во время Первой мировой войны был офицером, ответственным за захоронение убитых на Западном фронте. Солдаты, которым внове была подобная работа, имели тогда обыкновение предаваться философским размышлениям над тем или иным трупом, перед тем как швырнуть ему в лицо лопату глины, о том, кем бы он мог стать, если бы не умер столь молодым. И бывалый напарник среди прочих циничных вещей мог сказать задумчивому новобранцу: «Не грусти. Ему все равно было не написать бетховенскую Девятую симфонию».

Когда меня самого еще молодым похоронили в Мальмё, всего в шести метрах от Пера Олафа Розенквиста, Хьялмар Арвид Бострем, поки-

дая кладбище, так же сказал и обо мне: «Что ж, Леон все равно бы не написал бетховенскую Девятую».

Этот довод пришел мне на память, когда капитан фон Кляйст укорял Мэри за ее плач по человеку, которого они считали Уиллардом Флеммингом. К тому времени минул лишь двенадцатый час их плавания, и капитан чувствовал еще легкое превосходство над нею, да и практически над всеми.

Объясняя ей, как вести корабль курсом на запад, он добавил:

— Что за пустая трата времени — проливать слезы по совершенно незнакомому человеку! Судя по тому, что вы мне рассказали, у него не было родных и никакой полезной деятельностью он уже не занимался. Так о чем же плакать?

Быть может, для меня то был самый удобный момент, чтобы произнести бестелесным голосом: «Он все равно бы не написал бетховенскую Девятую симфонию».

Однако капитан сам решил пошутить — хотя прозвучало это не слишком похоже на шутку:

— Как капитан этого судна я приказываю вам плакать только тогда, когда есть повод. В данном случае оплакивать совершенно нечего.

— Он был моим мужем! Я всерьез отнеслась к браку, который вы заключили между нами. Можете смеяться, коли хотите! — горячо возразила она (Уэйт к тому времени еще не был положен в морозильник, и кончина его была еще свежа в памяти). — Он многое дал этому миру и мог бы дать еще больше, сумей мы его спасти!

— И что же такого замечательного он дал миру? — не удержался капитан.

— Он смыслил в ветряных мельницах больше, чем кто-нибудь из ныне живущих, — отве-

чала Мэри. — Он говорил, что смог бы закрыть угольные шахты и урановые рудники и что его ветряков было бы достаточно, чтобы в самых холодных частях света стало тепло, как во Флориде. И еще он был композитор.

— Да ну? — отозвался капитан.

— Да! Он написал две симфонии.

Эту подробность — в свете всего сказанного ранее — я нашел особенно пикантной. Оказывается, Уэйт в последнюю в своей жизни ночь приписал себе авторство двух симфоний. Когда они доберутся домой, продолжала Мэри, она отправится в Мус-Джо и отыщет эти симфонии, никогда еще не исполнявшиеся, она постарается сделать все, чтобы они прозвучали в исполнении какого-нибудь оркестра.

— Уиллард был такой скромный, — закончила она.

— Судя по всему, так, — промолвил капитан.

Сто восемь часов спустя капитану пришлось вступить в прямое соперничество с этим образцом скромности и добродетели.

— Если бы только Уиллард был жив, — заявила Мэри, — он бы точно знал, как поступить.

Капитан успел уже полностью утратить чувство собственного достоинства, и хотя впереди у него было еще тридцать лет жизни, ему не суждено было вновь обрести это чувство. Чем не сюжет для настоящей трагедии? Испытывая унижение от насмешек Мэри, он произнес:

— Я готов принять любые предложения. Вам нужно лишь сказать, как на моем месте поступил бы ваш замечательный Уиллард, — и я исполню это с величайшим удовольствием.

К тому времени он дал своему мозгу отставку и плыл, повинуюсь лишь чувству и по-

ворачивая по его совету судно то туда, то сюда. Любой встречный остров площадью с носовой платок вызвал бы у него слезы благодарности. И этому «так, снова сверимся по солнцу, теперь полный вперед, теперь налево, теперь задний ход, теперь направо» не было конца.

Палубой ниже Селена Макинтош зывала:

— Ка-заааааах! Ка-заааааах! Кто-нибудь видел мою собаку?

— Наверху ее нет! — прокричала в ответ Мэри, после чего, пытаясь представить, что сделал бы на их месте Уиллард, подумала вдруг, что, быть может, «Мандаракс» работает не только как часы и переводчик, но и как радиопередатчик. И попросила капитана попытаться передать с помощью компьютера сигнал о помощи.

Капитан не знал, что доставшееся им устройство было «Мандаракс». Он полагал, что это «Гокуби». Такой «Гокуби» валялся и у него дома, в Кито, в ящике стола — вместе с запонками, наручными часами и прочей мелочью. Его подарил ему брат на прошлое Рождество, но он не нашел в этом аппарате какого-либо прока. Для него это была просто игрушка, и он доподлинно знал, что никакого радиопередатчика в ней нет.

Теперь он взвесил в руке эту штуковину, которую принимал за «Гокуби», и ответил Мэри:

— Я бы отдал правую руку на отсечение ради того, чтобы этот кусок железа оказался радиопередатчиком. Но заверяю вас: даже святейший Уиллард Флемминг не смог бы передать или принять какое бы то ни было сообщение с помощью «Гокуби».

— Мне кажется, пора бы вам бросить манеру высказываться так категорично обо всем на свете! — парировала Мэри.

— Да, мне тоже так кажется, — уступил он.

— Тогда пошлите сигнал SOS, — продолжала Мэри. — Хуже ведь не будет?

— Хуже не будет, это верно. Вы совершенно правы, миссис Флемминг, — ответил капитан и, поднеся к губам микрофон «Мандаракса», несколько раз повторил слово, обозначававшее миллион лет назад на международном морском языке сигнал бедствия: «Mayday! Mayday! Mayday!»

После этого он отодвинул компьютер в сторону, так, чтобы они с Мэри могли прочесть ответ, если бы он проступил на экране. Случилось так, что они подключились к тому сектору памяти этого аппарата, который отсутствовал у «Гокуби» и в котором хранились цитаты на всевозможные темы, включая месяц май. И на экранчике появились следующие таинственные слова:

В развратном мае — кизил, каштан, багряник
цветущий.

Быть съеденным, расчлененным, опьяненным
среди шорохов...

Т.С. Элиот (1888—1965)

7

Капитан и Мэри на минуту поверили, что им удалось вступить в связь с внешним миром, хотя никакой ответ на сигнал SOS не мог прийти так быстро и в столь литературной форме.

— «Mayday! Mayday! Вызывает «Bahia de Darwin». Координаты судна неизвестны. Вы меня слышите? — вновь произнес капитан в микрофон.

На что «Мандаракс» ему ответил:

Май новый выдаться чудесный может, но
Двадцать четыре стукнет нам с тобой.

А.Э. Хаусмен (1859—1936)

Итак, стало очевидным, что это сам компьютер, реагируя на слово «май», выдавал им цитаты. Это несколько озадачило капитана, но он продолжал верить, что в руках у него находится «Гокуби», хотя, быть может, и чуть усовершенствованной модификации, чем тот, который хранился у него дома. Ничего-то ему не было известно! Уловив, что ответы он получает на слово «май», капитан решил попробовать «июнь».

«Мандаракс» немедленно отреагировал:

Уж июнь бушует повсюду.

Оскар Хэммерстайн II (1895—1960)

— Октябрь! Октябрь! — выкрикнул капитан.

И «Мандаракс» отвечал ему:

Осенние листья увяли,
Сер, как пепел, был небосвод.
Плоско-пепельным был небосвод.
Шел пустынный вечер, октябрь —
И мой самый непамятный год.

Эдгар Аллан По (1809 — 1849)

Это было все, на что был способен «Мандаракс», который капитан все еще принимал за «Гокуби». Мэри сказала, что, пожалуй, лучше ей забраться в «воронье гнездо» и понаблюдать — вдруг что-нибудь да увидит.

Однако, прежде чем отправиться туда, она отпустила еще одну колкость в адрес капитана, попросив его назвать остров, который она может

вскоре увидеть со своего наблюдательного пункта. Ибо вот уже третий день, как тот упоминал все новые острова, лежавшие якобы за горизонтом, прямо по курсу: «Смотрите в оба. Вскоре должен показаться Сан-Кристобаль или, быть может, Хеновеса — в зависимости от того, как сильно мы отклонились к югу, — говорил он; и затем в тот же день заявлял: — Ага! Я знаю, где мы. В любой момент может появиться Худ — единственное в мире место гнездовья волнистого альбатроса, самой крупной птицы на архипелаге». И так без конца.

Кстати сказать, эти альбатросы и по сей день существуют и по-прежнему гнездятся на острове Худ. Размах крыльев у них достигает двух метров, и они все так же верны воздушной стихии. Они все еще полагают, что будущее за теми, кто умеет летать.

Однако теперь, на исходе пятого дня плавания, на вопрос Мэри, какой остров ожидает их впереди, капитан промолчал.

Она спросила снова, и он мрачно ответил:

— Гора Арарат.

Я был удивлен, когда, забравшись в «воронье гнездо», она не вскрикнула от неожиданности при виде того, что я принял за редкое атмосферное явление. Оно начиналось прямо за кормой корабля и тянулось, уходя куда-то вдаль, как кильватер. Явление это, связанное, как я решил, с электричеством, хотя и совершенно беззвучное, было, по-видимому, сродни шаровой молнии или огням святого Эльма.

Бывшая учительница глядела прямо на эту невидаль, не подавая вида, будто считает его чем-то из ряда вон выходящим. И тут я понял, что лишь я способен это видеть и что это в точно-

сти такое: туннель в загробную жизнь. Он опять пришел за мной.

До этого я видел его трижды: в тот миг, когда мне отсекло голову, затем на кладбище в Мальмё, когда влажная шведская земля барабанила по крышке моего гроба и Хьялмар Арвид Бострем, которому уж точно не дано было ничего написать, сказал про меня: «Что ж, он все равно не написал бы бетховенскую Девятую симфонию». И в третий раз — когда я сам сидел в «вороньем гнезде» во время шторма в Северной Атлантике под дождем со снегом и морскими брызгами, высоко, точно баскетбольный мяч, держа свою отрубленную голову.

Вопрос, подразумеваемый явлением голубого туннеля, был обращен только ко мне: утолил ли я наконец полностью свое любопытство в отношении жизни? Если да, то мне достаточно было лишь ступить внутрь этого подобия шланга от пылесоса. Даже будь в этом туннеле, светившемся столь же неярким светом, как и электроплиты в камбузе «Bahia de Darwin», всасывающая тяга — она, похоже, не мешала моему отцу, писателю-фантасту Килгору Трауту, стоять в самом входном отверстии и болтать со мной.

Первое, что мне сказал отец из-за кормы «Bahia de Darwin», было:

— Ну что, с тебя не довольно еще этого корабля дураков, мой мальчик? Иди скорей к папе. Только откажись — и тебе не увидаться со мной еще миллион лет.

Миллион лет! Боже мой: миллион лет! Он не шутил. Каким бы плохим отцом он ни был, он всегда держал свои обещания и никогда сознательно не обманывал меня.

Поэтому я сделал шаг в его сторону, но второго делать не стал. Я вел себя как самка синелапой олуши в начале брачного танца. Как и там, этим первым неуверенным шагом запущены были часы, ход которых с этого момента становился неотвратимым. Я уже изменился, хотя до входа в туннель оставалось пройти еще немало. Гул машин «Bahia de Darwin» зазвучал глуше, и стальная палуба стала прозрачной, так что взгляду моему открылась главная кают-компания, где девочки из племени канка-боно обгладывали кости своей безвинной сестры, Казаха.

Первый шаг, сделанный мною навстречу отцу, заставил меня подумать об этих индейских девочках, о сидящей у меня за спиной в «вороньем гнезде» Мэри, о дремлющей в туалете Хисако Хирогуши и ее плоде, о деморализованном капитане и слепой Селене, стоящих на мостике, и о трупе в морозильнике величинной в человеческий рост: «Какое мне вообще дело до этих чужаков, этих рабов страха и голода? Что общего у меня с ними?»

Видя, что я остановился, не сделал второго шага ему навстречу, отец произнес:

— Не останавливайся, Леон. Не время быть робким.

— Но я еще не завершил своих изысканий, — запротестовал я, ибо в свое время сознательно выбрал роль привидения, дававшую в качестве дополнительной льготы право читать мысли, узнавать правду о прошлом людей, видеть сквозь стены, находиться одновременно в нескольких местах, подробно проследживать возникновение той или иной ситуации и вообще иметь доступ к любым человеческим знаниям. — Отец, дай мне еще пять лет.

— Пять лет! — воскликнул он и передразнил, напоминая прошлые мои подобные просьбы: — «Папа, еще денек...», «Еще месяц, папа...», «Еще полгода, пап...»

— Но я так много узнаю сейчас о том, что такое жизнь, как в ней все устроено, в чем ее смысл! — возразил я.

— Не лги мне, — оборвал он. — Я тебе лгал когда-нибудь?

— Нет, сэр, — признал я.

— Так не обманывай и ты меня, — потребовал он.

— Ты теперь бог? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Я по-прежнему всего лишь твой отец, Леон, но не надо мне лгать. Несмотря на все твое подслушивание и подсматривание, тебе не удалось получить ничего, кроме собранной информации. С равным успехом ты мог бы коллекционировать фотографии бейсболистов или пробки от бутылок. Что же касается смысла всех накопленных тобою сведений, то ты способен проникнуть в него не более чем «Мандаракс».

— Еще только пять лет, папа, пап, отец, па! — взмолился я.

— Вряд ли этого времени хватит на выяснение того, что ты надеешься выяснить. Вот почему, мой мальчик, я даю тебе честное слово: если ты сейчас снова отвергнешь меня, я вернусь только через миллион лет, — отвечал он и тут же принялся заклинать: — Леон! Леон! Леон! Чем больше ты будешь узнавать о людях, тем отвратительнее они тебе станут казаться. Я думал, тот факт, что мудрейшие, как считалось, люди твоей страны отправили тебя на бесконечную, неблагодарную, ужасную и, наконец, бесцельную войну, позволил тебе достаточно заглянуть в человеческую натуру, чтобы зна-

ния этого тебе хватило на целую вечность! Есть ли нужда говорить тебе, что эти замечательные животные, о которых тебе явно хочется узнавать все больше и больше, в этот самый миг раздуваются от гордости, как шуты, оттого, что их оружие наведено на цель, готово в любую минуту выстрелить и гарантирует истребление всего живого? Нужно ли говорить тебе, что эта некогда прекрасная и плодородная планета ныне с высоты напоминает пораженные недугом органы Роя Хепберна, вскрытие при аутопсии, и что ярко выраженные раковые опухоли, растущие ради самого роста и поглощающие и отравляющие все вокруг, — суть города, созданные твоими возлюбленными людьми? Нужно ли говорить, что эти животные настолько все растранижирили, что не могут вообразить даже, чтобы их собственных внуков ожидало приличное будущее, и сочтут чудом, если к двухтысячному году, до которого останется всего четырнадцать лет, вообще останется что-нибудь съедобное или приятное? Подобно людям на этом несущем на себе проклятие корабле, мой мальчик, их ведут за собой капитаны, не имеющие карт и компаса и ежеминутно озабоченные единственной проблемой: как сохранить уважение к себе самим.

Как и при жизни, он был плохо выбрит. И, как и при жизни, вид у него был бледный и изможденный. Как и при жизни, он курил сигарету. Мне трудно было сделать шаг в его сторону еще и потому, что он был мне неприятен.

Я сбежал из дома в шестнадцать лет, потому что стыдился его.

Стой в разверстом зеве туннеля вместо отца ангел — и я бы, возможно, ринулся туда без колебаний.

Джеймс Уэйт бежал из дома потому, что люди постоянно причиняли ему физическую боль. С равным успехом он мог бы попасть из детприемника прямо в лапы испанской инквизиции — так изобретательны были некоторые пытки, измышленные для него большими мозгами его приемных родителей. Я же бежал от родного отца, который ни разу даже в гневе не поднял на меня руку.

Но в ту пору, когда я был слишком молод, чтобы соображать, что к чему, отец превратил меня в своего сообщника, чтобы навсегда отделаться от матери. Он заставлял меня вместе с ним язвить мать за то, что та хотела куда-то поехать, с кем-то подружиться, пригласить друзей на обед, сходить в кино или ресторан. Я во всем соглашался с отцом. Я тогда верил, что он величайший писатель в мире, ибо это был единственный повод для гордости, который мне приходил на ум. У нас не было друзей, наш дом был самым жалким во всей округе, у нас не было даже телевизора или автомобиля. Казалось бы, с какой стати мне было брать его сторону в их споре с матерью? К его чести нужно сказать, он никогда не считал себя великим. Однако в мои молодые, зеленые годы он казался мне великим своим упорным нежеланием заниматься чем-нибудь другим, кроме писанины и непрерывного курения, — а курил он действительно непрерывно.

Ах да, был у меня еще один повод гордиться — и это у нас в Кохоусе действительно что-то значило: мой отец служил в морской пехоте США.

Однако когда мне исполнилось шестнадцать, я сам пришел к выводу, сделанному моей матерью и соседями уже давно: что отец — законченный

неудачник, чьи работы появлялись лишь в самых худальных изданиях, которые не платили ему почти ни гроша. Он наносит оскорбление жизни самим фактом своего существования, решил я: тем, что не занимается ничем, кроме писания и непрерывного курения — действительно непрерывного.

Потом я завалил в школе все предметы, кроме рисования — по рисованию в кохоусской средней школе никто не заваливался, это было просто невозможно, — и сбежал из дома, чтобы разыскать мать, чего мне так и не удалось сделать.

Отец опубликовал больше сотни книг и тысячу отдельных рассказов, но за время своих скитаний я встретил только одного человека, который о нем что-нибудь слышал. Столь редкая находка после немыслимо долгих поисков так потрясла меня эмоционально, что у меня, похоже, на некоторое время помутился рассудок.

Я ни разу не позвонил отцу и даже не отправил ему ни одной открытки. Я даже не знал о его смерти — покуда не умер сам и он не явился мне в первый раз в отверстии голубого туннеля, ведущего в загробную жизнь.

Тем не менее я почтил его одним поступком, который, как мне казалось, еще должен был служить для него предметом гордости: я тоже стал морским пехотинцем США. Это была семейная традиция.

И провалиться мне на месте, если я ныне, подобно отцу, не превратился в писаку, строчащего без малейшей надежды быть прочитанным. Ибо кругом нет ни одного читателя. И быть не может.

Итак, мы с ним изображали пару синелопых олуш в брачном танце, делая, что нам на-

значено, независимо от того, было ли кому за нами наблюдать или, что гораздо вероятнее, не было.

Отец вновь обратился ко мне из сопла туннеля:

— Ты в точности как твоя мать.

— В чем именно? — поинтересовался я.

— Знаешь, какая у нее была любимая цитата? — спросил он.

Разумеется, я знал. И «Мандаракс» знал ее тоже. Она вынесена в эпиграф этой книги.

— Ты веришь, что люди — порядочные животные, которые в конце концов справятся со всеми своими трудностями и превратят Землю в новый Эдемский сад, — пояснил он.

— Можно мне на нее взглянуть? — спросил я.

Я знал, что она где-то там, по ту сторону туннеля, что она уже умерла. Первое, о чем я спросил, когда отец явился мне после моей смерти: «Тебе известно, что случилось с матерью?» Я в свое время искал ее повсюду, прежде чем поступить на службу в морскую пехоту.

— Это не мать там, у тебя за спиной? — снова спросил я. Голубой туннель находился в состоянии безостановочной перистальтики, так что его извивающиеся движения позволяли заглянуть глубоко внутрь. И там в это, третье, появление отца я заметил женскую фигуру и решил, что, может быть, это мать, — но увы...

— Я Наоми Тарп, Леон, — заговорила женщина, оказавшаяся соседкой, которая после бегства матери некоторое время делала все возможное, чтобы заменить мне ее. — Миссис Тарп. Ты ведь меня помнишь, Леон? Иди сюда — как ты заходил,

бывало, ко мне через дверь моей кухни. Будь хорошим мальчиком. Ты же не хочешь остаться там один еще на миллион лет?

Я сделал второй шаг по направлению к зеву туннеля. «Bahia de Darwin» при этом обратилась в нечто призрачное, точно сплетенное из паутинок. А голубой туннель — в столь же материальное и осязаемое транспортное средство, как автобус, ежедневно доставлявший меня, когда я жил в Мальмё, на верфь и обратно.

В этот момент сзади, со стороны призрачного «вороньего гнезда» «Bahia de Darwin» раздались крики туманного привидения, в которое превратилась Мэри. Я решил, что у нее началась предсмертная агония. Слов я разобрать не мог, но тон ее восклицаний был таков, точно ей прострелили живот.

Мне необходимо было узнать, о чем она кричит, поэтому я сделал все те же два шага назад, повернулся и взглянул вверх, где она сидела. Мэри плакала и смеялась одновременно. Перегнувшись через ограждение своего наблюдательного пункта и висая вниз головой, она кричала стоявшему на мостике капитану:

— Земля! Земля! Слава Господу! Боже правый! Земля! Земля!

8

Замеченный Мэри Хепберн остров был Санта-Росалией. Капитан, разумеется, тут же повернул судно к нему, надеясь найти там человеческое поселение или по крайней мере животных, которых бы они могли изловить и съесть.

Под вопросом оставалось только, останусь ли я с ними еще — посмотреть, что-то будет дальше. Цена, которую мне в этом случае предстояло заплатить за любопытство к судьбам тех, кто находился на корабле, была недвусмысленной: скитаться бесплотным духом в этом реальном мире еще миллион лет, без права обжалования.

Решение за меня приняла Мэри Хепберн — «миссис Флемминг», — чье ликование так долго приковывало мое внимание к «вороньему гнезду» корабля, что, когда я вновь оглянулся на туннель, тот уже успел исчезнуть.

И вот теперь я отбыл этот срок в тысячу тысячелетий. Полностью выплатил свой долг обществу — или чему там еще. В любой момент можно ожидать, что голубой туннель снова явится мне. И конечно же, я с огромной радостью кинусь в его зев. Больше в этом мире не происходит уже ничего такого, чего бы я не видел или не слышал много раз прежде. Никому из ныне живущих, безусловно, не дано написать бетховенскую Девятую симфонию, или солгать, или начать Третью мировую войну.

Мать была права: даже в самые мрачные времена для человечества еще оставалась надежда.

В понедельник, 1 декабря 1986 года, днем, капитан Адольф фон Кляйст намеренно посадил «Bahia de Darwin», которая осталась без якоря, на рифовое мелководье вблизи берега. Он полагал, что, когда придет время вновь отправляться в плавание, судно с помощью своих машин само стащит себя с мели, как это было в дельте под Гуаякилем.

Когда же он собирался трогаться дальше? Да как только кладовые корабля будут наби-

ты яйцами, олушами, игуанами, пингвинами, бакланами, крабами и вообще всякой всячиной, пригодной в пищу, которой им удастся разжиться. Накопив провизии в количестве, сравнимом с запасами топлива и воды, он собирался не торопясь вернуться обратно, к Большой земле, и поискать безопасный порт, который бы их принял. Таким образом, он намеревался заново открыть Южноамериканский континент.

Он застопорил надежные, верные двигатели корабля. При этом верности их пришел конец. По причинам, установить которые ему впоследствии так и не удастся, заводиться вновь машины откажутся.

А значит, электроплиты, духовки и холодильники вскоре тоже должны были выйти из строя — как только сядут аккумуляторы.

На нижней палубе, свернутый в кольцо, лежал еще десятиметровый швартовочный трос — белая нейлоновая пуповина. Капитан навязал узлов по всей длине троса, они с Мэри скинули один его конец за борт, спустились по нему на отмель и побрели к берегу — собирать яйца и убивать не боящихся людей диких животных. Мешками для добычи им призваны были служить армейская куртка Мэри и новая рубашка Джеймса Уэйта, на которой еще висел ценник.

Они сворачивали шеи олушам. Ловили за хвост игуан и лупили их с размаху о черную лаву, покуда те не умирали. Именно в разгар этой бойни Мэри поранила руку — и бесстрашная пташка-вампир впервые отведала человеческой крови.

Убийцы истребляли лишь сухопутных игуан, не трогая морских, которых считали несъедобными. Пройдет еще два года, прежде чем они от-

кроют, что полупереваренные водоросли, находящиеся в желудках последних, представляют собой не только вкусное горячее блюдо, готовое к употреблению, но и лекарство от недостатка витаминов и минеральных веществ, от которого им предстояло страдать до того времени. Это станет ценным дополнением к их рациону. Более того: способные лучше переваривать это пюре оказывались здоровее и привлекательнее других, а стало быть, пользовались предпочтением при выборе сексуального партнера. Тогда вступил в действие Закон естественного отбора, в результате чего ныне, миллион лет спустя, люди могут переваривать водоросли сами, без помощи морских игуан, которых предпочитают не трогать.

Так гораздо приятней для всех.

Люди, однако, по-прежнему истребляют рыбу, а во времена нехватки рыбы все еще убивают и едят олуш, которые все так же их не боятся.

Я готов поручиться, что, пройди еще миллион лет — олуши так и не сумеют осознать, что люди представляют для них опасность. И, как я уже говорил, птицы эти все продолжают и продолжают танцевать в брачный период.

В тот вечер на борту «Bahia de Darwin» устроен был настоящий пир. Ели на верхней палубе. Сама палуба служила тарелкой, а капитан исполнял роль шеф-повара. Он подавал печеных сухопутных игуан, фаршированных мясом крабов и мелких птиц. Печеных олуш, фаршированных их собственными яйцами и политых топленым пингвиным жиром. Это было настоящее объедение. Все снова были счастливы.

На следующее утро, едва начало светать, капитан с Мэри опять отправились на берег,

прихватив с собою девочек канка-боно. Девочки не сразу, но в конце концов поняли, что от них требуется. Они убивали и убивали и все таскали и таскали трупы убитой живности на корабль — покуда в морозильнике в дополнение к Джеймсу Уэйту не накопилось достаточно птиц, игуан и яиц, чтобы при необходимости можно было протянуть на них около месяца. Теперь у них было не только полно горючего и воды, но и несметное количество еды, причем отличной.

Следующим делом капитан намеревался запустить двигатели и полным ходом вести судно на восток. На сей раз он никак не мог проплыть мимо Южной, Центральной или хотя бы Северной Америки, заверил капитан Мэри, вновь обретая чувство юмора, «если только мы не ухитримся пройти насквозь через Панамский канал. Но даже случись нам проплыть через него — твердо гарантирую вам, что вскоре мы все равно окажемся в Европе или Африке».

Он рассмеялся, она тоже. Похоже, все в конце концов оборачивалось к лучшему. И тут двигатели отказали.

9

К тому времени, как «Bahia de Darwin» погрузилась под мертвенно спокойную гладь океана в сентябре 1996 года, все, кроме капитана, вместо настоящего названия судна употребляли прозвище, данное ему Мэри: «Увесистый ставень».

Пренебрежительная эта кличка позаимствована была из песни, которой Мэри выучилась у «Мандаракса» и которая звучала так:

Отважней других кораблей морских
«Увесистый ставень» был.
Девятый вал моряков не пугал,
Не смирял капитана пыл.
Тот, кто был у руля, веря в мощь корабля,
Презирал коварство морей
И часто в шторм — выяснялось потом —
Спокойно спал в койке своей.

Чарльз Кэррил (1842—1920)

Хисако Хирогуши, ее пушистая дочь Акико, Селена Макинтош — все называли корабль «Увесистый ставень»; даже повзрослевшие канка-боно, которым непонятен был смысл этих слов, но нравилось их звучание. Своим детям — к моменту затопления корабля еще не родившимся — они впоследствии внушали, что приплыли на остров с Большой земли на волшебном корабле, который назывался «Увесистый ставень» и в дальнейшем исчез.

Акико, свободно говорившая на канка-боно, английском и японском языках и единственная из не канка-боно, кто умел с ними разговаривать, так и не нашла сколько-нибудь удовлетворительного способа перевести на канка-боно это название: «Увесистый ставень».

Канка-боно понимали это название и его комический подтекст не лучше, чем понял бы современный человек, шепни я ему или ей, нежащимся на белоснежном песке на берегу голубой лагуны, в самое ухо: «Увесистый ставень».

Вскоре после того, как «Увесистый ставень» пошел на дно, Мэри принялась приводить в исполнение свою программу искусственного осеменения. Ей было тогда шестьдесят один год. Она была единственной половой партнершей капита-

на, которому исполнилось шестьдесят шесть и чьи сексуальные достоинства успели утратить свою неотразимость. И он твердо не желал оставлять после себя потомство, поскольку, как он подозревал, шанс, что он может передать детям хорею Хантингтона, все-таки существовал. К тому же он был расистом, и его вовсе не тянуло к Хисако или ее пушистой дочери, и уж подавно — к индейским женщинам, которым в конце концов предстояло вынашивать его отпрысков.

Не нужно забывать: эти люди ждали, что их в любое время могут спасти, и понятия не имели, что они — последняя надежда рода человеческого. Так что сексом они занимались просто для того, чтобы приятно провести время, ослабить зуд или вогнать себя в сон. Размножаться в их положении было бы безответственно, так как Санта-Росалия была неподходящим местом для воспитания детей и появление их создало бы сложности с пропитанием.

До того как «Увесистый ставень», погрузившись под воду, присоединился к эквадорскому подводному флоту, Мэри, так же как и все, считала, что появление ребенка в таких условиях стало бы трагедией.

Душа ее продолжала пребывать в этом убеждении, тогда как ее большой мозг исподволь, чтобы не спугнуть ее, начал задаваться вопросом, может ли сперма, которую капитан извергал в нее дважды в месяц, быть как-то перенесена в женщину, способную рожать, и — хоп, готово! — чтобы та в итоге забеременела. Акико, которой в ту пору исполнилось всего десять лет, зачать бы еще не могла. Тогда как подросшие канка-боно, старшей из которых

было девятнадцать, а младшей пятнадцать, явно подходили для этой цели.

Большой мозг нашептывал Мэри то, что она любила повторять своим ученикам: нет никакого вреда, а может стать, даже очень полезно, чтобы люди играли в своем уме всевозможными идеями, сколь бы невозможными, непрактичными или совершенно безумными они ни представлялись на первый взгляд. Она уверяла себя на Санта-Росалии, как внушала в Илиуме своим подросткам, что интеллектуальные игры даже с самыми никудышными идеями привели ко многим серьезнейшим научным прозрениям того, что она тогда, миллион лет назад, называла «современностью».

Она справилась у «Мандаракса», что у него есть на тему «любопытство».

Ибо сказано «Мандараксом»:

Любопытство — одно из неизменных и верных свойств живого ума.

Сэмюэль Джонсон (1709—1784)

Чего «Мандаракс» ей не сказал и чего, разумеется, не собирался сообщать ей ее большой мозг, так это того, что, коль скоро у нее родится идея новаторского эксперимента, этот самый мозг превратит ее жизнь в ад, покуда она не приведет эксперимент в исполнение.

Именно это являлось, по-моему, самым дьявольским в больших мозгах людей древней эпохи. Мозги эти внушали их обладателям: «Вот сумасшедший поступок, который мы могли бы совершить, — но, конечно, ни за что на него не пойдем. Просто занято помечтать».

А потом, точно в трансе, люди и впрямь этот поступок совершали: заставляли рабов

драться не на жизнь, а на смерть в Колизее, или сжигали кого-то на площади за приверженность убеждениям, непопулярным среди местного населения, или строили заводы, единственной целью которых было истребление людей в массовых масштабах, или взрывали целые города и так далее, и тому подобное.

В «Мандаракс» следовало бы заложить — но не заложили — предупреждение на этот счет: «В нынешнюю эпоху больших мозгов все, что можно совершить, будет совершено — так что за дело».

Самое близкое по смыслу, что смог откопать в своей памяти «Мандаракс», была цитата из Томаса Карлейля (1795—1881):

Сомнению любого рода может положить конец лишь действие.

Сомнения Мэри относительно того, может ли женщина зачать при посредничестве другой женщины на пустынном острове и без какого-либо технического содействия, привели к тому, что она начала действовать. В некоем трансе она нанесла визит в становье канка-боно, располагавшееся по другую сторону кратера, прихватив с собой в качестве переводчицы Акико.

И тут я ловлю себя на воспоминании о моем отце — когда он был еще жив и прозябал, запятнанный чернилами, в Кохоусе. Он все время надеялся запродать что-нибудь из сочиненного им киношникам, чтобы ему больше не приходилось хвататься за случайную работу и мы могли нанять кухарку и уборщицу.

Но, как бы он ни мечтал о сделке с киношниками, ключевые сцены во всех без исклю-

чения его рассказах и книгах были таковы, что ни один режиссер, пребывающий в здравом уме, не пожелал бы их снимать — во всяком случае, если бы хотел, чтобы фильм пользовался успехом.

И вот теперь я сам приступаю к ключевой сцене своего повествования, которую ни за что не включили бы в фильм, рассчитанный на зрительский успех, миллион лет тому назад. В этой сцене Мэри Хепберн как загипнотизированная глубоко запускает указательный палец своей правой руки в себя, а затем — в восемнадцатилетнюю девушку канка-боно, в результате чего той суждено забеременеть.

Позже на ум Мэри придет шутка по поводу той необдуманной, необъяснимой, безответственной, совершенно безумной вольности, которую она себе позволила вытворить с телом не одной, а всех поголовно юных канка-боно. Но, поскольку с единственным из колонистов, который оценил бы эту шутку, — капитаном — они больше не разговаривали, она вынуждена была так и оставить ее невысказанной. Шутка же эта в ее устах прозвучала бы примерно так:

«Если бы мне только пришло в голову учудить такое в свою бытность учительницей в Илиумской средней школе, я бы сейчас находилась в уютной женской тюрьме штата Нью-Йорк, а не на этой забытой Богом Санта-Росалии».

10

Погрузившись под воду, корабль унес с собой кости Джеймса Уэйта, смешавшиеся на полу морозильной камеры с останками рептилий и птиц, подобных тем, что обитают здесь и поныне. Толь-

ко кости, которые сродни скелету Уэйта, не встретишь сегодня обтянутыми плотью.

По всей видимости, он представлял собой нечто вроде самца обезьяны, ходившего на двух ногах и наделенного чрезвычайно крупным мозгом, назначение которого, как можно догадаться, заключалось в том, чтобы управлять руками его владельца, имевшими весьма хитроумное устройство. Они способны были приручать огонь. Пользоваться различными орудиями.

Возможно, существо это умело изъясняться при помощи словаря из дюжины или более слов.

Когда судно пошло ко дну, единственным обладателем бороды на острове был капитан. Год спустя предстояло появиться на свет его сыну, Камикадзе. А еще через тринадцать лет на острове появилась вторая борода — борода Камикадзе.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Жил-был бородатейший Дед,
Промолвивший раз: «Быть беде!
Две совы и орел,
Три вьюрка и щегол
Свили гнезда в моей бороде!»

Эдвард Лир (1812—1888)

К тому времени как корабль затонул, колонии исполнилось десять лет и капитан успел превратиться в страшно занудную личность, которой не о чем было думать и нечем себя занять. Большую часть времени он проводил близ единственного на острове источника водоснабжения — родника, бившего у подножия кратера. Когда кто-нибудь приходил за водой, он встречал этого человека так, словно являлся милостивым и всезнающим хозяином источ-

ника, его опекуном и хранителем. Он сообщал даже женщинам канка-боно, которые не понимали ни слова из сказанного им, о самочувствии родника — описывал его «струение» из трещин в скале как «очень взвинченное», «очень жизнерадостное», «очень вялое» или еще какое-нибудь.

Струение же это в действительности оставалось неизменным — будь то за тысячи лет до высадки колонистов на остров или сегодня, хотя современные люди в нем больше не нуждаются. Чтобы понять его природу, не требовалось оканчивать Военно-морскую академию США. Тайна ключа отгадывалась просто: кратер представлял собой огромную емкость, которая улавливала дождевую воду, пряча ее от солнца под толстым слоем вулканических обломков. И в емкости этой имелась слабая течь — родник.

При всей массе имевшегося у него в распоряжении свободного времени капитану вряд ли удалось бы как-то усовершенствовать устройство родника. Вода и без того уже самым замечательным образом струилась из трещины в застывшей лаве, скапливаясь в естественном углублении десятью сантиметрами ниже. Углубление это было — и остается — размером с раковину умывальника в туалете возле кают-компаний «Увесистого ставня». И, будучи полностью вычерпано, независимо от вмешательства капитана ровно через двадцать три минуты и одиннадцать секунд, как было засечено «Мандараксом», оказывалось вновь наполненным до краев.

Как описать мне преклонные годы капитана? Следовало бы, наверное, охарактеризовать его душевное состояние как спокойно-безнадежное. Но, разумеется, ему не обязательно было пережить

робинзонаду на Санта-Росалии, чтобы прийти к такому мироощущению.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Масса людей влачит дни в тихой безнадежности.

Генри Дэвид Торо (1817—1862)

Почему, спрашивается, эта тихая безнадежность была столь распространенным недугом в ту эпоху, в особенности среди людей? И вновь я выволакиваю на сцену единственного настоящего злодея во всем моем повествовании: гипертрофированный человеческий мозг.

Сегодня никто не влачит дни в тихой безнадежности. Миллион лет назад люди были спокойно-безнадежны по вине заключенных в их черепах адских компьютеров, не способных к расслаблению или праздности и вечно требовавших все более сложных задач, которые жизнь не успевала им подкидывать.

Итак, я изложил почти все события и обстоятельства, сыгравшие, на мой взгляд, решающую роль в том, что человечество дожило до сегодняшнего дня. Я перебираю их в памяти, точно замысловатой формы ключи ко множеству запертых дверей, за последней из которых открывается эра полного благоденствия.

Одним из этих ключей с уверенностью можно считать отсутствие на Санта-Росалии каких-либо орудий, кроме непрочных соединений из костей, прутиков, камней да рыбьих и птичьих кишок.

Будь в распоряжении капитана приличные инструменты — ломы, кирки, лопаты и тому подобное, — он наверняка нашел бы способ во

имя науки и прогресса засорить источник или заставить его извергнуть всю скопившуюся в кратере пресную воду за одну-две недели.

Что касается баланса, которого колонистам удалось достигнуть между собой и своим пропитанием, то следует сказать, что он тоже основывался скорее на везении, нежели на сознательных действиях.

Природа решила проявить щедрость, поэтому пищи вокруг было достаточно. Поголовье птиц на архипелаге в те годы умножалось, и эмигранты из перенаселенных птичьих базаров стекались на Санта-Росалию, занимая гнезда птиц, съеденных людьми. В случае же с морскими игуанами, не умевшими покрывать вплавь большие расстояния, подобного естественного восполнения не происходило. Но отталкивающий вид этих пресмыкающихся и содержимого их желудков побуждал людей потреблять их в пищу лишь во времена крайней нехватки любой другой пищи.

Самым вкусным блюдом все признавали яйцо, в течение нескольких часов пекшееся на раскаленной солнцем каменной плите. Огня на Санта-Росалии не было. Вторым по предпочтению блюдом была рыба, отнятая у птиц. Третьим — сами птицы. И, наконец, — зеленая масса из желудка морской игуаны.

Более того: природа была настолько изобильна, что в распоряжении колонистов имелся резервный запас провизии, о котором они знали, но которым им ни разу не пришлось воспользоваться. Кругом лениво валялись и строили проходящим людям глазки тюлени и морские львы всех возрастов, ничего не подозревавшие и неопасные — за исключением самцов в брачный период. Они были чертовски аппетитны.

Роковым для колонистов могло обернуться то, что они почти сразу истребили всех сухопутных игуан, но катастрофы, как показало время, все же не произошло. Это могло иметь крайне важное значение. Случилось, однако, наоборот. Гигантских сухопутных черепах на Санта-Росалии сроду не водилось, а не то колонисты, вероятно, истребили бы их. Но и это не сыграло бы слишком большой роли.

Между тем в остальных частях света, особенно в Африке, люди вымирали миллионами, поскольку им посчастливилось гораздо меньше. Там годами не шли дожди. Прежде их выпадало много — теперь же, похоже, дождей больше не приходилось ждать совсем.

Хотя бы африканцы перестали плодиться. Это уже было неплохо. Хоть какое-то облегчение. Это означало, что в мире стало гораздо меньше чего-то, способного распространяться.

Капитан осознал, что канка-боно беременны, лишь за месяц до того, как первая из них родила. Родила первого зачатого там, на острове, человеческого самца, который вошел в историю под прозвищем, которое, в восхищении перед его мужской природой, дала младенцу пушистая Акико: «Камикадзе» — что по-японски означает «священный ветер».

Первым поселенцам не суждено было стать единой семьей. Однако последующие поколения, после того, как умерли последние из стариков, стали ею. Их объединяли общий язык, общая религия, общие шутки, песни и танцы и тому подобное — почти все унаследованное от канка-боно. И Ка-

микадзе, когда ему пришла пора превратиться в преклонного старца, стал тем, кем никогда не был капитан: всеми почитаемым патриархом. А Акико — столь же почитаемой прародительницей.

И произошло это — образование идеально сплоченной семьи из столь генетически разнородного материала — очень быстро. Как чудесно было это наблюдать! Зрелище это заставило меня почти полюбить людей, даже такими, какими они были тогда, — с чересчур большими мозгами и так далее.

11

Капитан обнаружил, что одна из канка-боно беременна, только тогда, когда игра зашла уже слишком далеко, ибо никто, разумеется, не собирался ставить его в известность. Кроме того, все канка-боно так ненавидели его, главным образом за его расистское к ним отношение, что он их практически не видел. За водой на его сторону кратера они приходили поздно ночью, когда капитан, как правило, уже крепко спал, чтобы избежать встречи с ним. И ненавидеть его они продолжали до самой его смерти, несмотря на то, что тот был отцом их детей, которых они столь любили.

Как-то ночью, однако, за месяц до рождения Камикадзе, капитану не спалось на их с Мэри ложе из перьев. Его большой мозг не давал ему покоя, заставлял ворочаться. В голове его созрел замысел докопаться изнутри кратера до водоносного слоя, отыскать течь и, таким образом, установить контроль над тем, на что еще ни у кого не было причин жаловаться: над напором воды в ключе.

По скромности этот инженерный проект, кстати сказать, мог соперничать с сооружением Великой пирамиды Хуфу или Панамского канала.

Итак, капитан встал с постели и отправился среди ночи прогуляться. Полная луна стояла в зените. Когда он приблизился к роднику, шесть находившихся там канка-боно похлопывали поверхность воды, наполнявшей до краев углубление, точно спину добродушного зверя, брызгали и вообще развлекались как могли. Им было так весело — в особенности оттого, что вскоре у них должны были родиться малыши.

При виде капитана веселье их прекратилось. Они решили, что на уме у него что-то недоброе. Но и капитану было не по себе, так как он был совершенно голый. Не ожидая встретить кого-либо в столь позднее время, он не позаботился накинуть свое одеяние из игуановой кожи. Так что впервые за десять лет, проведенных на Санта-Росалии, молодым женщинам представился случай воочию увидеть мужские гениталии. Это зрелище невольно вызвало у них смех, и с этого момента они хохотали не переставая.

Капитан ретировался в свое жилище, где Мэри продолжала спать крепким сном. Смех индианок он списал на счет их недалекости. И подумал, что, похоже, у одной из них в животе опухоль, паразит или какая-нибудь инфекция и что ей, несмотря на всю ее веселость, видимо, жить осталось недолго.

На следующее утро он поделился своими соображениями насчет этой опухоли с Мэри, на что та ответила очень странной улыбкой.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Я разве улыбнулась? — опомнилась она. —

266 О Господи, разумеется, улыбаться тут нечему.

— Такой раздутый живот, — продолжал он. — Это точно опухоль, не меньше...

— Я с тобой вполне согласна, — ответила она. — Поживем — увидим. Что нам еще остается делать?

— А она веселилась, — все не мог надивиться капитан. — И, похоже, совершенно не страдала оттого, что ее так разнесло.

— Ты ведь сам не раз говорил, что они не такие, как мы, — вставила Мэри. — Они мыслят очень примитивно. Стараются находить утешение во всем, что бы ни случилось. Они полагают, что все равно не в силах что-либо изменить, и потому принимают жизнь такой, какова она есть.

У нее в постели был с собой «Мандаракс». Она и пушистая Акико, которой тогда исполнилось всего десять лет, были единственными среди колонистов, кто еще находил этот аппарат забавным. Если бы не они, капитан, Селена или Хисако, считавшие его бесполезные советы, пустое умствование и тяжеловесные остроты издевательством над собой, давно бы вышвырнули его в океан.

А капитан и вовсе чувствовал себя лично оскорбленным после того, как «Мандаракс» выдал дурацкий стишок о капитане «Увесистого ставня».

И теперь Мэри с помощью компьютера подыскала соответствующую цитату, чтобы прокомментировать предполагаемое неведение той индианки, которая была счастлива, несмотря на вздутие у нее в животе:

Самое большое счастье жизни состоит в неведении,
Покуда человек не познал горе и радость.

Софокл (496—406 до н.э.)

Мэри дурачила капитана способом, который я, как бывший его собрат по полу, вынужден признать самодовольным и низким. Доведись мне

при жизни быть женщиной — я, быть может, считал бы иначе. Будь я в прошлом женщиной, меня бы, возможно, охватил восторг от тайного глумления Мэри Хепберн над той ограниченной ролью, которую мужские особи играли в размножении в те времена и продолжают играть поныне. В этом отношении ничто не изменилось. Самки все так же пользуются ими, тупыми увальнями, чтобы, когда настанет пора, те впрыснули им свою животворную сперму.

Тайная издевка Мэри позже стала открытой и вдвойне омерзительной. После появления на свет Камикадзе капитан, узнав, что это его сын, заикнулся было, что с ним обязательно следовало прежде посоветоваться. На что Мэри ему ответила:

— Тебе не пришлось девять месяцев вынашивать этого ребенка, а потом терпеть, пока он вылезет у тебя между ног наружу. Ты не сможешь кормить его грудью, даже если бы захотел — в чем я, впрочем, сомневаюсь. И никто не ждет от тебя помощи в его воспитании. Напротив: все очень надеются, что ты не будешь иметь к нему ни малейшего отношения!

— Пусть даже так... — запротестовал было он.

— О Господи! — прервала его Мэри. — Если бы мы только могли получить ребенка при помощи слюны морской игуаны, то неужели ты думаешь, что мы не сделали бы этого, даже не побеспокоив Ваше Величество?

12

После того как она такое сказала капитану, их отношения не могли оставаться прежними. Миллион лет назад много теоретизировали о том, как удержать человеческие пары от распада,

и Мэри, пожелай она того, располагала бы по крайней мере одним способом продлить на некоторое время совместную жизнь с капитаном. Она могла сказать ему, будто канка-боно вступали в половую связь с морскими львами и тюленями. Он бы поверил этому — не только в силу своего невысокого мнения о моральных устоях индианок, но и потому, что никогда бы не поверил в искусственное осеменение. Он бы счел такое невозможным, хотя на деле процедура эта оказалась поистине детской игрой, не сложнее куличиков.

Ибо сказано «Мандараксом»:

Есть кое-что, бегущее преград.

Роберт Фрост (1874—1963)

А я добавляю:

Да, но есть также кое-что, обожающее слизистую оболочку.

Лев (Леон) Троцкий-Траут (1946—1001986)

Итак, Мэри могла с помощью лжи спасти их связь, хотя происхождение голубых глаз Камикадзе все равно потребовало бы объяснений. Сегодня у каждого двенадцатого человека, кстати, можно встретить голубые глаза и золотые выющиеся волосы капитана. Порой я в шутку обращаюсь к такой особи: «Guten Morgen, Herr von Kleist» или «Wie geht's Ihnen, Fräulein von Kleist?»¹ Это, пожалуй, все, что я знаю по-немецки. Но сегодня и этого более чем достаточно.

Следовало ли Мэри Хепберн прибегнуть ко лжи ради спасения своих отношений с капитаном? Воп-

¹ Доброе утро, господин фон Кляйст. Как поживаете, фрейлейн фон Кляйст? (нем.)

рос по прошествии всех этих лет все еще остается спорным. Они никогда не были идеальной парой. Сошлись они после того, как Селена с Хисако отделились и зажили вдвоем, воспитывая Акико, а индианки из племени канка-боно перебрались на противоположную сторону кратера, чтобы сохранить в неприкосновенности свои племенные верования, воззрения и образ жизни.

Одним из обычаев канка-боно было, кстати, хранить в тайне свои имена от любого, кто не принадлежал к их племени. Я был, однако, посвящен в эту их тайну — как, впрочем, и в тайны всех остальных — и, думаю, не причиню никому вреда, сообщив теперь, что первой родила от капитана ребенка Синка, второй — Лор, третьей — Лайра, четвертой — Дирно, пятой — Нанно и шестой — Кил.

После того как Мэри отселилась от капитана и соорудила свой собственный навес и ложе из перьев, она не раз говорила Акико, что чувствует себя не более одинокой, чем во время совместной жизни с капитаном. У нее имелся ряд претензий к капитану, которые тот мог бы легко устранить, будь он сколько-нибудь заинтересован в прочности их отношений.

— Отношения должны строиться усилиями обеих сторон, — учила она Акико. — Если старается только один, ничего хорошего из этого не получится. И тот, кто старается в одиночку, будет в результате, как и я, все время оставаться в дураках. Я один раз была счастлива замужем, Акико, и могла быть и второй, не умри Уиллард так рано. Так что я знаю, как все это должно делаться.

Она перечислила четыре самых серьезных просчета, которые капитан легко мог, но не захотел исправить:

1. Говоря о том, что он собирается делать после того, как их спасут, капитан никогда не включал в свои планы ее.

2. Он потешался над Уиллардом Флеммингом — хотя и сознавал, насколько этим ранит ее, — ставя под сомнение, что тот действительно написал две симфонии, смыслил кое-что в ветряных мельницах и даже умел ходить на лыжах.

3. Он постоянно жаловался на пиканье, которое издавал «Мандаракс», когда она нажимала на различные кнопки, хотя оно было еле слышным, — и это несмотря на то, что ему было известно, как важно для нее развивать мышление, запоминать знаменитые высказывания, учить новые языки и так далее.

4. Он скорее бы придушил себя, чем хоть раз сказал: «Я тебя люблю».

— И это только четыре самых крупных недостатка, — заключила она. Так что в словах Мэри о слюне морской игуаны сказалась изрядная доля обиды, которая долгое время копилась у нее внутри.

В разрыве этом, на мой взгляд, не было ничего трагического, поскольку в нем не были замешаны несовершеннолетние и ни одна из сторон не считала для себя нестерпимым жить врозь. Акико регулярно навещала их обоих, а после того, как у Камикадзе стала пробиваться борода, начала приходить к ним со своими пушистыми детишками.

Канка-боно не выказывали к Мэри особого расположения, хотя именно ей были обязаны рождением своих детей. Они, как и их дети, боя-

лись ее не меньше, чем капитана, считая, что она способна приносить не только добро, но и зло.

Так минуло двадцать лет. Хисако и Селена за восемь лет до этого срока вместе покончили с собой, бросившись в океан. Акико к этому времени стала уже тридцатидевятилетней матроной, матерью семи рожденных ею от Камикадзе пушистых детей — двух мальчиков и пяти девочек. Она свободно, без помощи «Мандаракса», разговаривала на трех языках: английском, японском и канка-боно. Дети ее говорили только на канка-боно, не считая двух слов — «Grandpa» и «Grandma»¹, — которыми она научила их называть и сама называла капитана и Мэри Хепберн.

Раз, в 7.30 утра 9 мая 2016 года, если верить *«Мандараксу», Акико разбудила *Мэри и сказала, что та должна помириться с *капитаном, который так болен, что, может статься, не протянет до конца дня. Акико навестила его накануне вечером и вынуждена была отослать детей домой и, оставшись, сидеть с ним всю ночь, хотя она мало что могла для него сделать.

*Мэри поднялась и пошла, несмотря на то, что сама уже была далеко не молоденькой цыпочкой, а восьмидесятилетней беззубой старухой. Позвоночник ее был изогнут как вопросительный знак — по причине, как определил «Мандаракс», прогрессирующего остеопороза. Чтобы определить, что это именно остеопороз, ей вовсе не нужен был диагноз *«Мандаракса». Ибо по вине этого самого остеопороза кости ее матери и бабки перед смертью были не толще тростинки. То был еще один наследственный недуг, ныне неизвестный.

Что касается *капитана, то, как авторитетно установил *«Мандаракс», страдал он болезнью Альцгеймера. Старый хрен больше не мог сам за собой следить и вряд ли вообще понимал, где находится. Он бы наверняка умер от голода, если бы Акико не приносила ему ежедневно какую-нибудь еду и не заставляла его тем или иным способом проглатывать хотя бы небольшую часть принесенного. Ему было восемьдесят шесть.

Ибо сказано *«Мандараксом»:

Последний акт, кончающий собой
Столь полную и сложную историю,
Есть новое младенчество —
Беззубое, безглазое, без вкуса.
Без памяти малейшей, без всего¹.

Уильям Шекспир (1564—1616)

Итак, *Мэри, вся согбенная, пришаркала к навесу из перьев, под которым обитал *капитан и где раньше жила и она. Со времени ее ухода навес не раз обновлялся, равно как поддерживавшие его шесты и перекладины из ризофоры и само ложе из перьев. Однако архитектура сооружения оставалась все та же — с прорубленным в живых мангровых зарослях видом на покрытую водой отмель, на которую некогда сел днищем «Увесистый ставень».

Кстати, стащила его с мели скопившаяся в кормовой части дождевая и морская вода. Морская же вода просочилась в трюм через ствол, где помещался один из могучих винтов корабля. Судно затонуло ночью. И никому не довелось увидеть его отплытие в последний этап «Естествоиспытательского круиза века»: в трехкилометровый путь вертикально вниз, на самое дно океанского сундука.

¹ Перевод П. Вейнберга.

Я был удивлен, что *капитан желал изо дня в день видеть это овечье мрачной историей место, над которым стояло его жилище. Именно в эту прикрытую водою отмель бросились с обрыва, рука об руку *Хисако Хирогуши и слепая *Селена Макинтош, в поисках туннеля в загробную жизнь, — и вместе вошли в него. *Селене было тогда сорок восемь лет, и она еще способна была рожать. *Хисако же — пятьдесят шесть, и она уже довольно давно утратила способность к зачатию.

Акико всякий раз еще испытывала угрызения совести при виде этой отмели. Она невольно чувствовала себя повинной в самоубийстве двух вырастивших ее женщин — даже несмотря на то, что, согласно *«Мандараксу», истинной причиной самоубийства, несомненно, была неизлечимая монополярная и, возможно, наследственная депрессия *Хисако.

Но Акико ни минуты не сомневалась: *Хисако и *Селена покончили с собой вскоре после того, как она отделилась от них и зажила самостоятельно.

Ей было в ту пору двадцать два года. Камикадзе тогда еще не достиг половой зрелости, так что он тут был ни при чем. Она просто сама по себе решила жить отдельно и от души наслаждалась такой жизнью. Она уже давно достигла того возраста, когда большинство молодых людей покидают родное гнездо, и я был всецело за то, чтобы и она поступила так же. Ибо видел, как мучительно ей было, что *Хисако и *Селена продолжают обращаться с ней как с ребенком, тогда как она уже успела превратиться в зрелую, полноценную женщину. Тем не менее

она ужасно долго с этим мирилась — из чувства признательности за все то, что они сделали для нее, когда она была еще и впрямь беспомощной.

В тот день, когда она ушла, они, вообразите, по-прежнему мелко рубили для нее мясо олуши.

Еще месяц после этого они, садясь есть, накрывали и для нее, клали ей нарубленного мяса, обращались к ней, воркуя и мягко подраживая, — несмотря на то, что ее с ними не было.

И наконец однажды почувствовали, что жить больше не стоит.

*Мэри Хепберн, когда она пошла повидать *капитана на его смертном одре, была, несмотря на все свои болячки, все еще вполне самостоятельной, сама добывала и готовила себе пищу и содержала свое жилье в невероятной чистоте. И по праву гордилась этим. *Капитан был бременем на плечах колонии — то есть на плечах Акико. Чего нельзя было сказать о *Мэри. Она часто повторяла, что, случись ей почувствовать себя кому-то в тягость, она кинется, по примеру Хисако и Селены, с обрыва на каменистую отмель, чтобы соединиться на дне океана со своим вторым мужем.

Бросался в глаза контраст между ее ступнями и ногами изнеженного *капитана. Они отражали две совершенно разные истории жизни. Его ступни остались белыми и нежными. Ее же были твердыми и коричневыми, как те грубые походные ботинки, которые она привезла когда-то с собою в Гуаякиль.

Она обратилась к этому человеку, с которым не разговаривала уже двадцать лет:

— Мне сказали, ты очень болен.

Надо отдать ему должное — выглядел он еще вполне привлекательным и не слишком ис-

худавшим. Он был опрятен и чист, поскольку Акико ежедневно обмывала его, мыла ему голову и расчесывала бороду и шевелюру. Мыло, которое она для этого использовала, изготавливалось женщинами канкабоно из молотой кости и пингвиньего жира.

Особенно раздражающим в болезни *капитана было то, что тело его было прекрасно способно о себе позаботиться. Сил в нем сохранилось гораздо больше, чем у *Мэри. Это его приходящий в упадок большой мозг заставлял его проводить столько времени в постели, испражняться под себя, отказываться от пищи и так далее.

Опять же: состояние его не было вызвано специфическими условиями Санта-Росалии. Вдали от архипелага, на материке миллионы стариков были беспомощны, как дети, и сострадательные молодые люди, вроде Акико, вынуждены были ухаживать за ними. Ныне же благодаря акулам и китам-людоедам проблем, связанных со старением, и возникнуть не может.

— Кто эта старая карга? — обратился *капитан к Акико. — Терпеть не могу страшных женщин. А эта страшнее всех, кого я только видел в своей жизни.

— Это *Мэри Хепберн — миссис Флемминг, дедушка, — ответила Акико, и по пушистой щеке ее скользнула слезинка. — Это бабушка.

— Сроду с ней не встречался, — заявил капитан. — Пожалуйста, выводи ее отсюда. Я закрою глаза, и когда снова их открою — чтобы ее тут не было.

Он сомкнул веки и принялся считать вслух. Акико подошла к *Мэри и взяла ее за хрупкую руку:

— Ах, бабушка! Я и представить не могла,

276 что он будет настолько плох.

На что *Мэри громко ответила:

— Он ничуть не хуже, чем был всегда.

*Капитан продолжал считать.

Со стороны источника, который находился от них в полукилометре, донесся торжествующий мужской клич и звонкий женский смех. Мужской крик был знаком всему острову. Это Камикадзе, по своему обыкновению, объявлял всем, что поймал некую женщину и собирается с нею случиться. Ему в ту пору было девятнадцать, он только недавно вступил в пору полового расцвета и, будучи единственным полноценным самцом на острове, мог свободно спариваться с кем или чем угодно в любое время. Это было еще одной печалью, тяготившей душу Акико: вопиющая неверность ее законной половины. Она была поистине святая женщина.

Самкой, которую Камикадзе изловил возле источника, была его родная тетя Дирно, вышедшая к тому времени из детородного возраста. Однако это ему было не важно. Независимо ни от чего он твердо намеревался случиться с нею. Он занимался этим, когда был моложе, даже с морскими львами и тюленями, пока Акико не убедила его, хотя бы ради нее, этого не делать.

Ни одна самка морского льва или тюленя не забеременела от Камикадзе, а жаль. Если бы ему удалось оплодотворить хотя бы одну, эволюция современного человечества могла бы занять гораздо меньше миллиона лет.

С другой стороны — куда в конечном счете было спешить?

*Капитан снова открыл глаза и, увидев *Мэри, спросил:

— Почему ты еще здесь?

— Не обращай на меня внимания, — ответила она. — Я всего лишь женщина, с которой ты жил в течение десяти лет.

В этот момент Лайра, одна из пожилых индианок, крикнула Акико на языке канка-боно, что ее четырехлетний сын, Орлон, сломал себе руку и ей нужно скорее спешить домой. Приблизиться к жилищу *капитана Лайра не решилась, так как была уверена, что оно поражено некими злыми чарами.

Акико попросила *Мэри присмотреть за *капитаном, покуда она сбегает домой, и пообещала вернуться поскорей, как только сможет.

— Веди себя тут хорошо, — наказала она *капитану. — Обещаешь?

Тот нехотя пообещал.

*Мэри по просьбе Акико принесла с собой *«Мандаракс» — в надежде установить с его помощью диагноз недуга, из-за которого *капитан за последние сутки несколько раз впадал в состояние комы, напоминающее смерть.

Но стоило ей показать ему компьютер, как тот, не дав ей задать ни единого вопроса, выкинул неожиданный фортель: встал и выхватил у нее из рук аппарат, точно никакой болезни и не бывало.

— Этого сукина сына я ненавижу больше всего на свете! — произнес он, после чего сбежал на берег и побрел по отмели в сторону океана по колено в воде.

Бедная *Мэри погналась за ним, но ей явно не под силу оказалось помешать столь крупному и еще физически крепкому мужчине. Ей оставалось лишь беспомощно наблюдать, как капитан швырнул

*«Мандаракс», так что тот, плюхнувшись в воду, опустился на подводном склоне на глу-

бину порядка трех метров. Отмель в этом месте обрывалась, и основание острова начинало уходить вниз уступами, напоминавшими гребень морской игуаны.

Она видела, куда упал компьютер. Он лежал на одном из таких уступов — фамильная ценность, которую она после смерти обещала оставить Акико. И эта скрюченная дряхлая леди устремилась за своим сокровищем. Нырнув, она успела даже схватить его, но тут возникшая невесть откуда гигантская белая акула проглотила ее вместе с «Мандараксом».

С *капитаном же случился провал памяти, и он продолжал стоять на отмели по колено в воде, не понимая, что он тут делает и в какой части света вообще находится. Больше всего его тревожила назойливость каких-то нападавших на него птиц. На самом деле это были безобидные певчие птишки-вампиры, заурядные обитатели этого острова, привлеченные кровавыми пролежнями *капитана. Но ему они представлялись чем-то неведомым и пугающим.

Он пытался отгонять их хлопками и громко звал на помощь. Все новые птички подлетали, заинтересованные скоплением своих сородичей, и *капитан, окончательно уверившись, что они хотят заклевать его, и обезумев от страха, кинулся в воду вслед за Мэри, где его сожрала рыба-молот. Глаза у этого морского животного располагались по бокам его молотообразной головы — устройство, доведенное до совершенства Законом естественного отбора еще много миллионов лет назад. Акула эта представляла собой безотказную деталь в часовом механизме мироздания, усовершенствовать которую было уже невозможно. И чего ей уж наверняка не требовалось — так это мозга больших размеров.

Что бы она стала делать с более крупным мозгом?
Сочинила бетховенскую Девятую симфонию?

Или, быть может, написала бы следующие строки:

Весь мир — театр;
В нем женщины, мужчины все — актеры;
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет...¹

Уильям Шекспир (1564—1616)

14

Я пишу эти слова в воздухе — указательным пальцем моей левой руки, которая тоже суть лишь воздух. Моя мать была левшой, и я в нее. Ныне среди людей нет ни одного левши. Они с равным успехом орудуют обоими своими плавниками. Моя мать была рыжеволосой, как и Эндрю Макинтош, однако дети, я и Селена, не унаследовали ржавого оттенка шевелюру своих родителей. Как не унаследовало ее человечество вообще — да и не могло унаследовать. Рыжеволосых людей больше не встретишь. Мне лично не довелось знать ни одного альбиноса, но и альбиносов больше не осталось. Среди тюленей же альбиносы время от времени встречаются. Их шкуры высоко ценились бы миллион лет назад в качестве материала для шуб, в которых зажиточные дамы показывались в Опере и на благотворительных балах.

Могли бы, как материал для шуб, подойти людям древних времен шкуры их современных потомков? Почему бы нет.

Не волнует ли меня неосновательность такого писательства: воздухом по воздуху? Что ж, слова мои будут не менее долговечны, чем все, написанное моим отцом, или Шекспиром, или Бетховеном, или Дарвином. Оказывается, что в конечном счете они все писали воздухом по воздуху. И теперь я ловлю в мягком воздухе следующую мысль Дарвина:

Прогресс носит гораздо более всеобщий характер, чем регресс.

Верно. Как это верно.

В начале моего повествования казалось, что земной части часового механизма мироздания грозит страшная опасность — из-за того, что многие ее детали, а именно люди, пришли в негодность и начали причинять ущерб всем окружающим деталям и самим себе. В ту пору я был готов признать нанесенный урон невозполнимым.

Но не тут-то было!

Благодаря некоторым изменениям, которые претерпело устройство человеческих существ, я не вижу теперь, что помешало бы земной части этого часового механизма тикать вечно — так, как она это делает ныне.

Если эту гармонию человечества с самими собой и остальной Природой восстановили некие сверхъестественные существа или инопланетяне с летающих тарелок — это любимцы моего отца, — то я их за этим не застал. Я готов клятвенно утверждать, что Закон естественного отбора исправил все недостатки без какого бы то ни было постороннего вмешательства.

В условиях преимущественно водной среды обитания на Галапагосском архипелаге в наибольшем количестве выжили те, кто оказывался более удачливым рыболовом. Те, чьи руки и ноги больше походили на ласты, плавали лучше других. Выдающиеся челюсти лучше, чем когда-либо могли руки, позволяли хватать и удерживать рыбу. И любой рыболов, проводя все больше времени под водой, разумеется, получал возможность поймать больше рыбы, если тело его было обтекаемым, пулеобразным, с уменьшенным черепом.

Итак, повествованию моему подошел конец — не считая нескольких не столь важных деталей, которых мне не удалось коснуться раньше. Я изложу их не слишком упорядоченно, так как теперь мне придется спешить. Отец и голубой туннель могут пожаловать за мной в любую минуту.

Знают ли люди ныне, как прежде, что рано или поздно им предстоит умереть? Нет. К счастью (по моему скромному мнению), человеческий род напрочь выбросил это из головы.

Оставил ли я после себя при жизни потомство? Незадолго до моего вступления в ряды морской пехоты США в Санта-Фе от меня случайно забеременела одна школьница. Она была дочерью директора этой школы. Мы даже не слишком нравились друг другу, а просто резвились, как и подобало молодым людям нашего возраста. Ей сделали аборт, за который заплатил ее отец. Мы так и не узнали, какого пола был зародыш.

Это послужило мне, конечно же, хорошим уроком. После этого случая я строго следил,

чтобы при занятиях сексом с партнершей кто-то из нас двоих пользовался контрацептивными средствами. Женой я не обзавелся.

Сейчас я не в силах сдержатъ смеха при мысли о том, каким попранием достоинства и красоты явилась бы для современного человека необходимость прибегать в преддверии любовного акта к помощи противозачаточных приспособлений, применявшихся повсеместно миллион лет тому назад. Представьте вдобавок, что им пришлось бы приспособливать их себе плавниками вместо рук!

Доплывали ли сюда, в мою бытность на острове, растительные «плоты» с материка — с пассажирами или без? Нет. Случалось ли вообще каким-либо материковым видам животных достигать островов после прибытия сюда «Bahia de Darwin»? Нет.

С другой стороны, я пробыл тут всего миллион лет — что в действительности сущий пустяк.

Как я попал из Вьетнама в Швецию?

После того как я застрелил старуху, убившую одной ручной гранатой моего лучшего друга и моего злейшего врага, и уцелевшая часть нашего взвода сожгла дотла ее деревню, меня госпитализировали в связи с моим, как было сказано, «нервным истощением». Меня окружили нежной заботой и любовью. Я также удостоился посещения офицеров, которые внушали мне, как важно, чтобы я никому не рассказывал о том, что произошло в той вьетнамской деревне. Только тогда я узнал, что наш взвод уничтожил пятьдесят девять местных жителей всех возрастов. Кто-то позже не поленился их пересчитать.

Сразу по выходе из госпиталя я подцепил сифилис от одной сайгонской проститутки, которую, в свою очередь, подцепил, упившись и накурившись марихуаны. Однако первые симптомы этой болезни, также неизвестной ныне, проявились лишь в Бангкоке, столице Таиланда, куда меня отправили вместе со многими другими для так называемого «отдыха и восстановления сил». Это был эвфемизм, под которым все без исключения подразумевали очередную дозу шлюх, наркотиков и алкоголя. Проституция в те времена была в Таиланде второй по значению статьей валютных доходов, уступая лишь производству риса.

Следом шел экспорт каучука.

За ним — экспорт тикового дерева.

Затем — экспорт олова.

Я не хотел, чтобы командованию морской пехоты стало известно о моем сифилисе. Пронюхай они об этом — мне бы не платили жалованья за весь срок моего лечения. Более того: этот срок приплюсовали бы к тому году, что я обязан был отслужить во Вьетнаме.

Поэтому я решил подыскать себе в Бангкоке частнопрактикующего врача. Один знакомый морпех посоветовал мне обратиться к молодому шведскому доктору, который вел исследовательскую работу в местном медицинском университете и попутно занимался лечением случаев, подобных моему.

Во время первого моего визита к нему доктор принялся расспрашивать меня о войне. И я вдруг обнаружил, что рассказываю ему о расправе, которую наш взвод учинил над той вьетнамской деревней и ее обитателями. Он пожелал уз-

нать, что я ощущал в той ситуации, и я ответил, что самое ужасное как раз в том, что я не ощущал ровным счетом ничего.

— Случалось ли вам после этого плакать или мучиться бессонницей? — спросил он.

— Нет, сэр, — отвечал я. — Скажу больше: меня положили в госпиталь как раз потому, что мне все время хотелось спать.

Плача же от меня и подавно дожидаться было нельзя. Я был кем угодно, только не слезливым созданием с ранимым сердцем. Я не слишком умел проливать слезы еще до того, как морская пехота сделала из меня настоящего мужчину. Даже когда мать ушла от нас с отцом, я не плакал.

Но на сей раз этот швед сумел сказать нечто такое, от чего я разрыдался наконец как дитя. Я плакал и не мог остановиться, что вызвало у него не меньшее удивление, чем у меня самого.

А произнес он следующее:

— Насколько я помню, ваша фамилия Траут. Вы, случайно, не приходитеесь родственником замечательному писателю-фантасту Килгору Трауту?

Этот врач был единственным человеком, встреченным мною за пределами города Кохоус в штате Нью-Йорк, кто слышал про моего отца.

Нужно было добраться до самого Таиланда, чтобы выяснить, что в глазах по крайней мере одного человека мой отец, этот безнадежный писака, прожил жизнь не зря.

От всего этого я так расчувствовался, что мне пришлось ввести успокоительное. Когда час спустя я проснулся на кушетке в его кабинете, врач смотрел на меня. Мы с ним были одни.

— Ну что, теперь получше? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — А может, и лучше. Трудно сказать.

— Я тут размышлял над вашим случаем, покуда вы спали, — сказал он. — Я мог бы рекомендовать вам одно сильнодействующее средство, но вам самому решать, согласны вы попробовать его или нет. Вы должны полностью отдавать себе отчет в возможных его побочных эффектах.

Я решил, он имеет в виду, что к обычным антибиотикам микроорганизмы, вызывающие сифилис, благодаря Закону естественного отбора приобрели иммунитет. Но мой большой мозг опять заблуждался.

Вместо этого он сообщил, что у него есть друзья, которые могли бы переправить меня из Бангкока в Швецию — если я согласен просить там политического убежища.

— Но я не умею говорить по-шведски, — возразил я.

— Ничего, — ответил он. — Научитесь. Научитесь.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж; пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Воннегут Курт
Галапагосы**

Роман

**Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова
Технический редактор О.В. Панкрашина**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.**

ООО «Издательство АСТ»

**141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

Курт

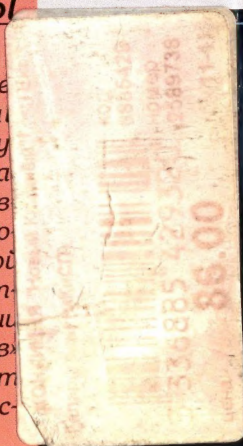
ВОННЕГУТ

Курт Воннегут – фигура в литературе XX века уникальная. Человек, заложивший в своем творчестве стилистические основы поздней постмодернистской литературы США, человек, стоящий у истоков нескольких субкультурных ее направлений, человек, без которого не существовало бы ни Кена Кизи, ни Тимоти Лири. Человек, чье творческое воображение уничтожило в свое время последние границы писательского консерватизма и вывело американскую прозу в новый – АБСОЛЮТНО СВОБОДНЫЙ – полет...

Галапагосы

роман

«Галапагосы» – роман в немалом роде уникальный для «позднего» Курта Воннегута, поскольку именно в нем писатель, в совершенстве овладевший даром очаровывать и завораживать читателя тонкой и сверкающей иронией повествования, продолжает историю многих героев и «антигероев» своей «ранней» прозы – и делает это со зрелой мудростью настоящего мастера...

КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПРОЗА

Гаранасы

БОЖЕНА